

— Мы здесь служим, — огорченно высказывался Шумилин, — а массы живут. Я боюсь, товарищ Дванов, что там коммунизм скорее очутится — им защиты, кроме товарищества, нет. Ты бы пошел и глянул туда.

Дванов вспомнил различных людей, бродивших по полям и спавших в пустых помещениях фронта; может быть, и на самом деле те люди скопились где-нибудь в овраге, скрытом от ветра и государства, и живут, довольные своей дружбой.

А. Платонов «Чевенгур»

ПО СВОЕМУ ОБЫЧАЮ

Формы жизни русского народа

Москва

2015

УДК 329.14(100)+316.723
ББК 66.62 (0+7105)
П41

П41 По своему обычаю. Формы жизни русского народа — М.: Common place, 2015. — 237 с.
ISBN 978-99980-0012-4

Гиль — смута, мятеж (словарь Даля). Настоящая книга посвящена истории народных волнений в России от восстаний языческих волхвов в XI веке до революции 1905 года. Помимо крупных вооруженных выступлений, таких как бунты Степана Разина и Емельяна Пугачева, рассмотрены более локальные события, а также иные формы низового сопротивления: бегство на недоступные властям территории, разбойничество, создание закрытых общин.

ISBN 978-99980-0012-4

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

Оглавление

<i>А.И. Герцен. Про сельскую общину</i>	6
1. Человек и природа в истории России	13
2. Крестьянская община	21
3. Взаимопомощь в крестьянской общине	31
4. Народное право	47
5. Артель	67
6. Доартельные объединения	79
7. Вольное казачество	87
8. Разбойничество	97
9. Тюремная община	117
10. Беглые и бродяги в Сибири	129
11. Бродяжничество в истории России	155
12. Крестьяне и война 1812 года	171
13. Вегетарианство	183
14. Староверие	197
15. «Беловодье»	213
<i>А.И. Герцен. Про народ и закон</i>	231

А.И. Герцен. Про сельскую общину

Среди заснеженного ельника, на широких равнинах вдруг возникали русские деревеньки, четко выделяясь на ослепительно белом фоне. Вид этих убогих сельских общин таит в себе что-то, глубоко меня волнующее. Домишки жмутся друг к другу, предпочитая вместе сгореть, нежели разбредись во все стороны. За домами теряются в бесконечной дали поля, без плетней и оград. Избушка — для человека, для семьи; земля — для всех, для общины.

Крестьянин, живущий в этих домишках, — все в том же положении, в каком застигли его кочующие полчища Чингисхана. События последних веков пронесли над его головой, даже не заставив его задуматься. Это промежуточное существование — между геологией и историей. У этой формации свой особый характер, образ жизни, физиология, но нет биографии. Через каждые два-три поколения крестьянин вновь отстраивает свою избенку из елового леса, которая, мало-помалу разрушаясь, пропадает так же бесследно, как и сам крестьянин.

Заговорите, однако, с ним, и вы тотчас же увидите, закат ли это жизни или детство, варварство ли это, следующее за смертью, или варварство, предшествующее жизни. Но с самого же начала говорите с ним его языком, успокойте его, покажите, что вы ему не враг. Я очень далек от

того, чтобы порицать русского крестьянина за его робость перед цивилизованным человеком. Цивилизованный человек, которого он знает, — это или его помещик, или чиновник. И крестьянин чувствует к нему недоверие, смотрит на него угрюмым взглядом, низко ему кланяется и отходит подальше; но он его не уважает. Он робеет не потому, что видит в нем существо высшего порядка, он робеет перед неодолимой силой. Он побежден, но он вовсе не лакей. Его суровый демократический, патриархальный язык не прошел науку передних. Мужественная красота его сохранилась нетронутой под двойным игом — царя и помещика. Крестьянин Великороссии и Малороссии обладает весьма проницательным умом и удивительной для севера, почти южной живостью. Он говорит хорошо и много: привычка жить всегда среди соседей сделала его общительным.

(...)

Русская сельская община существует с незапамятного времени, и довольно схожие формы ее можно найти у всех славянских племен. Там, где ее нет, она пала под германским влиянием. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; государству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником, облагаемым объектом; она ответственна за всех и за каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел.

Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины; эта земля предоставлена ему в пожизненное владение; он не может, да и не имеет надобности передавать ее по наследству. Его сын, едва он достиг совершеннолетия, приобретает право, даже при жизни своего отца, потребовать от общины земельный надел. Если у отца много детей, они получают, достигнув совершеннолетия, по участку земли;

с другой, стороны, по смерти каждого из членов семьи земля опять переходит к общине.

Часто случается, что глубокие старики возвращают свою землю и тем самым приобретают право не платить податей. Крестьянин, покидающий на время свою общину, не теряет вследствие этого прав на землю; ее можно отнять у него лишь в случае изгнания по приговору общины (или правительства), и подобная мера может быть применена общиной только при единодушном решении мирского схода; однако к этому средству община прибегает лишь в исключительных случаях. Наконец, крестьянин еще тогда теряет это право, когда он по собственному желанию выходит из общины. В этом случае ему разрешается только взять с собой свое движимое имущество; лишь в редких случаях позволяют ему располагать своим домом или перенести его. Вследствие этого сельский пролетариат — вещь невозможная.

Каждый из владеющих землей в общине, т.е. каждый совершеннолетний и обложенный податью, имеет голос в делах общины. Староста и его помощники избираются миром. Так же поступают при решении тяжбы между разными общинами при разделе земли и раскладке податей. (Ибо обложению подлежит главным образом земля, а не человек. Правительство ведет счет только по числу душ; община пополняет недоимки в сборе податей по душам при помощи особой раскладки и принимает за податную единицу деятельного работника, т.е. работника, имеющего в своем пользовании землю.)

Староста обладает большой властью в отношении каждого члена в отдельности, но не над всей общиной: если община хоть сколько-нибудь единодушна, она может очень легко уравновесить власть старосты, принудить его даже отказаться от своей должности, если он не хочет подчиниться их воле. Круг его деятельности ограничивается, впрочем, исключительно административной областью; все вопросы, выходящие за пределы чисто полицейского характера, решаются либо в соответствии с действующими обычаями, либо советом стариков, либо, наконец, мирским сходом. Гакстаузен (В своем очень интересном, но неистово ре-

акционным труде, посвященном земледельческой России, который он опубликовал в 1847 году, одновременно по-немецки и по-французски.) допустил здесь большую ошибку, утверждая, что староста деспотически управляет общиной. Он может управлять деспотически только в том случае, если вся община стоит за него.

Эта ошибка привела Гакстаузена к тому, что он увидел в старосте общины подобие императорской власти. Императорская власть, следствие московской централизации и петербургской реформы, не имеет противовеса, власть же старосты находится в зависимости от общины.

Необходимо еще принять во внимание, что всякий русский, если он не горожанин или дворянин, обязан быть приписан к общине и что число городских жителей, по отношению к сельскому населению, чрезвычайно ограничено, и невозможность многочисленного пролетариата становится очевидностью. Большинство городских работников принадлежит к бедным сельским общинам, особенно к тем, у которых мало земли; но, как уже было сказано, они не утрачивают своих прав в общине; поэтому фабриканты бывают принуждены платить работникам несколько более того, что им могли бы приносить полевые работы.

Зачастую эти работники прибывают в города лишь на зиму, другие же остаются там годами; эти последние объединяются в большие рабочие артели; это нечто вроде русской подвижной общины. Они переходят из города в город (все ремесла почти свободны), и число их в одной артели часто достигает нескольких сотен, иногда даже тысячи; таковы, например, артели плотников и каменщиков в Петербурге и в Москве и ямщиков на больших дорогах. Заработком их ведают выборные, и он распределяется с согласия всех на общих сходах.

Помещик может уменьшить наделы, предоставленные крестьянам; он может выбрать для себя лучший участок; он может увеличить свои земельные владения и тем самым труд крестьянина; он может прибавить оброк, но он не вправе отказать крестьянам в достаточном земельном наделе, и если уж земля принадлежит общине, то она полностью остается в ее ведении на тех же основаниях, что и свобод-

ная земля; помещик никогда не вмешивается в ее дела.

Были, впрочем, помещики, хотевшие ввести европейскую систему парцеллярного раздела земель и частную собственность. Эти попытки исходили, по большей части, от дворян прибалтийских губерний; но все они проваливались и обыкновенно заканчивались убийством помещиков или поджогом их замков, — ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест (Из документов, публикуемых министерством внутренних дел, видно, что ежегодно, даже до последней революции 1848 года, от 60 до 70 помещиков оказывались убитыми своими крестьянами. Не является ли это постоянным протестом против незаконной власти этих помещиков?).

Ужасная история с введением военных поселений показала, каков бывает русский крестьянин, когда на него нападают в его последнем укреплении. Либерал Александр приказал брать деревни приступом; ожесточение крестьян достигло ярости, исполненной глубокого трагизма; они умерщвляли своих детей, чтоб избавить их от нелепых учреждений, навязываемых им штыками и картечью. Правительство, разъяренное таким сопротивлением, подвергало преследованиям этих героических людей; оно засекало их до смерти шпицрутенами, но, несмотря на все эти жестокости и ужасы, оно ничего не смогло добиться. Кровавый бунт в Старой Руссе, в 1831 году, показал, как трудно поддается укрощению этот несчастный народ.

Утверждают, что все дикие народы начинали с подобной же общины; что она достигла у германцев и кельтов полного развития, что ее находят в Индии, но добавляют, что всюду она вынуждена была исчезнуть с началом цивилизации.

Германская и кельтская общины пали, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным.

Но утверждают, что вследствие постоянного раздела земель общинная жизнь найдет свой естественный предел в приросте населения. Как ни серьезно на первый взгляд это возражение, чтоб его опровергнуть, достаточно указать, что в России хватит земли еще на целое столетие и что через 100 лет жгучий вопрос о владении и собственности будет так или иначе разрешен.

Многие писатели, и среди них Гакстгаузен, утверждают, что, вследствие этой неустойчивости во владении землей, обработка почвы нисколько не совершенствуется; вполне возможно, что это так; но агрономы-любители забывают, что улучшение земледелия при западной системе владения оставляет большую часть населения в глубокой нужде, и я не думаю, чтобы растущее обогащение нескольких фермеров и развитие земледелия как искусства могли бы рассматриваться даже самой агрономией как достаточное возмещение за то отчаянное положение, в котором находится изголодавшийся пролетариат.

Сельская Россия, всему внешне подчиняясь, на самом деле ничего не приняла из преобразований Петра I. Он чувствовал это пассивное сопротивление; он не любил русского крестьянина и ничего не понимал в его образе жизни. С преступным легкомыслием усилил он права дворянства и затянул еще туже цепь крепостного права; с той поры крестьянин еще более, чем когда-либо, замкнулся в своей общине и если удалялся от нее, то бросал вокруг себя недоверчивые взгляды; он видит в полицейском и в судье — врага, он видит в помещике грубую силу, с которой ничего не может поделать.

С той поры он стал обозначать словом несчастный каждого осужденного законом, стал лгать под присягой и все отрицать, когда его допрашивал человек в мундире, казавшийся ему представителем немецкого правительства. Протекшие 150 лет, нисколько не примирив его с новым порядком вещей, еще более его отдалили.

Русский крестьянин многое перенес, многое выстрадал; он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собой. Замкнутый в своей маленькой общине, оторванный от соотечественников, рассеянных на огромных пространствах страны, он

А.И. Герцен. По своему обычаю

нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средства сохранить себя; он низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой, что возбуждал в этом отношении изумление Кюстина и Гакстгаузена.

1. Человек и природа в истории России

Лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека. В лесной России положены были основы русского государства, в котором мы живем: с леса мы и начнем частичный обзор этих стихий.

Лес сыграл крупную роль в нашей истории. Он был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII века жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе нашей равнины. Степь вторгалась в эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествиями да казацкими бунтами. Еще в XVII веке западному европейцу, ехавшему в Москву на Смоленск, Московская Россия казалась сплошным лесом, среди которого города и села представлялись только большими или малыми прогалинами. Даже теперь более или менее просторный горизонт, окаймленный синеватой полосой леса — наиболее привычный пейзаж Средней России. Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги — хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиною, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом. Долго и на севере, как прежде на юге, он питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой.

Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Само государство, первый опыт которого на границе со степью не удался по вине этого соседства, могло укрепиться только на далеком от Киева севере под прикрытием лесов со стороны степи. Лес служил русскому отшельнику Фиваидской пустыней, убежищем от соблазнов мира. С конца XIV века люди, в пустынном безмолвии искавшие спасения души, устремлялись в лесные дебри северного Заволжья, куда только они могли проложить тропу. Но, убегая от мира в пустыню, эти лесопроходцы увлекали с собой мир. По их следам шли крестьяне, и многочисленные обитатели, там возникавшие, становились опорными пунктами крестьянского расселения, служа для новоселов и приходскими храмами, и ссудодателями, и богадельнями под старость. Так лес придал особый характер северно-русскому пустынножительству, сделав из него своеобразную форму лесной колонизации. Несмотря на все такие услуги, лес всегда был тяжел для русского человека. В старое время, когда его было слишком много, он своей чащей прерывал пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривал с трудом расчищенные луг и поле, медведем и волком грозил самому и домашнему скоту. По лесам свивались и гнезда разбоя. Тяжелая работа топором и огнем, какой заводилось лесное хлебопашество на пали, расчищенной из-под срубленного и спаленного леса, утомляла, досаждала. Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес — это темное царство лешего одноглазого, злого духа — озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения. Теперь лес в южной полосе средней России — все редееющее напоминание о когда-то бывших здесь лесах, которое берегут, как роскошь, а севернее — доходная статья частных

хозяйств и казны, которая выручает от эксплуатации своих лесных богатств по 57–58000000 ежегодно.

Степь, поле, оказывала другие услуги и клала другие впечатления. Можно предполагать раннее и значительное развитие хлебопашества на открытом черноземе, скотоводства, особенно табунного, на травянистых степных пастбищах. Доброе историческое значение южнорусской степи заключается преимущественно в ее близости к южным морям, которые ее и создали, особенно к Черному, которым днепровская Русь рано пришла в непосредственное соприкосновение с южно-европейским культурным миром; но этим значением степь обязана не столько самой себе, сколько тем морям да великим русским рекам, по ней протекающим. Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает ее песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, окоемое, как говорили в старину; во всяком случае, не лесная Россия образвала это представление. Но степь заключала в себе и важные исторические неудобства: вместе с дарами она несла мирному соседу едва ли не более бедствий. Она была вечной угрозой для Древней Руси и нередко становилась бичом для нее. Борьба со степным кочевником, половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII века, — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии. Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом — это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни. Историческим продуктом степи, соответствовавшим ее характеру и значению, является казак, по общерусскому значению слова — бездомный и бездольный, «гуляющий» человек, не приписанный ни к какому обществу, не имеющий определенных занятий и постоянного местожительства, а по первоначальному и простейшему южнорусскому своему облику человек «вольный», тоже беглец из общества, не признававший никаких общественных связей вне своего «товариства», удалец, отдававший всего себя борьбе с неверными, мастер

все разорить, но не любивший и не умевший ничего построить, — исторический преемник древних киевских богатырей, стоявших в степи «на заставах богатырских», чтобы постеречь землю Русскую от поганых, и полный нравственный контраст северному лесному монаху. Со Смутного времени для Московской Руси казак стал ненавистным образом гуляки, «вора».

Так лес и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не бывало у него с русской рекой. На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов — и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она — его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоемном берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая летья и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только вовремя поворачивай руль при постоянных капризных извилинах реки да помни мели, перекаты. Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она и сама любит порядок, закономерность. Ее великолепные половодья, совершаясь правильно, в урочное время, не имеют ничего себе подобного в западноевропейской гидрографии. Указывая, где не следует селиться, они превращают на время скромные речки в настоящие сплавные потоки и приносят неисчислимую пользу судоходству, торговле, луководству, огородничеству. Редкие паводки при малом падении русской реки не могут идти ни в какое сравнение с неожиданными и разрушительными наводнениями западноевропейских горных рек. Русская река приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. В Древней Руси расселение шло по рекам, жилые места особенно сгущались по берегам бойких судоходных рек, оставляя в междуречьях пустые лесные или болотистые пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россию, например, XV века, она представилась бы зрителю сложной канвой с причудливыми узорами из тонких полосок вдоль водных линий и со

значительными темными промежутками. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки.

Изучая влияние природы страны на человека, мы иногда пытаемся в заключение уяснить себе, как она должна была настраивать древнее население, и при этом нередко сравниваем нашу страну по ее народно-психологическому действию с Западной Европой. Этот предмет очень любопытен, но не свободен от серьезных научных опасностей. Стараясь проникнуть в таинственный процесс, каким древний человек воспринимал впечатления окружающей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственные ощущения. Припоминая, как мы с высоты нижегородского кремля любовались видом двигавшегося перед нашими глазами могучего потока и перспективой равнинной заволжской дали, мы готовы думать, что и древние основатели Нижнего, русские люди XIII века, выбирая опорный пункт для борьбы с мордвой и другими поволжскими инородцами, тоже давали себе досуг постоять перед этим ландшафтом и, между прочим, под его обаянием решили основать укрепленный город при слиянии Оки с Волгой. Но очень может статься, что древнему человеку было не до эстетики, не до перспективы. Теперь путник с Восточноевропейской равнины, впервые проезжая по Западной Европе, поражается разнообразием видов, резкостью очертаний, к чему он не привык дома. Из Ломбардии, так напоминающей ему родину своим рельефом, он через несколько часов попадает в Швейцарию, где уже другая поверхность, совсем ему не привычная. Все, что он видит вокруг себя на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости и ежеминутного, повсеместного присутствия человека с внушительными признаками его упорного и продолжительного труда. Внимание путника непрерывно занято, крайне возбуждено. Он припоминает однообразие

родного тульского или орловского вида ранней весной: он видит ровные пустынные поля, которые как будто горбятся на горизонте, подобно морю, с редкими перелесками и черной дорогой по окраине — и эта картина провожает его с севера на юг из губернии в губернию, точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст. Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление. Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли. Но разве это чувство — историческое наблюдение над древним человеком, над его отношением к окружающей природе? Это — одно из двух: или впечатление общего культурного состояния народа, насколько оно отражается в наружности его страны, или же привычка современного наблюдателя перелагать географические наблюдения на свои душевные настроения, а эти последние ретроспективно превращать в нравственные состояния, возбуждавшие или расслаблявшие энергию давно минувших поколений.

Другое дело — вид людских жилищ: здесь меньше субъективного и больше исторически уловимого, чем во впечатлениях, воспринимаемых от внешней природы. Жилища строятся не только по средствам, но и по вкусам строителей, по их господствующему настроению. Но формы, раз установившиеся по условиям времени, обыкновенно переживают их в силу косности, свойственной вкусам не меньше, чем прочим расположениям человеческой души. Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячеств прежних времен и хронические пожары — об-

А.И. Герцен. По своему обычаю

стоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к Удобствам в житейской обстановке.

Рассматривая влияние природы на человека, надобно видеть и действие человека на природу: в этом действии также обнаруживаются некоторые особенности последней. Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности: увеличивая и регулируя энергию физических сил, нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение.

Источник: Ключевский, В.О. «Курс русской истории»

2. Крестьянская община

Крестьянская (сельская, земельная) община — замкнутая, имеющая собственное самоуправление, сословно-общественная и хозяйственная организация крестьянства, объединенная частично общественным характером производства и владения земельной собственностью. В народной лексике крестьянская община называлась опчество или мир.

Первые прямые свидетельства о существовании земельной общины у восточных славян относятся ко времени Древней Руси, но можно, безусловно, проецировать ее существование на более ранний догосударственный период. Первоначально, вероятно, она имела родовой характер, т.е. состояла из семей, принадлежащих одному роду. В Древней Руси община носила название верви, поскольку веревкой измерялись участки пахотной земли при ее разделе, а он производился периодически среди семей, входивших в вервь. Древнерусская земледельческая община была, видимо, уже соседского типа — входившие в нее семьи не обязательно были связаны родством.

До XVI века община на Руси была автаркичной, другими словами, в значительной степени самостоятельной организацией. Феодалное государство стремилось превратить ее органы власти в придаток своей администрации, главным образом возложением на них раскладки и сбора податей. Во внутренние дела общины государство в тот период вме-

шивалось мало. Община была включена в общую политико-правовую систему государства, но сохраняла самоуправление, а члены ее руководствовались нормами обычного права.

Община обычно охватывала жителей одной деревни, там, где селения были малодворны, например, на Севере община включала жителей близлежащих деревень, при крепостном праве в селении крестьяне каждого помещика образовывали свою общину.

«Община» — от слова «общее», а общего у «мира» было много в хозяйственной, фискальной, бытовой, культурной и других сферах. Во внутренней жизни главной прерогативой общины были вопросы землепользования, владение мирским имуществом, раскладка повинностей, надзор за бытовым укладом внутриобщинной жизни, организация совместных работ и празднеств. Вплоть до начала XX века отношения в этих сферах осуществлялись на основе норм обычного права, и только потом стали подвергаться влиянию государственного законодательства.

Совместное владение угодьями было главным фактором, объединяющим членов общины, а остальные определялись им. Общность земельных владений не означала, однако, общую работу на них и затем совместное потребление произведенного продукта. Основной хозяйственной единицей общины была семья, угодья распределялись между семьями, и те распоряжались ими по своему усмотрению. При наделении семей пашенной землей, сенокосами и т.д. исходили из принципа равенства — большие по численности семьи должны были получать и большие наделы.

Поскольку численность и состав семей менялись, периодически надо было производить переделы общинной земли, частота их зависела от традиций конкретной общины — от нескольких до 18–20 лет, т.е. жизни целого поколения. В некоторых случаях, если за это было большинство членов общины, срок передела изменялся.

Конкретно процесс раздела производился следующим образом. Земля делилась по качеству почвы, по расстоянию до населенного пункта, рельефу и т.д. на три (иногда на две) категории: худшая, средняя и лучшая, каждая, в свою оче-

редь, на соответствующее количество паев по числу участников раздела. В одних общинах пай распределялись по жребии, в других — по соглашению. Если крестьянин хорошо ухаживал за своей землей, обильно унавоживал ее, то этот участок могли оставить за ним при очередном переделе, так же как и землю, остававшуюся без должного ухода — за плохим хозяином. Полученные участки можно было обменивать и передавать в аренду.

Владел мир и другой собственностью, созданной и поддерживаемой в функциональном состоянии ее членами. Радением мира строились и содержались хозяйственные сооружения — мельницы, кузницы, магазины, а также пожарные сараи, строения культового назначения — церкви и часовни.

Магазины строились силами мира и представляли собой общественные амбары. В них ежегодно после сбора урожая ссыпалось по решению схода определенное количество хлеба от каждой семьи. При необходимости — пожаре, неурожайе и т.д. — какую-то часть его мог взять член общины на прокорм семьи, чтобы с нового урожая вернуть чуть больше. На мирском содержании были кузницы, пожарные сараи, где находились сани и телеги, бочки с водой, был шанцевый инструмент — пилы, топоры, багры, ведра. В жаркую летнюю пору, если долго не было дождей, здесь дежурила пожарная команда из членов общины в порядке очередности, стояло наготове несколько лошадей, которых в работу в это время не употребляли.

Следующая функция общины — раскладка различных повинностей: государственных, а при крепостном праве — и помещичьих и собственно общинных. Они были разные по форме: денежные, натуральные и трудовые.

Разнообразны были государственные повинности. Главной из них долгое время была плата подушной подати, введенной Петром I и отмененной только в 1880-х годах, а после отмены крепостного права и до 1907 года — выкупные платежи. На рубеже XIX–XX веков были другие разнообразные налоги и выплаты: земельный налог, плата за лесной надел, уездный земский сбор, губернский сбор и др.

Рекрутская повинность, т.е. поставка воинов в армию, была введена в петровское время и представляла собой одну из самых тяжелых государственных повинностей. Она определялась по жребии из числа отобранных кандидатов от определенного количества душ мужского пола. Семьи лишались самых ценных, мужских, рабочих рук, молодые парни вырывались из крестьянской жизни практически навсегда, поскольку служба в армии сначала была бессрочной, только в конце XVIII века срок ее был установлен в 25 лет. Если рекрут и возвращался со службы, то больным или покалеченным, на нищенскую пенсию. Правда, отслуживший свой срок солдат, если перед уходом на службу принадлежал помещику, освобождался от крепостной зависимости. Но многие со службы вовсе не возвращались, недаром с рекрутом прощались как с покойником. Положение существенно изменилось только после введения в 1874 году всеобщей воинской повинности, когда срок службы стал составлять не более семи лет.

Дорожная повинность крестьян должна была обеспечить страну сухопутными путями сообщения. Во время строительства или ремонта той или иной дороги по требованию властей община должна была предоставить на определенный период какое-то количество рабочих, транспортных средств и тягловой силы.

Подводная повинность обеспечивала передвижение по казенной надобности чиновников, воинских команд, грузов и т.п., постоянная — размещение в домах общинников военнослужащих, следующих на театр военных действий, участвующих в учениях, совершающих передислокацию и т.д., конечно, как правило, нижних чинов, поскольку офицеры обычно размещались в помещичьих имениях.

Характер помещичьих повинностей менялся в зависимости от периода в истории государства и зависел от территории. Помещичьих повинностей, естественно, не могло быть там, где отсутствовало феодальное землевладение, ко времени отмены крепостного права это были территории Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Здесь община имела дело непосредственно с органами государственного управления. В имениях феодалов главной повин-

ностью были барщина или оброк, обычно смешанный — денежный и натуральный. Размеры этих повинностей либо устанавливались самим помещиком или его управителем для каждого хозяйства, либо до сведения крестьян доводился их общий объем, а развертывала его по семьям сама община. В 1861 году крепостное право было отменено, но до 1883 года сохранялось так называемое временнообязанное состояние крестьян, соответственно которому они должны были нести прежние повинности в пользу своего помещика.

Повинностями внутриобщинного характера были: сбор средств для общинных нужд (натуральный — хлеба для заправки в магазю; денежный, в том числе плата за содержание волостного правления и суда, а также на взятки чиновникам, на эти деньги посылали так называемых «миродов» с прошениями и жалобами к высокому начальству); многочисленные трудовые (постройка общественных сооружений, рытье канав для осушения почвы, прокладка дорог, строительство мостов, огораживание полей, помощь недостаточным членам общины, участие в помочах).

Для общины была характерна гибкость при раскладке повинностей, принималось во внимание прежде всего количество полноценных работников в семье, причем с учетом их пола. Повинности могли быть несколько увеличены для состоятельных семей, учитывалось также количество наделной земли, скота у семьи и т.п. Община, таким образом, поддерживала слабого, не давала слишком подняться сильному. От тех или иных повинностей могли освобождаться определенные семьи. Часть повинностей могла выплачиваться из «мирских сумм», т.е. общинных денег — жалованье старосте, духовенству, починка пожарных сараев, мостов и т.п. Образовывались эти суммы, в частности, от сдачи в аренду земли.

Надзор за соблюдением норм бытового распорядка жизни, том числе организации помощи и взаимопомощи, был одной из важнейших функций общины. Мир обязывал детей содержать родителей при потере ими трудоспособности, свекру обеспечивать невестку, если она овдовела и осталась одна с детьми, строил церкви, приглашал причт для молебнов на полях или для крестного хода.

В межличностных и межсемейных отношениях мир руководствовался нормами обычного права. Он сосредотачивал в своих руках функции и следствия, и суда, и наказания за совершенные преступления и проступки. К государственному суду крестьяне старались не обращаться, совершенно справедливо опасаясь волокиты и вымогательства. Примечательно, что по судебной реформе 1874 года законодательство разрешало использовать при решении определенных вопросов внутриобщинной жизни нормы обычного права. Институт мирского суда играл важную роль в функционировании общины. Государственный суд рассматривал только выступления против власти и наиболее тяжкие уголовные преступления, суд мирской рассматривал жалобы на воровство, побои мужа и т.д. Уменьшало вину, с точки зрения норм народного права, опьянение до потери сознания, притеснения со стороны старших членов семьи.

В крестьянском сознании не существовало четкого разграничения преступлений и проступков, и те и другие определялись понятием «грех», и «грехов», подлежащих наказанию, было значительно больше, чем в законодательстве. К тяжким грехам относились такие преступления, как поджог, который приравнивался к убийству, конокрадство, потому что «без лошади как без рук», конокрада нередко убивали, застав на месте преступления. Зато не осуждались преступления в отношении государства, в частности, мошенничество при уплате налогов: «Казна ведь нашими деньгами не разбогатеет, так она, матушка, богата».

Важная сторона общинной жизни — организация помощи и взаимопомощи. Помощь оказывалась по самым разным обстоятельствам и в самой разной форме. Силами общины обрабатывалась земля тех семей, в которых в силу тех или иных причин не было мужских рук. Например, во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов помощь в сельскохозяйственных работах оказывалась семьям ратников. Мир мог направить своих членов в семью, где работники были больны или отсутствовали, для помощи в домашних делах — топить печи, готовить еду, ухаживать за детьми. Наделы вдов, сирот, стариков относились к категории так называемых мироплатимых, т.е. подати и повинности с них

брала на себя община. Как форма проявления общинной помощи рассматривалось кусочничество — хождение по домам, обычно детей, за кусками хлеба, что не рассматривалось как нищенство.

Помощь семье могла быть оказана в случае значительных расходов при каких-либо окказиональных событиях — свадьба, похороны. Особо помогали погорельцам — собирали средства, участвовали в постройке нового дома. Правда, помощь оказывалась только в том случае, если причиной пожара был несчастный случай, а не небрежность хозяев.

Существенную роль в общинных отношениях играла взаимопомощь, названия ее были толока, супрядки, помочи. Помочь организовывалась либо через «мир», когда крестьянин просил о ней на сходке, либо для этого он обходил соседей. Явившихся без приглашения могли прогнать. Приходить надо было со своими орудиями труда, при необходимости с рабочим скотом и транспортом. Если работали в поле, то ехали туда «празднично» — с песнями, под звон колокольников, иногда в поле и обедали. Платы за помощь не полагалось, но обязательным было угощение со стороны хозяев. Поэтому после работы переодевались и шли к накрытому столу, хозяева старались угостить участников как можно лучше. Среди прочего обычно ставили на стол «вино» (как правило, это была водка) — покупное, т.е. наиболее престижное угощение.

Важнейшие вопросы жизни общины решались на сборе ее членов или глав домохозяйств, который назывался «сход». Проблемы «промежуточного» характера решала выборная администрация. Была еще одна форма общественной организации крестьянства — волостная община, объединявшая общины нескольких населенных пунктов. Вопросы ее функционирования решались на волостном сходе, где присутствовали представители от сельских общин.

Участниками сельского схода были взрослые мужчины, но если в семье их не было, то и женщины, например вдова, после смерти мужа возглавляющая семью. Шли на сход без принуждения, одевшись получше.

Вопросы, обсуждаемые на сходе, были разными. Самым животрепещущим из них был раздел угодий, особенно пашни, а также покосов, лесных участков, на севере — рыбных тоней. Решались такие значимые проблемы, как раскладка повинностей, выбор должностных лиц общины и бытовые вопросы — о начале выпаса скота, пахоты, сбора грибов, ягод, орехов, о найме пастуха или сторожа для школы, продаже общинной земли, опекунстве сирот, семейные разделы, мирские доходы и расходы. Кроме обсуждения обыденных, повседневных проблем сход мог собраться по экстренным случаям, когда решались неотлагательные вопросы — потрава хлебов, самовольная порубка леса, убийство, посылка «мироедов» с жалобой.

Одним из вопросов мирского схода был выбор органов общинного самоуправления. В их состав входил староста — глава общинной администрации, при нем был писарь, который мог иметь помощника, писарь часто был советником крестьян по законодательству, ибо его крестьяне знали плохо.

Избирали должностных лиц общины на срок от года до нескольких лет, их могли сместить на очередном сходе сами крестьяне или они лишались должности по требованию бурмистра в вотчине или земского начальника как представителя государства.

Сходка обычно завершалась угощением с выпивкой.

С начала XX века государственная политика от охраны общины переходит к ее разрушению. События первой русской революции показали, что надежды на общину как на сдерживающий фактор в крестьянских выступлениях не основательны, более того, этот институт часто был организующим фактором крестьянского движения. По инициативе премьер-министра П.А.Столыпина появляется Указ от 9 февраля 1906 года (затем он был проведен через Государственную думу в качестве закона), согласно которому крестьяне получали право свободного выхода из общины. Реформа преследовала цель ликвидировать общинное землевладение, создать в аграрном секторе совокупность фермерских хозяйств, ослабив тем самым социальную напряженность в деревне, а за счет разорившихся

А.И. Герцен. По своему обычаю

без общинной поддержки крестьян обеспечить рабочими руками развивающуюся промышленность и формирующиеся крупные частные крестьянские хозяйства, именуемые кулацкими.

Источник: Бузин В.С. Этнография русских: Учебное пособие.
СПб., 2006.

3. Взаимопомощь в крестьянской общине

На протяжении многих столетий экономика российского государства носила аграрный характер и лишь на рубеже XIX–XX веков. Россия стала превращаться в аграрно-промышленную державу. Естественно, что все это длительное историческое время в структуре населения страны подавляющее большинство составляло крестьянство. Поэтому история социальной помощи в России была бы неполной без характеристики участия сельской поземельной общины в судьбах крестьянских семей, оказывавшихся в тяжелом положении в связи с хозяйственными трудностями, неурожаем, падежом скота, пожарами, заболеванием или смертью кормильца и т.д.

Сельская община представляла собой социальный институт, основанный на соседских связях, отражавший прежде всего земельные интересы крестьянства и регулировавший хозяйственную и бытовую жизнь деревни. Сельский «мир» и после отмены крепостного права в середине XIX века проводил уравнильные переделы земли, наделял ею новых членов общины, обеспечивал выполнение государственных повинностей, распределял налоговые подати с использованием круговой поруки. Общине принадлежало право хозяйственного распоряжения надельными землями, организация производства в крестьянском хозяйстве, регулирование внутридеревенских гражданских и семейных отношений.

В соответствии с «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (1861 год) община получила на-

звание «сельского общества» и вместе со своими выборными органами стала низшим звеном административного управления в деревне. Но и после освободительной реформы 1861 года община оставалась объединением крестьянских хозяйств, которое удовлетворяло их нужды как совладельцев земли, продолжала быть соседским союзом по владению надельными землями и являлась в то же время демократической организацией местного самоуправления.

Наряду с этим сельская община играла роль главной социальной ячейки, в которой формировалось мировоззрение крестьянина, его представление о социальной справедливости, добрых и дурных деяниях, человеческом братстве и товариществе. Община выступала как накопитель производственного и социального опыта, хранитель и передатчик вековых традиций соседской помощи, «мирской» выручки попавшего в беду общинника, готовности оказать деятельную поддержку нуждавшимся.

Весь строй жизни общины, групповое общинное сознание содействовали выработке таких качеств крестьянина-общинника, как его сопричастность к делам и интересам коллектива, солидарность в защите общинных прав, сотрудничество в выполнении общих работ, взаимопомощь в решении отдельными крестьянскими дворами каких-либо трудных хозяйственных дел.

Сами социально-экономические условия доиндустриальной аграрной экономики неразрывно связывали хозяйство крестьянина на земле и весь его быт с сельской соседской общиной. Крестьянская семья, какой бы крупной она ни была и какой бы самостоятельностью ни обладала, не могла обойтись без помощи других семей, вводившихся в общину. При малопродуктивном сельскохозяйственном инвентаре и недостатке новейших орудий производства хозяйственное использование земельных наделов и еще в большей степени освоение новых земель было под силу только «обществу», могло успешно осуществляться лишь коллективным трудом. Для крестьянской семьи рассчитывать только на собственные силы в ведении трудоемкого хозяйства на земле означало оказаться беззащитной в социальном отношении, попытки хозяйствовать в одиночку и замкнуться в рамках

отдельного крестьянского двора лишали семью надежды на выживание. Реальные жизненные условия экономического и политического характера приводили крестьян к выводу о необходимости объединения в общину, поскольку лишь силами «общества» они могли отстаивать собственные интересы, противостоять давлению государства и крупных землевладельцев, более или менее успешно вести свое хозяйство.

Поэтому объективно обусловленной чертой крестьянского сообщества являлось совместное выполнение сельскохозяйственных, строительных и других работ, непосильных одной семье, производственное сотрудничество, постоянная взаимоподдержка в быту. В условиях малоземелья и нищеты как неминуемой спутницы жизни значительной части крестьян сельская община с ее переделам земли, чересполосицей, трехпольем с принудительным севооборотом, круговой порукой служила для крестьянства средством выживания, а для многих из крестьян в ряде случаев становилась спасательным кругом.

Не случайно общинное сознание пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Оно повседневно и наглядно проявлялось в ставшей традицией и закрепленной обычным правом взаимопомощи крестьянских семей, особенно связанных родством, свойством или близким соседством, взаимопомощь была высоким нравственным приобретением общинного жизненного строя. И крестьянская община выполняла функцию бережного хранителя этой нравственной нормы. Сила нравственной культуры сельской общины была настолько велика, что даже тяжкий гнет крепостного ярма оказался не в состоянии уничтожить ценнейшие черты в нравах русского крестьянства, а именно трудолюбия, способности терпеливо преодолевать связанные с рискованным земледелием трудности, инициативы и самостоятельности, чувства общинного сотоварищества, готовности прийти на помощь родственнику или соседу, сострадательности по отношению к попавшим в беду.

По заключению известного русского историка и этнографа И.Г. Прыжова, сельская крестьянская община в России основана на вечном законе о братской любви, на законе, что «человек крепок помощью ближнего, поддержкой друг дру-

га». «Мир» выступал как одна семья, и его мнение во многих случаях было выше официального писаного закона. Отсюда вытекали правила общинного бытия: «все за одного, один за всех», «хоть позади, да в том же стаде». Отношение общинников друг к другу на основе принципа «общая выгода и общая беда» являлось той силой, которая тесно связывала членов сельского сообщества, и источником их жизнеспособности. Именно в единстве с «миром» крестьянин видел залог своего успеха и благополучия. В крестьянском сознании авторитет «мира» был исключительно высок. Для него «мир» был подобен «великому человеку», «где мир да люди — там божья благодать», «сто голов — сто умов».

Если в целом сельская поземельная община как хозяйственное и социальное объединение со всеми его консервативными обычаями типа круговой поруки и запрета права выхода из общины являлась исторически ограниченной, тем не менее было бы несправедливым не увидеть в ней таких непреходящих социальных ценностей, как коллективизм, демократизм, взаимопомощь, социальная справедливость, равенство и другие высокие качества.

Виды крестьянской взаимопомощи зависели от самого характера общинного строя, традиций деревенского быта, сезонности сельскохозяйственных работ, незащищенности сельских дворов от стихийных бедствий и др. Среди форм взаимопомощи на селе значительное место занимал совместный труд на таких массовых общих работах, как заготовка сена, унавоживание полей, устройство прудов, осушение болот, постройка изгородей, строительство общинных овинов, сооружение мельниц.

Широко распространенным местным обычаем в крестьянских общинах были «помочи». Они использовались в случаях, когда крестьянская семья не могла справиться в одиночку с каким-либо трудным хозяйственным делом по ее двору. Особенно часто «помочи» использовались для перевозки леса и других строительных материалов, для срочной постройки дома или сарая в короткие промежутки между полевыми работами.

Для крестьян участие в «помочах» являлось настолько глубокой нравственной нормой, что нуждавшийся в помо-

щи практически никогда не получал отказа. Для получения такого рода трудовой помощи крестьяне обращались к сельскому сходу, который и выносил соответствующий положительный приговор. В случае невозможности созыва «мира» домохозяин обходил односельчан лично и приглашал для участия в «помочи». Как правило, «помочь» производилась при активном участии ближних и дальних соседей. И этот живой отклик на обращение о помощи объяснялся не только нравственным долгом крестьян, но и сознанием того, что каждому может когда-нибудь понадобится подобная помощь односельчан.

«Мир» проявлял заботу о маломощных крестьянских хозяйствах, т.е. хозяйствах с малочисленными семьями, имевшими одну лошадь или вообще не имевшими «тягла». В таких случаях «мир» принимал решение оказать помощь в вывозке удобрений на полосы этих хозяев, произвести весеннюю вспашку, помочь в уборке урожая. За такую помощь хозяева, как правило, «благодарили» помощников угощением, но часто односельчане помогали нуждавшимся в сельских работах совершенно бескорыстно, «за ради Христа». Нередко помощь производилась и без «наряда» со стороны сельского схода, а добровольно, искренним желанием сделать добро соседу. Закончив жатву своих полос, косцы и жницы шли, помогать в уборке тем хозяевам, которые не успевали снять урожай «по маломочности». Иногда своим «приговором» мир выделял земельный надел маломощным женским семьям, освобождал эти семьи от повинностей и брал их на себя.

Без внимания сельского «мира» не оставались больные общинники. В частности, члены Старухинской сельской общины Тульской губернии считали своей нравственной обязанностью обработать посевное поле, убрать урожай или привезти лес заболевшему или одинокому крестьянину. Летом 1818 года в деревне Мораховка Харьковской губернии у крестьянина после тяжелой болезни умерла жена. Сам он, только что оправившись от болезни, с большим трудом скашивал пшеницу на своем наделе. Соседи-общинники большой группой пришли на его поле, выкосили полосу до конца и связали скошенное в снопы.

В случае заболевания основного работника в крестьянской семье общинники Заозерской сельской общины Новгородской губернии по постановлению «мира» бесплатно выполняли все хозяйственные работы для этой семьи, в том числе косили сено, убирали хлеб. Если сельскохозяйственный год оказывался для какого-либо крестьянского двора неурожайным, то община рассматривала его положение на сельском сходе и принимала решение ежемесячно выделять с каждого хозяйства по снопу или по два снопа на содержание пострадавшей семьи.

Ввиду упадка крестьянского хозяйства из-за длительной болезни основного работника «мир» нередко откладывал уплату повинностей этим хозяином на год или на больший срок. Когда в той или иной семье происходил падеж лошади, то постановлением «мира» ей выделялась лошадь для вспашки надела, заготовки сена, вывоза урожая. При этом такой крестьянский двор освобождался «миром» от подворной государственной повинности.

Пожар на крестьянском дворе, утрата дома и построек воспринимались общиной как общая беда. В таких случаях решением сельского схода крестьянину-погорельцу прежде всего бесплатно выделялся лес. На своих лошадях и подводах общинники подвозили ими же заготовленный лес к усадьбе. Затем всем «миром» производилась постройка дома или избы. Общими силами усадьба огораживалась новым плетнем. Наряду с этим община помогала пострадавшей семье хлебом, холстом, одеждой и другими предметами первой необходимости. Имели место случаи, когда сельский «мир» выделял погорельцам денежную ссуду на строительство нового жилья.

Сельская община использовала различные формы социальной помощи осиротевшим детям, например, Пустынская крестьянская община Рязанской губернии в 1877–1878 годах для пропитания оставшихся без родителей троих детей установила «черед». Это означало, что дети-сироты поочередно переходили ежедневно из дома в дом и находились на пропитании в течение дня. Одевали сирот или по «милосердию» селян или покупали им одежду за «мирской счет» по решению сельского схода.

Поскольку у детей имелись изба и имущество, то для их сохранности сход назначал опекуна. За их «бережение» опекун ничего не получал. При этом община стремилась «пристроить» детей. Один из них был определен в подпаски, двум другим «приговорили» учиться в начальном училище. С достижением совершеннолетнего возраста «мир» возвращал детям-сиротам земельный надел для ведения самостоятельного хозяйства, крестьянская община старалась защитить социальные интересы детей, потерявших отца. В деревне Крохалевская Томского уезда после смерти крестьянина Н. Тырышкина осталась вдова и пятеро детей. Поскольку вдова вскоре вышла замуж, то в доме появился новый хозяин. Однако он, как оказалось, был «гулящим» человеком и стал распродавать скот и имущество семьи. Обеспокоенный судьбой детей умершего, сельский «мир» решил стать на защиту прав «природных наследников» и не допустить, чтобы они были разорены. После обсуждения сход постановил просить официальные власти освободить сирот от отчима, не выполнившего обязанностей перед семьей и общиной, и вернуть его на прежнее место жительства в другой уезд.

Особую заботу община проявляла о детях, потерявших отца и мать и ставших «полными» сиротами. Когда в деревне Усятской Бийского уезда после кончины крестьянина П. Морозова осталось трое сирот, в том числе сын и две дочери, сельский «мир» решил «отписать» большую часть имущества умершего сыну. Но поскольку сын был еще малолетним, сход отдал его на воспитание бабушке Ф. Соловьевой, официально назначив ее опекуней мальчика. Однако через некоторое время стало выясняться, что муж бабушки начал разбазаривать «пожитки» сироты, поступившие опекунше на сохранение. Поэтому через два года сход вновь рассматривал судьбу сироты. «Мир» единодушно лишил Ф. Соловьеву прав опеки и передал мальчика с «имуществом отцовским» под опеку другой семьи, отличавшейся «добронравием». Протесты Ф. Соловьевой не имели успеха. Канцелярия Колыванско-Воскресенского горного округа, в который территориально входила деревня, полностью согласилась с «приговором» общинного «мира».

Подобная практика социальной защиты сирот получила высокую оценку известного западноевропейского исследователя русской сельской общины А.Ф. Гакстгаузена. В опубликованной в 1877 году книге он писал: «Русское общинное устройство является одним из самых замечательнейших и интереснейших государственных учреждений, какие только существуют в мире... человек может обеднеть — это не повредит его детям: они все-таки удерживают или вновь получают свой участок по общинному праву, не как наследники отца, а как члены общины; дети не наследуют в русской общине нищеты отца».

Если община оказывалась в экстремальной ситуации общего неурожая и голодного года, она принимала возможные в ее условиях меры по смягчению бедствия. За счет экономически сильных хозяйств «мир» создавал из их пожертвований известный хлебный фонд, с помощью которого община помогала выжить семьям беднейших хозяйств. Трудоспособные мужчины уходили на заработки в непораженные голодом районы с целью закупки хлеба. Близкие и дальние родственники старались поддержать друг друга. С началом весенних полевых работ «мир» выводил всех способных работать общинников в поле, чтобы заложить основу будущего урожая. Общими усилиями засеивались поля самых слабых семей.

Составной частью общинного крестьянского быта являлось призрение престарелых, увечных и вообще неспособных содержать себя трудом. По российскому законодательству заботу о таких людях должны были брать на себя родственники. Если нуждавшиеся не имели родственников, то социальное призрение инвалидов, стариков и других немощных людей возлагалось на крестьянскую общину. Тем вдовам и старикам, которые в какой-то степени могли работать на земле, «мир» выделял бесплатно небольшие земельные участки, где можно было построить избу и вести приусадебное огородное хозяйство.

Что касается увечных, дряхлых и других немощных людей, то крестьянское общество использовало различные формы их социального призрения. Широкое распространение получила такая форма социальной помощи, как пооче-

редное кормление в домах сельских хозяев. Официальные сообщения с мест подтверждали, что практически повсюду крестьянский «мир» часто использовал именно этот способ поддержки нуждавшихся. Так, в Минской губернии «первым правилом, которым руководствовалась деревня в подобного рода случаях, являлось поочередное кормление нуждающихся каждым отдельным домохозяином с временным принятием в дом на жительство». Общины Вятской губернии на своих сельских сходах принимали постановления, чтобы каждый домохозяин кормил призреваемых в порядке очереди поденно или понеделно. В соответствии с «приговорами» деревенского «мира» в Казанской губернии нуждавшиеся получали содержание и пособия натурой от всего общества, кормясь у всех жителей селения по очереди. Как сообщалось из Тверской губернии, общинники предоставили убогим и престарелым приют с пропитанием в своих домах от одного дня до недели. Призреваемые переходили из двора в другой двор, пока таким образом ни обходили всю деревню и ни получали помощь от каждого домохозяина.

Наряду с поочередным кормлением крестьянские общины практиковали такой способ призрения, как прием домохозяевами нуждавшихся на длительный срок с предоставлением им питания. В этом случае по решению сельского «мира» призреваемый отдавался домохозяину на полное содержание. Такая форма призрения использовалась на условиях либо известной платы общиннику за содержание инвалида, которую домохозяин получал от крестьянского общества; либо освобождения крестьянского двора от уплаты мирских или даже всех натуральных повинностей. В других случаях за взятие немощного человека в свой дом на полное содержание хозяину крестьянского двора отводился дополнительный участок мирской земли или земельный надел немощных.

Среди форм крестьянского общественного призрения довольно быстро нашла применение выдача нуждавшимся хлебных пособий из общинных запасных магазинов. Такие пособия хлебом выделялись по «приговорам» сельских сходов. Они выдавались ежемесячно или в какие-либо другие сроки и устанавливались в различных размерах.

В условиях натурального крестьянского хозяйства сельские общины по понятным причинам в редких случаях использовали денежную форму социального пособия. Практическая денежная помощь престарелым или убогим практиковалась лишь в отдельных губерниях и выдавалась в самых незначительных размерах. Известно, что в конце 1890-х годов крестьянские общины Саратовской губернии выдавали призреваемым два рубля в месяцев, Пензенской — полтора рубля, Калужской — один рубль в месяц. Сельские общества других губерний устанавливали годичные размеры денежных пособий. В частности, по «приговорам» крестьянских «миров» в Минской губернии нуждавшимся выдавалось по десять рублей в год, в Тамбовской губернии в разных общинах от 5 до 20 рублей в год.

Характеризуя различные формы социальной помощи в крестьянской среде, нельзя не отметить, что самой распространенной из них являлась подача милостыни. Причинами подобного явления были нежелание или неспособность многих сельских общин превратить дело общественного призрения в организованную и постоянно действующую систему, отказ части крестьян регулярно изымать из семейного бюджета определенную долю средств на содержание калек, стариков и других немощных людей, распространенное среди нуждавшихся настроение не связываться с официальными инстанциями по поводу ходатайств о призрении, наконец, многовековая традиция нищенства. По свидетельству ряда губернских по крестьянским делам присутствий, большинство занимавшихся попрошайничеством находили более для себя удобным добывать пропитание посредством нищенства, нежели обращаться к обществу с просьбой об их призрении. При этом прошение милостыни инвалидами, престарелыми, больными, сиротами падало на благоприятную почву древней народной традиции милосердия к ближнему, сострадания к чужой беде.

Официальные губернские органы отмечали, что подача милостыни как форма социальной помощи является частью нравственной культуры народа, одной из устойчивых гуманистических норм его поведения, проявлением его сочувствия к физическим и умственным недостаткам человека,

его тяжелому материальному положению. Самарское губернское совещание по вопросам общественного призрения, например, сделало обоснованное заключение: «Народ не считает нищенство за позорное занятие, и не дать просящему кусок хлеба считается тяжким грехом. Не будь этого веками освященного взгляда народа на обязательность помощи, в тяжелые 1891–1892 годы сотни и тысячи народа умерли бы голодной смертью. Члены совещания были очевидцами таких явлений, что в избу большой семьи, доедавшей свой последний каравай испеченного с мякиной и лебедой хлеба, с утра до ночи входили нищие односельцы, и ни одного из них не отпускали, не отрезав ему куска хлеба». Все эти вместе взятые причины обусловили и то положение, что подача милостыни убогим, дряхлым, больным или обедневшим стала наиболее распространенной формой социальной помощи в деревне.

В общественном призрении на селе не получила необходимого распространения организация специальных заведений, в том числе богаделен и домов призрения. По материалам исследователя общественного призрения в деревне В. Дерюжинского, в Вятской губернии насчитывалось 17 богаделен, в Смоленской — девять, в Нижегородской — две, Харьковской — две, Костромской — одна богадельня. Как правило, богадельни располагают незначительным количеством мест и способны принять на попечение от 4 до 32 человек.

Подобное положение губернские общественные органы объясняли тем, что крестьяне, нуждавшиеся в общественном призрении, неохотно шли в богадельни и дома призрения и предпочитали получать денежное пособие от волости или сельского общества. Имело место немало случаев, когда только что построенные и оборудованные богадельни, оставались без призреваемых, хотя в близлежащих волостях было много совершенно дряхлых и бедных стариков и старух. Распространенным явлением было номинальное существование богадельни, заключавшееся в том, что призреваемые получали за счет процентов с богадельного капитала известное ежемесячное пособие и использовали его для проживания у родственников или у частных лиц, уплачивая хозяевам за постой. Организаторы общественного призрения

у крестьян связывали подобное положение с нежеланием нуждавшихся коренным образом изменять привычный образ жизни и платить за бытовую благоустроенность ценой «свободы», как они ее понимали. Однако истина, видимо, заключалась в том, что правильная постановка общественного призрения, связанная со строительством, полным оборудованием и содержанием профессионального обслуживающего персонала богаделен и домов призрения, была в финансовом и других отношениях не по силам крестьянским общинам. Поэтому не случайно губернские совещания ставили вопрос о распространении в сельской местности учреждений государственной системы призрения.

В большей степени в крестьянской среде привилась такая форма социальной помощи, как организация детских яслей-приютов. В 1899–1902 годах усилиями и на средства Попечительства о домах трудолюбия, Ведомства императрицы Марии, земских органов самоуправления были созданы десятки яслей-приютов для крестьянских детей. Наиболее широкая сеть этих заведений действовала в Петербургской, Казанской, Воронежской, Курской, Пензенской, Симбирской, Пермской, Вятской, Вологодской, Рязанской, Костромской, Новгородской и других губерниях. Благодаря благотворительным обществам и земским органам с помощью земских врачей, фельдшеров, учителей и других представителей сельской интеллигенции многие ясли-приюты были превращены в образцовые пункты попечения о детях и наглядно продемонстрировали крестьянам их необходимость, особенно во время летних полевых работ.

Деятельность этих яслей-приютов способствовала преодолению первоначального известного недоверия, которое проявляли крестьяне к до сих пор невиданным ими учреждениям. Однако уже через два–три года они на собственном опыте ощутили полезность яслей-приютов, которые не только делали их спокойными за питание и здоровье детей, но и давали заниматься сельскохозяйственными работами во время страды.

На этом основании уже сами крестьянские общины постепенно стали приходить к заключению о необходимости создания яслей-приютов и их содержания за счет сельского

общества. В 1900 году сельский сход села Новодевичьего Симбирской губернии принял решение открыть ясли-приюты и отчислять на их содержание по десять копеек с ревизской души. По приговору крестьянского «мира» села Камчуги Вологодской губернии из капитала сельского общества было отпущено 100 рублей на организацию яслей-приютов. Многие деревенские общины брали на себя снабжение яслей-приютов молоком, картофелем и другими продуктами, а также бельем, посудой, топливом. Постановления об открытии ясель и приютов были приняты целым рядом крестьянских обществ Московской, Вологодской, Смоленской, Подольской, Гродненской, Симбирской и других губерний.

Традиция социальной помощи в крестьянской среде ярко проявляла себя в годину бедствий или в экстремальной ситуации военного времени. В годы Первой мировой войны сельский «мир» брал под опеку семьи, основные работники которых были мобилизованы в армию. Особое попечительское внимание крестьянское общество уделяло семьям, оставшимся без кормильцев по причине их гибели на фронте. По «приговору» «мира» вдовым семьям производили вспашку земельных наделов, выделяли семена на посев, помогали убрать урожай. На зимний период для семей военнослужащих и тем более погибших на войне крестьяне организовали заготовку дров, подвозку сена и соломы к подворью.

С начала войны крестьянские общества неоднократно проводили денежные сборы в порядке пожертвований для оказания помощи семьям солдаток и вдов. Деньги выделялись таким семьям на покупку семян, инвентаря, одежды и др. В частности, вместе с Приходским попечительским советом сельские общины Царскосельского уезда Петербургской губернии собрали для распределения между семьями военнослужащих осенью 1914 года свыше 25000 рублей. Крестьянские общества Лисинского уезда из собранных денежных пожертвований израсходовали 400 рублей на покупку семенного овса для бесплатной раздачи семьям военнослужащих. В летний период 1915 года сельские общины приняли активное участие в кампании массового устройства в деревнях детских яслей на время полевых работ. Эта кампания преследовала цель создать

условия семьям военнослужащих с малолетними детьми для своевременной заготовки сена и уборки урожая. Усилиями крестьянских обществ в волостях были открыты сотни детских яслей-приютов. Наряду с этим по решению сельских сходов создавались общественные сиротские дома-приюты для детей погибших военнослужащих, часть сирот определялась в ремесленные училища. В этом крестьянские общества опирались на помощь благотворительных обществ, земских органов самоуправления и государства. Работа сельских общин в этом направлении значительно облегчалась тем, что только в 1914 году государственными ведомствами было открыто 228 новых приютов, где дети получали основы общей грамоты, а также сельскохозяйственное или ремесленное обучение. В течение 1916 года государством было создано 119 приютов в сельской местности. Приюты имели сельскохозяйственный профиль обучения и принимали воспитанников-сирот по направлениям земских органов, волостных правлений и крестьянских обществ.

Итак, крестьянская община в России накопила известный разнообразный опыт общественного призрения и социальной помощи, который значительно обогатился во второй половине XIX века, после отмены крепостного права, когда «сельское общество» вместе со своими выборными органами стало низшим звеном административного управления в деревне.

В силу индивидуального хозяйствования на своих земельных наделах, подворного расселения, специфики крестьянского быта, старинных традиций соборности, многовековой практики решения всех вопросов «миром» в крестьянской среде утвердились соответствующие ее жизненному укладу формы социальной помощи нуждавшимся. В общественных взаимоотношениях среди крестьян получили распространение помощь оказавшимся в наиболее тяжелом положении семьям хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, из запасных фондов «общества», поочередное содержание престарелых, убогих и сирот в крестьянских дворах; добровольная подача милостыни; проведение сева и уборки урожая на полях заболевших селян или семей, оставшихся без кормильца; постройка «миром» домов или изб од-

А.И. Герцен. По своему обычаю

носельчанам-погорельцам; выделение денежных ссуд от «общества» маломощным хозяйствам с целью их подъема; общинное или родственное призрение инвалидов и немощных людей; отдача престарелых одиноких сельчан на содержание в крестьянские семьи за выделение общиной дополнительного участка земли; освобождение экономически слабых хозяйств от налоговых платежей и других государственных повинностей; устройство малых богаделен за счет крестьянского общества; открытие яслей-приютов в помощь многодетным семьям, участие вместе с земствами в создании сиротских домов и др.

Источник: Холостова Е.И. Социальная работа: история, теория и практика. Учебник для бакалавров. Гриф УМО Бакалавр. Углубленный курс Юрайт 2014г.

4. Народное право

Сомневаться в том, что народ есть великая активная сила, конечно, невозможно, и как бы ни относились к этой силе, как бы ни относились к народной правде, с полным ли ее признанием, или с таким же полным ее отрицанием, как относятся многие, но должно признать за несомненное, что узнать ее все-таки совершенно необходимо. Обычные правовые воззрения находятся в тесной связи со всем складом народной жизни и с тем, в особенности, что составляет ее экономическую сторону. Оставлять в пренебрежении юридические воззрения народа, значит не желать понимать народную жизнь вообще, не понимать экономическую сторону этой жизни в частности.

Приступим к непосредственным воззрениям народа, т.е. к его взгляду, например, на брак — этот важнейший акт в жизни человека. Народная жизнь, наблюдаемая в разнообразных местностях, при разнообразных условиях, не только не дает никаких оснований заключать, чтобы народ смотрел на брак, как на акт исключительно религиозный, в чем убеждены некоторые исследователи народной жизни, но, напротив, неизбежно заставляет придти к выводам диаметрально противоположным.

Из нижеследующих доказательств выясняется, что народ, ни на что не смотря, остался при своем воззрении на брак, как на гражданский акт, лишь освящаемый благословением церкви. Сохраняя убеждение, что в народе

заключение брака ничем существенно не отличается от заключения договора вообще, что брак, по способу своего заключения, есть частный вид гражданского договора, мы для большего разъяснения означенного вопроса коснемся вопроса о крестьянском договоре вообще.

Договоры наших крестьян своеобразны. Своеобразие эта заключается, главным образом, в способах скрепления договоров. Формы скрепления договоров, предлагаемые законом, заменяются у крестьян различными символическими действиями, имеющими у них полную юридическую силу. Вот главнейшие из этих действий: контрагенты ударяют друг друга по рукам, которые разнимает посторонний, в качестве свидетеля, или схватываются правыми руками в локтях, или, если предмет договора вещь, передают ее из полы в полу и т.д.; затем, молятся вместе Богу, пьют магарыч или литки. После совершения контрагентами того или другого из этих действий, акт договора считается заключенным и юридические последствия, вытекающие из него, вступившими в силу. К числу этих символических действий мы относим и следующий символический обряд: при разделе имущества, совершающемся, положим, между двумя братьями, разламывается на половины хлеб, одна часть которого передается одному, а другая другому из разделившихся, для хранения, после чего уже немислимо нарушение или какое бы то ни было изменение совершившегося договора.

Инициатива предложения свадебного договора принадлежит стороне мужчины. Дело обыкновенно начинается через посредство доверенного лица — свата или свахи. Поручение, которое берет на себя сват, составляет содержание частного договора между ним и женихом, скрепляется обычным способом — бьют по рукам и молятся вместе. Согласие свое приступить к делу сторона невесты, т.е. родители или заменяющие их родственники, выражают тем, что бьют со сватом по рукам: это вступление, не имея юридически обязательного характера, ставит, однако, сторону невесты в нравственное обязательство продолжать дело — навести справки насчет жениха и лично сделать осмотр его житья-бытья. Но осмотр, согласие, выражаемое одной стороной, и магарыч, поставляемый другой, не закрепляют

еще договора. С решающим юридическим значением является лишь акт так называемого сговора, соответствующего гражданскому обручению греко-римского и нашего старого русского брачного законодательства. Крестьянский сговор заключает в себя три главных момента: осмотр лиц, имеющих вступить в брачный союз (откуда названия сговора: смотренье, глядинки, гляделки и т.д.); собственно договор об условиях, какими стороны желают обставить дело и, наконец, скрепление этого договора обычными обрядами, от которых сговор получает названия: рукобитья, зарученья, пропой, запою, винопитья и т.д. Брачный сговор заключает в себе также разнообразные условия насчет расходов той и другой стороны, насчет обоюдных подарков и даров, насчет подмоги, приданого или кладки, смотря по тому, где и что в обычае. Тут же даются в обеспечение исполнения договора залоги деньгами или вещами. Для скрепления договора употребляются на сговоре, как и при сватовстве, все обычные способы, т.е. бьют по рукам, или просто, или через полу кафтана, теперь уже непосредственно сами контрагенты, т.е. родители лиц, имеющих вступить в брачный союз, иногда только отцы, а мать и прочие родственники разнимают руки. Вообще, лица, разнимающие руки, играют роль свидетелей и в число их в иных местностях приглашают священника, как уважаемое и нейтральное лицо. Затем, все присутствующие молятся Богу, родители благословляют жениха и невесту и, наконец, пьют магарыч, поставляемый стороной жениха. Сговором и обрядами его сопровождающими считается брачный договор скрепленным и получает обязательную силу. Отказаться от него считается делом бесчестным, долженствующим навлечь на виновного как небесную, так и земную кару, в виде взысканий расходов, даров, платы за бесчестие.

Свадебное пиршество или свадьба, в тесном смысле этого слова, имеет важное значение в крестьянском браке: посредством свадебного пиршества брак как бы освящается общественным признанием, подобно тому, как религиозным обрядом он освящается церковью. Это важное общественное значение свадьбы видно, между прочим, из того, что каждый имеет право, до известной степени, прини-

мать в ней участие: будь знакомый или незнакомый, чужой или свой, друг или враг, никто не может запретить ему, во время празднования свадьбы входа в дом: он имеет право видеть самих брачующихся и все, что происходит в доме, и, пожалуй, тут же высказать вслух свое мнение о виденном; он может принять участие в свадебных развлечениях, пляске и пении; он имеет свою долю в свадебном угощении. Все это неотъемлемое право всех и каждого. В Малороссии, где нередко «весілля» бывает далеко после церковного венчания, церковное торжество, не сопровождавшееся «весіллям», не влечет за собой никаких последствий состоявшегося брака, не дает сторонам ни супружеских прав, ни обязанностей, которые вступают в силу лишь после свадебного пиршества. Общество не допустит, чтобы новобрачная до «весілля» перешла в дом новобрачного, не допустит до фактического супружества. С другой стороны, бывали такие случаи, что молодые люди, отбыв «весілле» жили вместе, без церковного венчания и считались супругами. Если тот или другой из супругов умирает после венчания, но до «весілля», то, считаясь не состоящим в браке, он погребается с теми обрядами, какими обыкновенно сопровождается погребение девушки или не женатого парня.

Нет необходимости распространяться о взглядах раскольников на брак, у которых, как, например, у духовных христиан (молокане), духоборов, субботников, у разных последователей поморского толка, брак имеет значение акта гражданского. Один из наставников поморского толка учил, что для заключения законного брака достаточно благословения родителей и согласие общенародного; другой, что для законности брака нужны только следующие условия: согласие сторон, благословение родителей, обручение, свидетели и законные лета.

Приведем также некоторые другие примеры применения обычного права, собранные П.С. Ефименко в книге «Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии».

Продажа и купля разных предметов сопровождается ударением руки об руку (дают по рукам), которые разнима-

ет посторонний человек, и молитвой к Богу, на восточную сторону, или к церкви, если продажа совершается на улице, а если в доме, то к иконам. Ударом по рукам доказывается обоюдное согласие на сделку, а молитвой — отсутствие обмана с той и с другой стороны. После молитвы запроданная, согласно уговору, вещь ни в коем случае не отбирается и слово не нарушается, хотя бы за ту же вещь через час стали давать вдвое дороже. Об уговоре говорят: рядка-матка, на чем рядишь, на том идешь; т.е. уговор дороже денег. Затем покупатель дает задаток, состоящий из денег, редко из шапки или рукавиц, а продавец ставит литки, или магарыч. Если сделка совершается на базаре, литки пьют в кабаке. Литки, впрочем, покупаются той или другой стороной, смотря по предварительному условию. Отказываться от вещи можно до того времени, пока купленное находится еще в доме хозяина. Плата за вещь рассрочивается на два-три срока и без процентов.

Принадлежностями покупаемых вещей считаются: при покупке дома — образа, саней — оглобли, лошади — узды, быка и коровы — вязка, т.е. крепкая веревка, за которую они вяжутся. Иногда вместе с приданной коровой передается новой хозяйке и глиняная кринка.

Всякие вообще договоры сопровождаются питьем липки и оканчиваются рукобительем и молитвой. Липки бывают при покупке, найме, подряде и при всякого рода сделках: например, кто нанимает рабочего или подряжает вырубить несколько сажень дров, тот должен дать бутылку водки или более; кто поменяется оленем на оленя — липки ставятся смотря по условию; торговец, покупающий у промышленника семгу, должен дать липки; без этого ему не отдадут семги. Покупателю терской семги приводится два раза ставить липки: первый раз, когда он покупает семгу у промышленника, а другой раз — при сдаче ее оптом в Архангельске или Шуньге; здесь уже липки бывают подороже; иначе новый покупатель забракует часть рыбы, отделив ее в худую партию, и заставляет продавца отдать ее за бесценнок; но чем липки лучше, тем и дело выгоднее: хозяева пьют, датчик свое дельце делает, часто и худую рыбу отдает за хорошую.

Вот как Максимов описывает совершение уговора кемского судохозяина о постройке лодки с мастером - судостроителем из Подужемья — селения, в котором живут корелы, известные строители судов на все поморье. «Лодейку задумали построить», — сказывает кемлянин в избе мастера, являясь туда с поклоном, приветом и приносом заграничного крепкого рому или коньяку... Откупоривается бутылка, расходуется вино, идут разные сторонние разговоры, пока не своротит на лодейку. Начавши другую бутылку, и заказчик, и мастер под веселый шумок говорят о цене, спорят и шумят, не обвиняясь, не изобижая друг друга; опять пьют и шумят, и опять-таки добираются до искомой и сходной середины, на которой и заказчику и мастеру становится безобидно и неубыточно. Спорить — вольно, браниться грех, говорит поговорка. «Ну так, что ли, дело наше, по тому идет?» — спросит еще раз заказчик. «Так, а не так, по тому по самому», — ответит в последний раз мастер. «Ну ударим по рукам, поцелуемся и станем Богу молиться». «Ладно, по рукам — и за Бога». Сговорившиеся хватаются за полы, обнимаются, молятся на тябло и, наконец, договариваются о времени заказа судна.

Все земледельческие работы: обработка земли, снятие хлеба и уборка сена — исполняются по большей части собственными силами крестьянских семейств. Только некоторые зажиточные крестьяне, имеющие значительное количество земли или отвлеченные от полевых занятий каким-либо промыслом, нанимают на время севов и страды работников и работниц. Но у некоторых содержатся они в продолжение круглого года, если обширное хозяйство требует большего ухода.

Условия о найме в работы бывают наиболее словесные и состоят в сговоре: о сумме денег, третях (периодах) их получения, содержании, о работах, о сговорах, об обязательстве не отлучаться самовольно и об обеспечении договора. Актом ненарушимости условия служат общая молитва перед иконами, сжатие рук и попойка; при этом нередко дается задаток и на гулянку несколько дней. Плату, особенно семейные работники, чаще всего забирают вперед. При отходе случается, что хорошие хозяева дают прибавку из

платного (одежду и обувь). В Холмогорском уезде дается на дорогу посильник, т.е. большой хлеб, от 10 до 15 фунтов, рыбников пару, пирогов, шанег, калиток, кусок мыла и овечьей шерсти на чулки. В Пинежском уезде есть обыкновение в праздник Рождества Христова дарить работников и работниц платками или ситцами на рубашки и на платья. Работниц дарят еще при отеле коровы. При отходе работника и работницы после срока дают им хлеб, пироги с рыбой, а иногда и просто рыбу.

Пролубник, обязанный очищать по утрам на реке проруби для получения из них воды, водопоя скота и полоскания белья и майны для ловли рыбы, берется с доброй его воли; он бывает из беднейших односельцев. За отправление своих обязанностей он от каждого дома по воскресным дням пользуется подаванием хлеба и шанег в таком количестве, что может безбедно продовольствоваться от одной до другой недели. Трапезники, перевозчики и пролубники ходят для собирания дачи с длинной тростью в одной руке и с корзиной в другой. Под окнами они просто поколачивают в стену палкой и произносят: «Трапезнику!» или «Пролубнику! Перевозчику!»

Общих помочей в Архангельской губернии не бывает, а существуют только помочи по призыву известным хозяином. Когда крестьянин видит, что у него жнива и сенокоса много, а время, между тем, уходит и ему не справиться с работой, не покончить самому, в таком случае он, смотря по количеству работы, приглашает с вечера, большей частью на праздник, особенно если это бывает летом, сколько нужно своих знакомых, всегда из своей же деревни и ближайших с ней. На сенокос приглашают больше мужчин и баб, а на жниву девок и парней. Крестьяне охотно помогают, оставляя свою работу, в той надежде, что и им, если случится нужда в том же, помогут. Помочане поутру рано сходятся в дом хозяина, где для них готовится завтрак. После завтрака тотчас же отправляются на работу. Обед приносят на место работы, для сбережения времени. За обедом пьющих угощают пивом и водкой, а кушанья наваливают целые горы. К вечеру, по окончании работы, возвращаются домой с песнями. Дома, если он близко, вымывшись и почище

одевшись, идут к хозяину, у которого между тем приготовлены уже столы и кушанье. Во время ужина много пьют пива, водки и от этого бывают очень веселы, а после ужина начинают песни, игры и пляску на всю ночь, если она светла и тепла. Помочь бывает и тогда, когда крестьянин желает сбить печь из глины. Участвующим в работе хозяин выставляет ряженое количество вина. Бывает и то в Пинежском уезде, что крестьянин, имеющий у себя много сенокосов, уговаривается с другим, у которого его недостает, помочь последнему убрать сено. В таком случае все снятое сено делится пополам. В Золотице приглашают девушек на избомытье и за это дарят их калачами, по мотушке калачей на девку, кроме домашнего угощения.

Складчины бывают в здешней губернии во время так называемых канунов и при составлении вечеринок. Складчины устраиваются также на покупку бочки трески, палтусины и сельдей, на варение к праздникам пива и на покупку водки. Кануны называются также богомольями и поварками. В Пинежском уезде они празднуются отдельно в каждом селении в какой-либо из важнейших праздников, в Шенкурском уезде каждая отдельная деревня, иногда по две и по три деревни одного и того же селения, имеет свои особенные кануны. В Тулгасе кануны празднуются отдельно каждыми 15 ревизскими душами. Кануны совершаются всей упомянутой общиной в чьем-либо доме, назначаемом по очереди или добровольно уступаемом хозяином. В такой дом приносятся материалы для пива и еды со всей деревни и из складчины варится пиво. В Тулгасском приходе солод для пива собирается со всего селения, а хлеб и другие съестные принадлежности от 15 душ. Вечеринки в Пинежском уезде по большей части собирают молодые ребята; они нанимают квартиру для вечеров и покупают свечи и «дисерт». Деньги для этого по большей части собираются посредством складчин, по пять или десять копеек с парня; иногда же вечеринки устраиваются на счет одного какого-либо молодца. Дисерт состоит из калачей, пряников и орехов; он разделяется между парнями, и каждый берет свою часть в карман для подарка девушкам.

На границе с Норвегией, на реке Печенге, среди безлюдной местности есть церковь Сретения Господня, называемая монастырем, в память некогда существовавшего там Печенгского монастыря. Обитающие в тамошних тундрах кочевые лопари имеют обыкновение делать, преимущественно в день Сретения Господня, когда сюда приезжают богомольцы из поморья и составляется даже нечто вроде ярмарки, разные приношения в пользу церкви: оленей, оленье мясо, рыбу, меха, разные хозяйственные вещи и проч. — одним словом, все, кроме денег. Все приношения принимаются церковным старостой, который тут же продает их за деньги богомольцам и лопарям. Весьма замечателен способ продажи этих приношений. Покупатель, выбрав нужную себе вещь, сам назначает ей произвольную цену, которую и уплачивает заведующему продажами старосте. Разумеется, по пословице — своя рубашка ближе к телу, покупатели большей частью дают самые ничтожные цены. Редкий в припадке особенной набожной щедрости даст настоящую цену, и как бы ни была предложенная цена мала, церковный староста принимает ее без всякого возражения. Это делается на том основании, что все приношения, по усердию жертвователей, делаются святому Трифону, следовательно, он и продает их сам, а староста есть только исполнитель его воли. Приношения эти добровольные, точно так же, как назначаемые покупателями цены тоже есть добровольные приношения, которые каждый назначает по своему состоянию; если же кто, имея средства, с намерением дает малую цену, тот будет наказан святым Трифоном.

Артельные обычаи на Новой Земле соблюдаются строго, свято и ненарушимо. Вот что пишет об этом известный академик Бер: «Во время посещения мной Новой Земли для изучения тамошних произведений, я был поражен строгостью, с коей промышленники следуют правилам, введенным обычаем. Эти правила исполняются точнее, чем писанные законы во всех государствах. Всеобщее в русском народе обыкновение устраивать артель, в коей меня удивила власть хозяина, ибо хотя прежде плаванья все промышленники равны ему и делаются опять равны по возвращении с промысла, но в течение трех месяцев, проведенных мною в мо-

ре, я не видал ни одного случая неповиновения воле хозяина нашего судна и даже не слышал малейшего противоречия. Хозяин же этот был притом только половинщиком. Другой участник находился также с нами, но начальство представлено было первому, как более опытному моряку, и потому товарищ его вовсе не вмешивался в распоряжения, а, напротив того, удалялся всякий раз, когда требовалось решиться на что-нибудь важное. Когда несколько судов сходится на одной бухте, они никогда не мешают друг другу в промысле. Хозяин последнеприбывшего судна немедленно по положении якоря объявляет, желает ли он составить одну артель с прочими и сколько человек отправит на промысел; ибо добыча делится поголовно или остается отдельною артелью. В первом случае хозяева составляют общий план промысла, а в последнем сговариваются, коим образом отправить своих людей по различным заливам. Никто один другого не обманывает ложными вестями, но каждый поступает честно, ибо неизвестный за честного не в состоянии составить артели и не может быть принят в нее. Я никогда не слышал, чтобы на Новой Земле в похвалу кого-либо называли добрым, как бывает часто в России, но всегда честным. Наш хозяин вступил в артель с двумя другими. Я купил у них часть добычи, (поскольку) лов был вообще неудачен, то последнепойманные звери продавались по весьма высокой цене. Так, например, за морского зайца назначено было 40 рублей. Я согласился дать эту цену, но с тем, чтобы мой хозяин и люди его получили 20 рублей. А другие два судна по 10 рублей, потому что наши люди поработали больше. Но он тотчас же возразил мне, что это сделать совершенно невозможно, ибо они уговорились быть в одной артели, а сделанный здесь уговор должен исполняться без исключений. Мы видели на Новой Земле мышей, но долго не могли поймать. Тогда я обещал 15-летнему сыну хозяина один рубль серебром за первую мышь, которую он мне принесет, 50 копеек серебром за вторую и по рублю медью за следующих. Вскоре Александр Афанасьевич принес мне мышь; но, отведя в сторону, убеждал со стесненным сердцем, что, если бы я точно хотел дать ему деньги, не говорить о том отцу, потому что и он

состоит в артели. Я возражал ему, что ловля мышей, конечно, не относится к их промыслу и что хотя морские звери, и птицы, и самые перья идут в дележ, но что за мышей с Новой Земли, конечно, с сотворения мира никто еще не давал копейки. Я говорил это с полным убеждением. “Это все так, — отвечал он, — но отец не позволит мне оставить себе деньги”. Получив деньги, честный мальчик не выдержал до вечера и рассказал отцу о полученном рубле. “Этот рубль принадлежит артели, — сказал отец, — и должен быть разделен так же, как и те, которые еще получишь”. После он считал в Архангельске в числе добычи от промысла и пойманных мышей. Хозяин наш получил притом немного прибыли, ибо лов не был изобилен в этот год. Не менее удивила меня в этой стране всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности при совершенном отсутствии полиции и правителей. Избы, в коих укрываются временные жители Новой Земли, не имеют замков. Обыкновение это имеет, по-видимому, силу закона. Но из такой избы никогда и ничто не пропадало, а если б вся артель вымерла, то и тогда наследники получили бы следующее им. Я сам видел избу, коей все жители померли от цинги. Это было известно, и многие промышленники входили в нее, но вещи лежали там в том же порядке, как их оставили хозяева, только сих последних уже не было. Вещи состояли в мехах, которые в той стране равноценны деньгам; сверх того там был сундук с мелкими вещами и вместо замка с надписью: “Этот сундук принадлежит работнику Нестору”. В конце лета отправились бывшие там промышленники в избу, чтобы вместе пересчитать все, что в ней оставалось, и доставить наследникам. На вопрос, отчего происходит на Новой Земле такая верность собственности? — получаешь один ответ: здесь не украдут. Но закон обычая, препятствующий красть, простирается там еще далее. Если убитого зверя, по отдаленности от избы, неудобно тотчас же отнести домой, то промышленник втыкает возле него палку, это и служит доказательством, что зверь кому-то принадлежит, что он оставлен с умыслом и потому неприкосновенен. Я сам видел лодку, привязанную на том самом месте, где за три года пред тем оставил ее штурман

Пахтусов, который не мог взять ее с собой, потому что его судно расколотило льдом, следовательно, он бросил ее; но так как стоял еще шест, к которому лодка была привязана, то никто и не смел взять ее. Вещь с подобным знаком считается неприкосновенною. Как-то на берегах Лапландии я нашел лодку с сетями и разными рыболовными орудиями и возле — наклонно воткнутое весло. Я хотел было опереться на него, как вдруг несколько промышленников бросились ко мне и просили не трогать весла, потому что это грех. Только впоследствии объяснили мне эти слова и уверяли, что если б я оставил на Новой Земле часы, воткнув возле них палку, то их, конечно, никто бы не тронул. Неудивительно посему, что такие обычаи имеют там силу закона при спасении погибающих и погребении умерших. Например, кто найдет умершего, тот должен немедленно похоронить его, хотя бы терял чрез это благоприятное время для промыслов. Обыкновение сие достойно полного уважения в стране, где все удобное для промысла время не продолжается более шести недель, из числа коих половиной нельзя пользоваться по причине дурной погоды. Таким образом, едва выдаются 20 дней, в течение коих можно добывать на целый год пропитание для многих семейств. Тот самый промышленник, о честности коего говорил, за три года перед моим приездом сопровождал казенного штурмана Пахтусова в плавании далеко на севере от Новой Земли. Несколько больших льдин, сопровождаемых туманом, разделили их. Когда туман рассеялся, промышленник был в большом беспокойстве, ибо не видел более судна Пахтусова, и хотя он не был связан со штурманом никаким условием, но пошел искать его и, наконец, нашел на небольшом острове. Судно Пахтусова было расколочено льдами. Люди спаслись на льдине и могли взять с собою только небольшое количество съестных припасов и небольшую лодку. Льдина пристала к острову, но до Новой Земли они не могли добраться. Радостно принял их промышленник к себе и разделил с ними съестные припасы свои. Пахтусов, желая воспользоваться остатком лета, просил Еремина уступить ему судно его со всем экипажем за 2000 рублей ассигнациями. Еремин согласился, и в начале зимы Пахту-

сов возвратился в Архангельск, где вскоре умер. Тогда Еремин обратился с просьбой к начальству о выдаче ему 2000 рублей. Его спросили, было ли заключено им с Пахтусовым письменное условие? Он с гордостью отвечал, что не подумал об этом, когда, найдя Пахтусова на пустынном острове, принял к себе его и всех людей с ним, кормил их, служил им и лишился добычи от целого летнего промысла, что, впрочем, многие из них живы и находятся в Петербурге и Архангельске. Еремину отказали по закону, что претензии на казнь должны быть подтверждаемы бесспорными доказательствами. Впоследствии, по новому представлению, что казенные люди могут погибать, прежде чем промышленники на Новой Земле выучат законы, и что тамошние обычаи не позволяют им лгать, Еремину велено было выдать деньги, но не в виде должного, а как награду. Посему из помянутых 2000 рублей 10% были вычтены в пользу инвалидов, а он получил только 1800. Постигая, что долг к ближнему мог обязать его к пожертвованию целым летним промыслом для спасения погибающего, он никак не мог понять, за что он и другие промышленники должны пожертвовать эти 200 рублей, принадлежащие им.

Можно представить себе, в каком восхищении, видел промышленников Новой Земли, я прибыл потом к поморцам Белого моря. Но здесь меня уверили, что те же люди, столько честные, верные и бескорыстные далеко на севере, делаются хитрыми и лукавыми в сношениях с полицейскими властями. Там они почитают свои обычаи необходимою, здесь же видят в законах только препоны, которые надобно обойти».

Взгляд наших крестьян на преступления, проступки и преступников довольно верен, — говорит священник Макаров о тулгашанах, — хотя и есть в нем своя доля самобытности; так, некоторые преступления и проступки не считаются очень важными, например, украсть хлеба, если его нет у себя, без пошлины вырубить строевого лесу, дров, жердья и колья и распьяным-пьяно напиться до лихорадки в воскресный и праздничный день, особенно в храмовой. Разности между грехом и преступлением почти не существует у них: важное уголовное преступление — убить

человека, например, — называется большим, тяжким грехом, а украсть удельного строевого лесу, дров и проч. — грешком. Господствующие преступления — воровство, оскорбление и неуважение святыни, неуважение родителей-стариков, разврат, изгнание плода, убийство скотины в поле, неуважение и оскорбление той власти, которая говорит и делает не так, как бы крестьяне думали. На воровство, особенно дневное, изгнание плода и убийство животного смотрят очень строго, а на прочие вышепоименованные мало обращают внимания. Изгнание плода редки. Последнее совершается девицами из стыда, а женщинами из боязни родить строгому мужу дитя женского пола или же по бедности вследствие обременения и без того многочисленным семейством.

Кража чего-либо у домашних и продажа воровски — преследуются одной руганью домовладельца и хозяина вещи; например, жене нужно что-либо купить на себя или для дочери-невесты, а муж не дает денег, она тащит воровски четверик, два-три и более зернового хлеба, пуд или более муки, несколько фунтов овечьей шерсти или что только возможно, продает охотнику чрез свою подругу и закупает в первый базарный день нужное. Муж, узнав об этом, не наказывает своей жены, а поругается, погорячится, и только.

Кража крестьянами лесу из удельных дач происходит от той причины, что значительна пошлина, а во-вторых, что, по понятиям крестьян, лес не удельный, а Божий. Бог сотворил его — следовательно, пользоваться им каждый вправе без всякой пошлины. На этих основаниях кражи леса совершаются целыми селениями, и при производстве следствий по этим делам, кроме укрывательства, нечего ожидать открытия виновных, если бы даже спрашивали под присягой.

Вообще говоря, народ Архангельской губернии отличается значительно высшей нравственностью от жителей других великороссийских губерний, отсутствием важных уголовных преступлений: убийств, краж с насилием и истязанием и прочих разбоев, а также, местами, и уважением к чужой собственности. Во многих селениях крестьяне так безопасны и доверчивы, что оставляют дома свои, ухо-

дя, не запертыми на замки, а просто втыкают чрез кольца у ворот пристав (кол, лопату, грабли, вилы и проч.), означающий, что хозяев нет дома и войти нельзя. Также овины, бани, гумна и хлева почти у всякого остаются едва припертыми. Белье, прядена, холст и проч. лежит и висит на взвозах и огородах день и ночь без похищения. Скот рогатый и лошади по лету бродят на лугах, выгонах и в лесах большею частью без пастухов и всегда сохранно. Есть местности в Архангельской губернии, где особенно бросается в глаза наблюдателям добродушие и честность народа; таков, например, Терский берег. У Максимова читаем: жители селения Умбы «небольшая часть того доброго и приветливого народа Терского берега, между которым, как положительно известно, нет ни одного раскольника и про который, вероятно, еще и до сих пор рассказывают все поморы ближних и дальних берегов, что, стоит только обокраденному мужичку заявить о своей пропаже в церкви после обедни, вор или вынужденный обстоятельствами похититель непременно скажется или укажет на него другой. Действительно, на всем Терском берегу в редких случаях употребляются замки, и то по большей части против коровы, блудливой овцы. Доверчиво смотрят все терские, откровенно высказывают все свое сокровенное... Гостеприимство и угощения доведены здесь до крайней степени добродушия, хозяин и хозяйка суетятся все время, принося все лучшее и беспрестанно потчуют, оправдываясь при этом тем, что, по пословице, хозяева-де и с перстов наедятся. Добродушие это и, по-своему понимаемое ими, гостеприимство доходило несколько раз до того, что кормишки (по большей части хозяева обывательского карбаса) не хотели даже получать прогонных денег, так что с трудом можно было убедить их в противном. “С тебя деньги грех брать, странной (странник, заезжий), а мы за Богом — дома!” — был ответ одних. “Странникову-то златницу черт подхватывает, да и несет к сатане, а тот над ней прыгает, пляшет, к дьявольскому сердцу своему прижимает, так и в писании сказано”, — объясняли другие».

Есть местности, где и более крупные преступления, по словам некоторых, не составляют редкости. Это именно

Мурманский берег. Вот что говорил уже в 1861 году господин Соловцев по этому поводу. Хозяева довольно плохо кормят своих покрутчиков (работников), поэтому промышленники для улучшения пищи прибегают к непозволительным средствам: тайно от своих хозяев продают другим не только выловленную рыбу, сало, но и снасти; в этом отношении у всех покрутчиков круговая порука, все действуют заодно. Если же кто из них захочет об этом воровстве уведомить хозяина — того ожидает смертная казнь. Над мурманскими промышленниками нет никакого надзора: ни полиции, ни сельских выборных, они делают что хотят, и все преступления остаются безнаказанными. Пользуясь этой безнаказанностью, покрутки при первом удобном случае сталкивают доносчика со шняки (судно) в воду, или сбрасывают со скалы на камни, или же беспрестанно бьют его чем попало, пока этот несчастный не умрет от побоев. Убитого таким образом без всяких затей хоронят на общем кладбище, и концы в воду. Впрочем, крестьянин Словцев отвергает это. Он говорит, что на Мурманском берегу есть свой суд, не допускающий до обид, и приводит следующий случай. В одном становище промышленник у другого промышленника стянул промысловую его снасть; собрались промышленники, отыскивали виновного, растянули его, да и отстегали той же снастью.

По словам господина Козлова, из статистических данных о числе привлеченных к суду, которые взяты им за пять лет, с 1857 по 1862 год, из отчетов Архангельской судебной палаты видно, что наибольшее число преступлений относилось к воровству, краже (именно 26% общего числа подсудимых). Воровство-кража встречается, по его словам, большей частью в городах, и, главным образом в губернском городе. В селениях между крестьянами случаи воровства довольно редки. После воровства произвольные порубки леса принадлежат к преступлению, встречающемуся чаще других, именно: число подсудимых, совершивших этого рода преступления, равняется 22% всех подсудимых. Разбой и убийство встречаются весьма редко (первых — 0,4%, вторых — 0,7%), в этих случаях убийства чаще происходят во время драк в пьяном виде. Затем из других преступлений встреча-

ются чаще: укрывательство беглых (3%), сопротивление властям (2%), преимущественно в деле розысков беглых и раскольников, и отступления от веры (2%); последний случай обыкновенно составляют обращения к расколу, весьма частые в здешней губернии, во многих местах которой у крестьян существует обыкновение под старость не жить в миру, а обращаться к старой вере. Чаще встречаются преступления других сословий и состоят в преступлениях по службе.

У пинежских жителей существует обычай, по которому тайное взятие плодов, каковы: репа, редька, брюква и проч. — с чужих полей, в небольшом количестве и только собственно для себя, не считается воровством.

Господин Иванов пишет, что ему не случалось ни видеть, ни слышать в Пинежском уезде, чтобы мирская сходка судила крестьян за какие-либо проступки. Да и, кажется, что сходы не принимают подобных дел к своему решению, исключая того, что, если кто не исполнит повинности, тот делается перед сходом виноватее других и на него налагает общество, т.е. назначает ему, более тяжелую повинность. Но суд из сборища соседей повсеместен. Оттого-то и судбищ в административном порядке бывает не много. Жалобы возникают лишь в случаях больших краж или несносных обид. Говоря вообще, деревенский житель очень не любит длинного тяжёбного или расправного производства. Позднее решение по проступкам виновному кажется как бы мутью, платой за давно прошедшее, и он думает, что как другие не забывают ему мстить, так и ему не следует забывать отмстить другим.

Тяжёбые дела по долгам и вообще по небольшим гражданским искам кончаются коротким судопроизводством. Ответчик должен снять с божницы икону и прикоснуться к ней губами. Это самое лучшее оправдание. Если же призванный к ответу не решится сделать предлагаемой присяги из боязни кары Божьей, то признается обязанным удовлетворить истца. Тут основание то, что Бога снять, значит на весь мир честь потерять.

Драки и ссоры, столь нередкие у простолюдины, прекращаются вскоре при сходке соседей за водкой за счет более виновного.

У кого делается воровство-кража, тот заявляет о происшествии околodку. Тогда все печищане (односельцы), при десятском, сотском, старосте или же другом лице, облеченном властью, обыскивают по деревне покраденное и, в случае отыскания, отбирают его и выдают по принадлежности. От такого обыска во имя справедливости стараются не освобождать в деревне ни одного двора, исключая тех домов, о хозяевах которых век свой никто не слыхал про худое. Мету наказания определяет и приводит в исполнение тот, у кого похищено своими руками, по тому убеждению, что своя рука владыка или свой суд ближе, вернее. Сами крестьяне на этот счет отзываются еще и так: отдут, отдубасят проказника, с тем и конец; а уж то знай, что воровать больше не будет, да и просить никуда не пойдёт. В некоторых местах укравшего вещь водят с ней по улице при толпе народа; например, похитившего чужое сено водят с привязанным на спине кошельком сена, укравшего дрова — с повешенной через плечо вязанкой дров, на виновного в краже и убийстве овцы надевают кожу этого животного и водят в таком виде по деревне. Когда водят вора, у каждого дома приостанавливаются и спрашивают: не утерялось ли что? Сенному и конному вору в особенности спуска нет: кроме того, что их бьют и водят по улице, еще взыскивают двойное количество против украденного. В Лисестровском приходе виновные в краже хлеба с поля и сена с пожни, в мелких кражах, обмане, несдержании слова по большей части платят деньгами по оценке вещей или убытков, нанесенных поступком. В Пингишах за поправу хлеба и сена должны отдать такое же количество, только в лучшем месте. За обнос (оскорбление) девицы или женщины в Зимней Золотице заставляют ходить по улицам селения с метлой и расчищать сугробы снега.

Ближайшее знакомство с обычным правом нашего народа должно привести к тому заключению, что обычное право как нельзя более субъективно. Субъективность эта, составляющая дело величайшей важности, по отношению к основам всякого законодательства, всего рельефнее рисуется при сравнении воззрений юриста, воспитанного на римском праве, для которого известное выражение *fiat*

А.И. Герцен. По своему обычаю

justitia, pereat mundus (да живет справедливость и да погибнет мир) есть святая истина, и нашего крестьянина-судьи, для которого формальное право не имеет смысла, который считает себя в праве как наказать преступника, так и простить его, смотря по обстоятельствам дела; мало того, который убежден, что наказывая, он может за одно и то же преступление определять самые различные наказания: и выговор, и денежный штраф, и арест, и розги, все «глядя по человеку и по делу».

Источники:

Б-в И. Юридические воззрения народа (Исторический вестник, Том XVII, 1884).

Ефименко П.С. «Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии», ОГИ, 2009

5. Артель

Слово «артель» получило у нас широкое употребление. Группа работников, с подрядчиком во главе, идет на плотничий, малярный, бочарный, бурлацкий промысел и называет себя артелью. Союзы лиц, занимающихся работами при торговых помещениях по нагрузке, выгрузке, приему и отправке товаров, охранению складов и т.п., образуют самостоятельные хозяйственные единицы, известные под именем биржевых артелей. Извозчики и чумаки, отправляясь совместно в путь, дают себе наименование артелей или артилей. На фабриках и заводах, на биржах легковых и ломовых извозчиков мы встречаем общество для совместного найма квартиры, покупки съестных припасов, приготовления пищи на общий счет, общество, вызывающее к жизни союзы, известные под именем артелей харчевых. Охотники восточных окраин Европейской России и сибирской тайги, рыболовы беломорского, азовского, каспийского побережий и внутренних озер также соединяются в артели. Наконец, с середины 1860-х годов среди наших малообеспеченных классов стали возникать союзы для удовлетворения потребности членов в кредит, приобретения сырья, съестных припасов, совместного производства, получившие также название товариществ или артелей. Явились артели ссудосберегательные, потребительные, сыроваренные, кузнечные и др.

Слово «артель» воспринято литературой из народной речи. И в последней термин этот — не древнего происхожде-

ния; мы встречаем его в наших исторических памятниках не ранее XVII столетия. До того времени исследуемая нами форма общения называлась складчиной, ватагой, дружиной. Эти названия сохранились частью и донныне, но имеют наряду с терминами общая, ромша, стая узкое местное значение. Слово же «артель» получило широкое употребление во всех концах нашего отечества.

Русской истории знакомы многочисленные союзы, преследовавшие религиозные цели. И теперь подобные союзы из представителей различных сект насчитывают миллионы членов. Духовное общение, собрания для совместной молитвы, поддержание духа данной секты в чистоте — вот цели таких союзов. Между членами, несомненно, существует теснейшая связь уже в силу единомыслия относительно важнейших вопросов бытия человека; история раскола свидетельствует о высоком развитии в этих союзах начала взаимной помощи. Однако такие союзы не назывались и не называются артелями. Перечисление всех союзов, которым народ присваивает это наименование, дает возможность подметить одну черту, общую им всем; эта черта — преследование целей хозяйственных. Таким образом, мы нашли один существенный признак всех групп, называемых артелями.

Во всех союзах, за которыми народ закрепил название «артель», мы подмечаем господство начала равноправности. Это начало проистекает из того, что, как будет показано ниже, артели всегда были поставлены в условия, побуждавшие их подбирать в члены людей, более или менее сходных по возрасту, телесной силе, рабочей ловкости и имущественным средствам. Подбор членов на таких условиях делал и делает из артели целое, состоящее из равных частей. Это равенство, резко обнаруживающееся при образовании артелей, ведет к построению отношений между участниками на начале равноправности. Последняя проявляется как в чисто правовой сфере жизни артелей, так и в области экономической, в пользовании вещественными выгодами, проистекающими из совместного ведения дел. В области права равенство членов сказывается в предоставлении каждому одинаковой доли влияния на ход артельных оборотов. Каждый может, как староста, десятский, рядчик и т.д., стоять во

главе исполнительной власти; в некоторых артелях это право переходит в обязанность члена быть от времени до времени должностным лицом, представителем всего союза.

Каждый имеет право подавать голос, и только один голос на общих собраниях. Каждый может требовать исключения товарища за действия, способные нанести ущерб целому. Каждый имеет право просматривать артельные книги и таким образом контролировать орган исполнительной власти. Наконец, все члены артели имеют одинаковое право на извлечение выгод из общего дела. Во множестве промышленных артелей, среди которых биржевые являются наиболее выработанной формой, заработки делятся на равные доли. В харчевых все члены имеют право на пищу одинакового качества и т.д. Это начало, живущее в артелях стародавнего происхождения, внесено и в артели нового наслоения, кредитные и промышленные. От этого начала артель не отказывается никогда. Бесправие одних и многоправие других участников, так резко обнаруживающееся в капиталистических формах предприятий, не имеет места в исследуемых нами союзах. Где мы встречаем отклонения от начала равноправности, там эти отклонения или только кажущиеся, или поверхностные, не нарушающие существа отношений между членами. В тех артелях, где, как, например, среди рыболовов, члены делают неодинаковые имущественные взносы, общая добыча распределяется между участниками соразмерно с долей каждого в артельном капитале. Казалось бы, что раздел добытков на части неравные нарушает равноправность членов. Но и это отклонение не производит такого действия; оно скользит по поверхности внутренних отношений артели и не затрагивает их существа. По-видимому, те рыболовные артели, в которых член, владеющий большей долей снаряда, становится, под именем жердника, кормщика, во главе союза, не проводят в своей жизни начала равенства, не дают каждому участнику права быть органом исполнительной власти; но и это исключение не отвергает установленного нами общего правила. В одних артелях этого рода, распространенных преимущественно по внутренним озерам — Ильмену, Чудскому, Псковскому, — владельцы матицы, центральной части невода, обыкновенно и самые

искусные рыболовы, всего лучше знакомые и с техникой промысла, и с местностью. Естественно, что артель и возлагает на них обязанность руководить предприятием. Но, перенося на них это право, она всегда имеет возможность сменить жердника, если бы он оказался неискusным руководителем. Таким образом, начало равенства во внутренней жизни союза есть второй отличительный признак артельного общения.

Из второй отличительной черты необходимо вытекает третья. Если артель есть союз с развитым самоуправлением, если она предоставляет каждому члену права, равные правам всех других участников, если, принимая новых членов, она требует от них одинаковых условий, то естественно, что она возлагает на каждого из них и одинаковую ответственность перед лицами и учреждениями, с которыми ее сталкивают ее хозяйственные обороты. Но что это за ответственность? Где ее пределы? Представим себе артель во внешних сношениях; представим, что она обязуется перед лицом или учреждением выполнить какую-нибудь работу. Подряжающий артель имеет перед собой группу лиц, одно стройное целое, притязающее на полную самостоятельность во внутренних распорядках. Это целое само распределяет работы между членами согласно с их испытанными способностями; оно само избирает руководителя из своей среды; оно дорожит всеми этими правами. Где ручательство, что все обстоятельства, принятые артелью, будут исполнены? Осязательного обеспечения нет, а часто и быть не может. Если подряжающему предложат в случае ущерба, понесенного от артели, взыскивать с каждого члена в отдельности, то он согласится, но при условии, чтобы артель отказалась от своей самостоятельности, чтобы она перенесла на нанимателя все права, которые срослись с ней, чтобы она предоставила ему и распределение работ между членами группы, и руководство ими и т.д. Такое вмешательство во внутреннюю жизнь артели постепенно дойдет до того, что наниматель заключит договор с каждым артельщиком отдельно; при заключении договора он, быть может, признает некоторых негодными к работе и отвергнет их. Словом, этот порядок поведет к разложению союза. Наниматель может воздержаться

от посягательства на права артели только в том случае, если имеет какое-нибудь обеспечение. А лучшим обеспечением служит готовность каждого ручаться за всех сочленов, отвечать за убытки, кто бы и участников их ни причинил. Эта готовность служит наилучшим ручательством, что артель поведет принятую ей на себя работу согласно с интересами не только участников, но и нанимателя. Готовность ручаться за всех товарищей, отвечать за их промахи и даже злоупотребления и трудом своим, и имуществом доказывает прочность связи между членами, их знакомство друг с другом, а потому и вызывает то доверие, с которым относятся к артели лица, нуждающиеся в ее услугах. Ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артелей. В наших исторических памятниках мы находим указания на то, что артели, принимавшие на себя постройку или починку мостов и т.д., заканчивали договор словами: в случае потерь и убытков, нанесенных артелью, отвечать должен тот, что «будет в лицах», налицо, кто будет в руках нанимателя. Круговая порука, тесно связанная со строем артелей, вытекающая из имущественных условий, в которых стоят их члены, есть неотъемлемая принадлежность союзов этой формы.

Существо круговой поруки как признака артели не изменяется ни от формы, в которой проявляется взаимная ответственность, ни от пределов этой ответственности. Отвечает ли член за ошибки товарищей своим имуществом или трудом — последнее, в силу экономического положения большинства артельщиков, особенно часто, — характер круговой поруки один и тот же. Он не изменяется и от того, где предел ответственности, ограничена она или не имеет границ. О неограниченной поруке в точном смысле этого слова едва ли может быть и речь; и необходимость ограничения лежит в интересах не только артели, но часто и лиц, потерпевших от ее деятельности. Неограниченная порука есть такая ответственность, при которой лицо отвечает всем своим имуществом, почти до рубашки. Но такая ответственность, примененная к имуществу артельщика, часто не может удовлетворить кредитора или нанимателя. Если формой удовлетворения избран труд члена артели в пользу потерпевшего, то и здесь личные интересы последнего побуждают его удер-

живать для покрытия убытков не всю ценность труда, а лишь ту долю, которая остается сверх расходов, необходимых для поддержания жизни и частью здоровья отработывающего. Значит, круговая порука должна быть во всех случаях более или менее ограничена. С ясно выраженным ограничением мы встречаемся в уставе павловской складочной артели. Взыскание обращается на все имущество члена за исключением избы с двором, известного количества скота, съестных припасов, дров. Где ограничение ответственности не установлено законодательно, там пределы ей ставит или хозяйственный смысл потерпевшего от артели, или обычай. В круговой поруке признаем мы третью существенную черту артели.

Россия покрыта сетью союзов, имеющих три отличительные черты артели — и хозяйственную цель, и равноправность членов, и круговую поруку; союзы эти — сельские общины. Но их отделяет от артелей то начало, которое дает в общине место каждому ее члену и регулирует взаимные отношения общинников. Это начало — происхождение. Каждый, родившийся в семье общинника, становится, уже в силу рождения, полноправным членом. Факт рождения делает общинником состоятельного и неимущего, способного и бездарного. В артели же таким началом служит договор. Он предшествует возникновению каждой артели; иногда он облекается в форму обширного и точно выработанного устава, иногда, как в недолговечных артелях охотников, он подразумевается; в артелях последнего вида он не проявляется вовне, так как каждый участник предполагает (и не без основания) знакомым с обычаями, регулирующими строй таких союзов. Договорное же начало, сказываясь в тех требованиях, которые артель ставит вступающим, упорядочивает и отношения между членами, и отношения каждого к союзу. Способы возникновения артели и общины могут быть одинаковы. Группа лиц, занимая участок земли на началах общинного владения, действует согласно с предшествовавшим договором; участники таких союзов подбираются, договариваются. Но раз занятие земли совершилось, раз возникла новая сельская община, — начало происхождения будет играть в ней преобладающую роль.

Но эти черты, различая союзы обеих форм, в то же время сближают их и доказывают, что они произошли от одного корня. Так, легкость, с которой в артелях биржевых и лопцманов сыновья и племянники артельщиков становятся членами, доказывает, что начало происхождения не вымерло из артелей. С другой стороны, прием в общину новых членов, образование в пределах сельских обществ артелей для ловли рыбы на общинных водах свидетельствует о живучести договорного начала в наших общинах. Четвертым признаком всех артелей служит договор.

Наконец, пятым и последним признаком собственно производительных артелей является участие членов в общем деле трудом или трудом и капиталом. Полные товарищества имеют первые четыре признака артелей; от последних же их отличает то, что в товариществе все члены могут не участвовать в предприятии трудом, тогда как в производительных артелях участники, каков бы ни был их имущественный уровень, содействуют своими личными силами успеху общего дела.

Все изложенное приводит нас к такому определению. Артель есть основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой, и участвующих при ведении промысла трудом или трудом и капиталом.

Артели оказывают заметное и им одним свойственное влияние на своих членов. Прежде всего, обращает на себя внимание то благотворное влияние, которое артель, экономически самостоятельная, оказывает на материальный быт участников. Причины этого благотворного влияния слишком понятны, чтобы нуждаться в подробных пояснениях. Раз производительной артели принадлежат весь труд и капитал, влагаемые в предприятие, она получает и все доходы, добываемые путем совместной деятельности: и рабочая плата, и прибыль, и рента поступают ей сполна и распределяются в известном соотношении только между ее членами.

Артель имеет главной целью взаимную помощь, создание из соединения разрозненных сил таких условий, в которых каждый способен изменить к лучшему свою обстановку, то она и налагает на животных побуждения своих членов известную узду, требует от них исполнения относительно со-

участников определенных обязанностей. Человек, работающий обособленно, может находить только в себе самой силы, способные нравственно поднять его; если окружающие условия и налагают на него обязанности, то неисполнение последних не влечет за собой тех кар, которыми грозит артель своему негодному члену. В артели же обязанности ставятся самим союзом, который и строго блюдет за их исполнением. Первый шаг, облегчающий для артели решение этих задач, состоит в том, что она ставит вступающим строгие требования и отвергает человека «неартельного». Совершается подбор, и подбор тщательный, посредством которого артель привлекает к себе лучших людей данного общественного слоя. Приняв члена, артель уже имеет в нем человека, обладающего общественными качествами. Затем наблюдение за каждым из участников со стороны союза не ослабевает и, таким образом, в членах поддерживаются и укрепляются те свойства, которые необходимы для широкого развития начала солидарности внутри артели. Мы далеки от того, чтобы признавать за каждой артелью способность благотворно влиять на членов. Если общение непродолжительно, если оно не всегда поддерживается между одними и теми же лицами, то члены не успевают привыкнуть друг к другу, не смотрят один на другого как на людей, тесно связанных многочисленными узами; всякий спешит быстро воспользоваться теми выгодами, которые представляет союз, и, выходя из него, порывает связь с бывшими товарищами. Такие артели в силу мимолетности общения между участниками, в силу того, что последние нередко вовсе не связаны друг с другом вне артели, не могут оказывать на членов благотворное влияние. Везде же, где устанавливается продолжительное и прочное общение, где члены не только работают вместе, но и живут, где каждый находится на глазах у других, — там везде артель способствует нравственному улучшению участников. Но и артели последней группы не являются однородным целым. Можно подметить, что артели городские или же состоящие из людей, хорошо обеспеченных, в гораздо меньшей степени развивают общественные качества членов, чем артели сельские и слагающиеся из людей, менее обеспеченных, более или менее знакомых с нуждой. Очень вероятно,

что эта разница объясняется влиянием города и деревни с одной стороны и самой степенью состоятельности с другой. Город в сильной степени развивает в человеке начало индивидуалистическое; так как в состав многочисленных городских артелей входят горожане или крестьяне различных местностей, то между членами не может быть так сильно развито чувство солидарности, как между односельчанами, связанными общинным строем. Во-вторых, такая разница может объясняться и тем, что члены артелей богатых менее знакомы с нуждой, а потому и менее способны понимать ее, неспособны так отзывчиво относиться к бедствиям товарищей, как члены артелей, знакомые с лишениями.

В простейших артелях, в глуши деревень, и, частью, в небогатых городских, отношения между членами построены на высокой честности, полной готовности к взаимной поддержке. Так, прежде всего она сказывается в благотворительности. Архангельская лощманская артель ассигнует 4%, взимаемые за ссуды из запасного экономического капитала, на пособие больным и престарелым членам, вдовам лощманов, безвозвратную уплату государственных податей за лощманских сирот. В 1872 году артель постановила отчислять в запасный капитал 6% вместо 5% и 2% из них специально затрачивать на пенсии престарелым лощманам. Артели продавцов произведений печати в Петербурге постановили «обеспечить своих членов в случае житейских necessities или несчастий, скорою и ближайшею помощью... в виде денежного вспомоществования». Но искренность и честность во внутренней жизни артели особенно развиты в тех союзах этой группы, которые живут далеко от влияния города и исключительно предоставлены собственным силам. Стоит вспомнить, для характеристики артелей лесорубщиков, встречу с подобной артелью Потапа Максимыча в керженских лесах. «Разве возможно артельному леснику с чужанина хошь малость какую принять?.. Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны?.. Да вот я старшой у них, "хозяин" называясь, а возмика-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат да такую вспорку зададут, что и-и...». Сибирские артели звероловов кладут шкурки добы-

тых зверей в общую кассу, и все уверены, что никто ничего не утаит из нее. Честность в отношениях между бурлаками сказывается уже тем, что все несут свои частные заработки в общую кассу. В крымских солепромышленных артелях больной пользуется пищей и уходом за счет артели. Но особенно резко выделяется эта черта в жизни наших северных зверо- и рыболовных артелей. На семужьих промыслах в отношениях между тонщиками замечается крайняя честность; скрытый человек может портить лов, а потому его обегают; в страдную пору для сбережения времени на тонях оставляют какого-нибудь старика или подростка с уверенностью, что никто не воспользуется отсутствием взрослых. Общей известностью пользуются с этой стороны артели на новоземельских моржевых промыслах. На Новой Земле никого не называют добрым, а честным, и это служит лучшей похвалой. Академик Бэр рассказывает о крайней обеспеченности на Новой Земле частной собственности: у дверей нет замков; надпись на сундуке о принадлежности его такому-то лицу вполне обеспечивает целость содержимого; промышленник, не имея возможности взять убитого зверя, но желая обеспечить его целость, втыкает около него палку, что доказывает право частной собственности на данный предмет, и никто не трогает добычи. Такие отношения, нашедшие себе место не только внутри артели, но и вне ее, могут быть объяснены обстановкой, которая окружает людей на моржем промысле: всем приходится бороться с многочисленными лишениями, работать до крайнего напряжения сил, а потому труд пользуется высоким почетом и право частной собственности, по его тесной видимой связи с трудом, считается священным. Прибавим, что, каково бы ни было влияние артели на развитие общественных чувств в членах, в большинстве случаев артель есть враг кабака: где существование союза сколько-нибудь продолжительно, там артель способствует развитию в участниках трезвости, достигая этого и подбором членов, и строгими карами за опьянение.

Мы вправе сделать на основании сказанного вывод, что артель имеет на членов и воспитательное влияние, влияние лучшее того, которое может оказывать капиталистическое предприятие на группу наемных рабочих: в первом случае

А.И. Герцен. По своему обычаю

влияние сильно потому, что каждый вносит в него долю своего «я», каждый участвует в создании склада артельной жизни; во-вторых, оно всегда неизмеримо слабее, так как исходит от одного лица, не связанного с группой ни единством общественного положения, ни привычками, ни воззрениями, ни даже (часто) пониманием интересов.

Источник: Исаев А. А. Артели в России; Ярославль: Тип. Губ. правл., 1881.

6. Доартельные объединения

Точные указания на артели не восходят далее XIV столетия. Но было бы ошибочно предполагать, что артельная форма, союзы людей одинакового общественного положения, сходных по телесной силе и крепости, по преследуемым целям, по равенству прав каждого из участников, были неизвестны предыдущим векам. Обширность страны, ее пустынность, несовершенство технических приемов, невозможность успехов в единоличной работе побуждали наших предков к образованию союзов, способных облегчить каждого члена в достижении его жизненных целей. Слабое развитие хозяйственной деятельности, трудность удовлетворить потребности в состоянии оседлом вызывали то непрерывное движение, которое является отличительной чертой первых веков в истории нашего государства и которое не вполне закончилось и до сего дня. Это движение, расселявшее славяно-русских все дальше и дальше на юг, север и восток обширной страны, имело характер то мирной земледельческой колонизации, то военных набегов. Группы, оставлявшие родные уголки в надежде на обильную добычу, наталкивались в своем движении на финские племена и оттесняли их.

Немногочисленность этих подвижных групп, труды и тягости походной жизни, преграды, поставленные на пути широкими реками, дремучими лесами и топкими болотами, опасности среди туземного враждебного населения побуждали участников к теснейшему сплочению. Все долж-

ны были в равной степени нести на себе тягости походной жизни, все — перешпывать потоки, прокладывать тропу по неведомым лесам, все — терпеть и голод, и жажду, и стужу, и зной. Успешно могло быть движение этих групп только при условии, что все члены проникнуты сознанием важности общего дела, что всякий готов бодро переносить лишения, что беда, обрушившаяся на одного, встретит дружный отпор всех. А такое условие могло быть выполнено только в том случае, если бы все участники смотрели друг на друга как на равных, товарищей, братьев. И это начало равенства, проявляясь в одинаковых тягостях, лежавших на членах, полагается в основание и при распределении выгод, извлеченных из предприятия. Раздели члены захваченную добычу не поровну — и мир сменился бы враждой, группа распалась бы и погибла в неуспешной борьбе с природой или с враждебными туземцами. Но равенство в правах отнюдь не исключало в среде членов группы сознания, что каждый труд должен быть вознагражден соразмерно с его количеством и качеством. Если права членов и были равны, то это объясняется возможностью для каждого выполнять те обязанности, которые лежали на всех товарищах, подбором в каждую группу людей, приблизительно одинаковых и по крепости тела, и по бодрости духа. Но, помимо равенства членов, для успешного достижения цели было необходимо и другое условие: был необходим определенный план действий, которому бы следовала вся группа. При равноправности как основании общения все члены должны были принимать участие в выработке плана. Но, даже и в малочисленной группе, не все могут с одинаковой уверенностью развить все подробности предприятия: различие в возрасте, степени опытности, бывалости делает некоторых более способными руководителями. Раз эти качества признаются за лицом всеми участниками — оно получает в их глазах авторитет руководителя. Совет руководителя особенно ценен при создании плана действий, при указании, куда и как идти. Но этим не ограничивается значение авторитета; когда создан план действий, нужно блюсти за его исполнением, нужно установить известную дисциплину. И выбор брода для перехода реки и тропы в неведомой местности, и руко-

водство в набеге, и установление начал в сношениях с новым встреченным племенем — все это требует направляющей руки. Естественно, что вся группа переносит эти обязанности на члена, признанного наиболее опытным и искусным. Наконец, при всем единодушии между участниками неизбежны от времени до времени нарушения общего порядка со стороны того или другого. Нарушение членом общего порядка вызывает противодействие всех и выражается в приговоре нарушителя к известной каре. Вождь знает по опыту лучше других, какая карательная мера наиболее действительна, какая может скорее послужить для наказанного хорошим уроком и впредь удержать и его, и других от нарушения общего права. Поэтому группа часто возлагает на вождя обязанность определять меру взыскания или же, удерживая за собой это право, делает вождя исполнителем своих приговоров. Таким образом, во главе группы стоит лицо, облеченное исполнительной, а нередко и судебной властью, атаман, ватажок. Существование атамана не остается без влияния и на хозяйственную сторону жизни группы. Все члены имеют равные обязанности, а потому пользуются и равными правами; но равенство, обусловливаемое подбором лиц, более или менее сходных, не подавляет в участниках сознания о необходимости вознаграждать каждого соразмерно с его трудом. Это сознание проявляется прежде всего в тех правах, которые при разделе добычи группа отводит атаману. Он несет наравне с другими тягости похода, он работает мышцами столько же, как и остальные члены; но, сверх того, на нем лежат обязанности, не известные его товарищам: поставленная цель руководит каждым его шагом; он согласует действия каждого с общим планом, предупреждает правонарушения, заботится о всех, — словом, на его долю выпадает духовная работа, которую только в небольшой степени исполняют его товарищи. В результате — он трудится больше других. И вот, следуя побуждениям чувства справедливости, группа уделяет иногда атаману из общей добычи большую долю, чем рядовым членам дружины. Но вместе с тем дружина была всегда настороже. Атаман был поставлен ею во главе в силу общепризнанных его качеств. Избрав его, дружина сохраняла право и сменить своего вождя, а в случае его недобросо-

вестности даже подвергнуть его каре. Вызванная к жизни определенной целью, группа расходилась, как скоро поставленная цель была достигнута.

Если я на первых же страницах главы, отведенной истории артелей, говорю об образовании этих союзов для набегов, то едва ли впадаю в противоречие с определением, данным мною союзам этой формы. Артель всегда преследует, главным образом, хозяйственную цель. Но и эти воинственные группы видели в набеге только средство, которое, доставляя добычу нападающему, способно обогатить его. Многочисленность во всех грубых обществах удальцов, не расположенных к мирному усидчивому труду, вызывает частое образование таких групп, для которых война служит работой, взятие добычи — производством новых ценностей. Постоянное общение между членами таких групп устанавливало тесную связь между всеми хозяйственными интересами участников: производство — захват добычи — было общим делом; совместным необходимо должно было быть и потребление.

Таков, вероятно, был характер тех подвижных групп, которые под именем «повольников», «ушкуйников», стремясь за добычей, заходили далеко на Север и Восток и содействовали колонизации России, расселению славянского племени. Но эти воинственные группы были известны не только временам давно прошедшим: в казачьей вольнице образовывались военные группы для набегов до самого конца XVIII столетия. И эти группы были носительницами чистого артельного начала, были построены на равноправности членов, на строгой дисциплине, повиновении избранному вождям. По тем сведениям, которые сохранились о Казанской станице Донского Войска, граждане в старину образовывали суммы, общежительные братства; в состав их входило человек десять и более; все население станицы был разбито на такие суммы. Члены сум владели только деньгами на праве частной собственности; все остальное было общим достоянием. Суммы занимались набегами, охотой, рыбной ловлей. Набегами занималось сообща все население станицы; но суммы и в этом случае не утрачивали значения самостоятельных групп. По окончании набега добыча вблизи станицы делилась между

участниками поровну, и каждый вносил свою долю в имущество сумы. Так как члены этих небольших групп были связаны самыми тесными узами, то элемент принуждения не мог иметь место при образовании сум: всякий вступал в товарищество так же свободно, как и выходил из него. Вступая в новую суму, казак брал свою часть из имущества прежнего товарищества и вносил в новое. Сума, будучи артелью для набегов, вела и промышленные занятия. Что было лишним в ее имуществе, то она продавала от своего имени купцам, наезжавшим из средней России. Начало равного распределения, применявшееся к добыче, было положено в основание и при разделе царского жалования. Сума, соединявшаяся во всех важных случаях с другими такими же группами казаков, не имела надобности в особом вожде; но все сумы вместе имели во главе атамана, избиравшегося населением станицы на один год. Все были обязаны беспрекословно повиноваться атаману и другим представителям исполнительной власти. Порядок этот существовал до конца XVIII века. Такую же организацию артелей мы находим и у запорожских казаков. Сиром, люди холостые, пропив все, добытое охотой и рыбной ловлей, соединялись в артели для набегов и начинали красть, грабить, убивать. Во главе артелей стояли «ватажки». По возвращении из набегов они делили добычу между казаками и ватажком.

По мере того как население России оседало, как все большая площадь обширной равнины делалась достоянием славянского племени, оставалось все меньше и меньше простора для набегов, для обогащения удальцов посредством захвата добычи; мирная хозяйственная деятельность все более вступала в свои права. Простота потребностей и неразвитость техники заставляли население еще долго ограничиваться теми отраслями труда, в которых силы природы особенно наглядно помогают человеку в его работе; земледелие, рыболовство, охота еще долго оставались почти исключительными занятиями. В этих отраслях деятельности, и особенно на суровом, угрюмом севере, человек мог работать успешно только в союзе с себе подобными. И этот союз, по взаимным отношениям членов, был продолжением той формы тесного товарищеского общения, которую принимали наши предки

во время набегов. Средства, которыми общение достигало своих целей, изменились; меч уступил место топору, заступу, сохе, а форма осталась та же, сохранила все отличительные черты ватаг и сум. Пустынность страны, бесхозность земли необходимо делали захват основанием права собственности. Кто ступил первый на данный участок земли, кто вырубил лес, выкорчевал пни, тот был собственником до тех пор, пока оставался на облюбованном месте. Но этот захват предполагал совместную работу нескольких лиц. Мог ли один человек, при помощи только членов своей семьи (предполагая, что среди них взрослых не было), вырубить участок, сволочить лес к определенному месту, засеять поле и собрать жатву? Мог ли один человек удовлетворить и текущие потребности, и думать о самообеспечении в будущем? Очевидно, такая работа была одному не по силам. И вот, движимый необходимостью, земледелец вступает в союз, в артель и возделывает новый участок совместно с товарищами. Источники не сохранили указаний на существование подобных артелей, но древность артельной формы труда в применении к земледелию не может возбуждать сомнения, потому что она является теперь господствующей при расчистке новин в наших северных губерниях. Необходимость этой формы в силу условий внешней природы, в силу особенностей подсечного хозяйства до такой степени понятна поселянину нашего севера, эта форма пустила так глубоко корни в жизнь крестьянина Вологодской, Архангельской, Олонецкой губерний, что артель образуется молча не только без облечения договора в письменную форму, но даже и без соглашения на словах относительно основных начал совместного труда. С незапамятного времени всемогущий обычай освятил известные отношения между членами артели, — и все беспрекословно повинуются этому обычаю. Земледельческие артели, известные под именем «общих» (обчих), распространены в Вологодской губернии повсеместно. Образование общих отличается крайней простотой. Наметил крестьянин участок леса, пригодный для расчистки новины, и вот он приглашает нескольких соседей помочь ему. Заботясь о возможности большей производительности труда, он подбирает себе в товарищи исключительно мужчин в возрасте полной

А.И. Герцен. По своему обычаю

рабочей силы. Члены артели принимаются за работу сообща: они вместе корчуют лес, выжигают пни, сеют, молотят, свозят хлеб в житницу и поровну делят собранную жатву. Цель достигнута: работа, которая могла быть исполнена только артелью, окончена, и товарищи расходятся, решая по взаимному соглашению, кто будет в следующие годы пользоваться расчищенной новью.

Источник: Исаев, А. А. Артели в России; Ярославль: Тип. Губ. правл., 1881.

7. Вольное казачество

В русских источниках «казаки» начинают упоминаться с конца XIV–XV веков, обозначая на севере Руси вольнонаемных работников, а применительно к территориям бывшей Золотой Орды — изгнанников, бездомных бродяг, немущих скитальцев, а затем и вольных удалцов, искателей приключений, промысляющих разбоем и военным делом. Последнее значение слова «казаки» стало на Руси главным, основным.

Практически с момента первых упоминаний в русских источниках казаки делятся на две неравные группы — служилых и вольных. Вольные казаки, исходя из логики развития самого института казачества, разумеется, были первичны и составляли в нем подавляющее большинство, но в ранних документах оставили наименьший след, поскольку были неподконтрольны (а часто и неизвестны) правительственной администрации — долгое время едва ли не единственному источнику наших сведений о казачестве. Грань между вольным и служилым казачеством часто была весьма зыбкой, ибо на постоянную службу к правителям Руси и сопредельных стран казаки (во всяком случае, первоначально) нанимались, будучи «вольными», а переход их в прежнее состояние был долгое время делом обычным, хотя, может быть, и не всегда законным с точки зрения властей. Но современники прекрасно чувствовали грань, отделяющую казаков вольных от служилых.

Французский наемник на русской службе капитан Жак Маржерет, издавший в 1607 году в Париже свое знаменитое сочинение «Состояние Российской империи», разделял казаков на служилых (городовых) и «настоящих» — вольных. По его словам, «настоящие казаки... держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие.; они не получают большого содержания от Императора (русского царя. — Авт.), разве только, как говорят, свободу вести себя как можно более вызывающе». Городовые казаки составляли в Русском государстве XVI–XVII веков особую и довольно многочисленную социальную группу, размещавшуюся главным образом в пограничных «украинных» гарнизонах и подчиненную, подобно стрельцам, пушкарям и другим категориям служилых людей «по прибору», нормам московской юрисдикции, в то время как казаки вольные жили независимыми самоуправляющимися общинами.

О том, как русские попадали в казаки, есть прямые указания источников, начиная с XVI века. В 1502 году в письме великого князя Ивана Васильевича (Третьего) рязанской княгине Аграфене о ее подданных, рязанцах, в частности говорилось: «А ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество («молодец» — это бытовавший по крайней мере до середины XVII века русский синоним слова «казак». — Авт.), и ты бы... велела казнить, вдовым да женским делом не отпираясь». К началу XVI века относится и грамота великого князя Василия Ивановича крымскому хану, в которой шла речь о казаках, «которые на Дону живут, давно бегая из нашего государства». В 1584 году, русский посол, следовавший в Турцию, отмечал: «На Дону и близко Азова живут казаки, все беглые люди; иные казаки тут и постарились, живучи». В учетных документах («десятиях») XVI — начала XVII века, касающихся служилых людей южнорусских городов, против фамилий многих детей боярских встречаются стандартные записи типа: «сбрел в степь», «сшел в казаки», «на Поле казакует». Ну, а применительно к более позднему периоду сообщениями о самовольном и порой массовом уходе русских людей в казаки источники просто переполнены, и эти данные давно введены в научный оборот.

Наиболее красноречивые из них — свидетельства современников, например, бывшего подьячего Посольского приказа (ведавшего сношениями и с вольным казачеством) Григория Котошихина, который писал в 1666 году, что донские казаки «породою москвичи и иных городов... и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в разбойных и татинных и в иных делах, и покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон...». Еще более выразительно обрисовали свою родословную сами донские казаки. В их знаменитой «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 год) есть такие слова: «Отбегаем мы ис того государства Московского, из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых, да зде прибегли и вселились в пустыни непроходней...». И по словам Богдана Хмельницкого, в казаки уходили те люди, которые не могли у себя на родине вытерпеть «холопства». Яицкие казаки рассказывали в 1721 году, что их предки, «первыя яицкия казаки», «пришли и заселились здесь на Яике реке... собравшись русские с Дону и из иных городов, а татары из Крыму и с Кубани». По записанному в XVIII веке рассказу казаков Терека, они тоже «начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов».

Что же касается численного преобладания среди казаков русских людей, то причины этого еще четверть века назад доходчиво объяснил Р. Г. Скрынников: «Земледельческое население Руси было куда более многочисленным, чем кочевое в “диком поле”. Дало себя знать также и быстрое развитие феодальных отношений и самодержавных форм власти в России, сопровождавшееся усилением гнета и насилия в отношении низов».

Как московские, так и польские власти уже в XVI веке неоднократно пытались остановить отток своих подданных на Дон, Волгу и Днепр, угрожая беглецам карами вплоть до смертной казни. И хотя временами такие угрозы удавалось реально осуществить, прочного успеха они не имели вплоть до XVIII века.

На первых порах казаками чаще всего становились люди, хорошо владевшие оружием — «боевые» холопы (слу-

ги, сопровождавшие своих господ в военных походах), мелкие служилые (стрельцы, пушкары и т.п.), а уже затем посадские люди и крестьяне, да и то главным образом из порубежья, где и мирные жители обычно неплохо знали военное дело. Это были, как правило, люди молодые, «рисковые», смелые и решительные («пассионарные», по терминологии Л.Н. Гумилева и его последователей). В «Поле» их влекла не только «вольная», хоть и полная опасностей жизнь, но и общественное устройство казачества, отличавшееся социальным равенством, устойчивыми традициями коллективизма, взаимопомощи и народоправства и имевшее явные аналогии с социальными институтами доклассового общества в период так называемой военной демократии.

«Воинский промысел» понимался казаками очень широко: к нему относили и военное наемничество, и набеги для отгона скота у соседей-кочевников, и походы на турецкие и персидские владения за «зипунами» и «ясырем». В том же ряду находился грабеж послов и купеческих судов, случавшийся особенно часто на Волге. Откровенно «разбойные» действия вольного казачества тем очевиднее, чем дальше в глубь веков приходится заглядывать, отсюда вполне логичный вывод некоторых исследователей о том, что на заре своей истории казацки (или, если угодно, протоказацки) ватаги практически ничем не отличались от просто разбойничьих.

Но и применительно к более позднему времени в литературе нередко можно встретить характеристику казаков как «разбойников». Такие воззрения были типичны прежде всего для ряда представителей отечественной (дворянской) историографии первой половины XIX века, считавших казаков «скопищем бродяг, живущих разбоями и грабежами». В конце XIX — начале XX века характеристики усложняются. Например, у С.Ф. Платонова о вольном казачестве XVI–XVII веков сложилось такое впечатление: «Масса казаческая в хаотическом брожении легко переходила от разбоя к службе государству, от борьбы с басурманами к насилию над своим же братом казак». В некоторых новейших исследованиях из общей

массы вольных казаков выделяются наиболее «криминальные» группы (например, «верховые» казаки на Дону), отмечаются случаи пополнения рядов казачества чисто разбойничьими отрядами и подчеркивается, что «казаки и разбойники были подчас для современников неразличимы», ибо «легко переходили из одного качества в другое (неудивительно, что разбойничьи шайки были устроены по образцу казачьих общин), а часто совмещали военную службу и “воровской” промысел».

Соглашаясь в принципе с подобными характеристиками, хотелось бы, однако, предостеречь от уподобления вольного казачества XVI–XVII веков банальной уголовщине позднейших времен. Вопрос этот гораздо сложнее. С образом примитивного разбойника-грабителя не вяжутся многие реальные стороны жизни вольного казачества. Так, донские казаки во время походов за «зипунами» к крымским и турецким берегам часто освобождали из неволи «полоняников», кормили их своим «припасом» и даже снабжали всем необходимым в дорогу, если те не хотели оставаться на Дону, причем такая помощь оказывалась не только русским, но и всем христианам вообще. (Лишь с женским «полоном», кажется, поступали иначе: есть сведения, что его «раздавали замуж по городкам»). Примечателен также отказ казаков во время Азовского «осадного сидения» брать у турок деньги за «побитый труп»: убирать с поля боя тела павших врагов казаки разрешали бесплатно. А переписка с московским правительством по поводу взятого казаками Азова показывает, что им совсем не чужды были понятия о воинской чести и славе, с менталитетом уголовников не совместимые.

Служить «великому государю» казаки соглашались лишь на определенных условиях. Даже будучи включенными в состав действующей армии, вольные казаки находились вне московской юрисдикции и, по словам уже упоминавшегося Г. Котошихина, судились «во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу». Дорожа своей волей, донские казаки до последней трети XVII века под всякими (в том числе и явно надуманными) предлогами отказывались присягать русскому царю, твердо отстаивали принцип

«с Дона выдачи нет», вполне обоснованно оправдывая его невозможностью продержаться без постоянного притока новых людей со стороны, и твердо придерживались представления о добровольном (т.е. необязательном) характере своей службы кому бы то ни было.

По мнению некоторых историков, «казачество было ударной силой в движениях самозванцев». Правда, войсковые объединения Дона, Днепра, Терека и Яика открыто поддерживали лишь Лжедмитрия I, а по отношению к Болотникову и Лжедмитрию II провозгласили нейтралитет. Однако многочисленные казачьи низы действовали самовольно и, обходя решение войскового круга о невмешательстве, навывдигали из своей среды самозванцев («царевичей» Петра, Ивана-Августа, Лавра, Осиновика) и, прикрываясь ими как символами своего движения, включились в борьбу против московских правителей.

К тому же в условиях паралича государственной власти не только «Поле», но и центральные районы страны стали превращаться в зону формирования вольного казачества. («Во всех городех паки казаков из холопей и крестьян размножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов» — так обозначена суть происходившего В.Н. Татищевым). Новоиспеченные казаки в большинстве своем, конечно же, сильно уступали по боевым качествам тем, кто выковывал ратное мастерство в боях с татарами и турками, но тем не менее тоже причиняли московским властям немало хлопот, быстро усваивая порядки и нравы вольного казачества.

Разинщина — очередной, причем принципиально важный рубеж в истории взаимоотношений Российского государства и вольного казачества. Примечательно, что толчком к восстанию послужило поправление царскими воеводами казачьего права свободно «отъезжать» со службы. Старший брат Степана Разина был казнен за попытку увести свой отряд с театра военных действий, и стремлением отомстить «боярам» за смерть брата объяснял позднее свое поведение сам Степан Разин. Глубинные причины восстания были, конечно, иными; здесь вряд ли уместно их анализировать. Отметим лишь, что одна из этих причин — сильное социаль-

ное расслоение на Дону, быстрый рост беднейшего, «голутовенного» казачества в результате притока беглецов «с Руси», где к тому времени резко усилился феодальный гнет. Казачья голытьба и составила основную часть «войска» Разина, отправившегося «за зипунами» на Каспий, а после триумфального возвращения и отдыха на Дону двинувшегося в 1670 году по Волге на «изменников» — бояр и «мирских кровопивцев».

Это восстание представляло вполне реальную угрозу российской государственности на юго-востоке страны, особенно если учесть настойчивые попытки Разина привлечь на свою сторону крымского хана, азовского пашу и ногайцев. Заслуживает внимания и другая особенность разинского движения: его очень быстрый переход из чисто казачьего в народное. К Разину примкнуло много всякой «черни», людей «кабальных и опальных», бурлаков, «гулящих», «рабочных», посадских людей, мелких (приборных) служилых, а после выхода к Симбирску — и крестьян. Но в официальных документах повстанцы назывались «казаками», и на захваченных разинцами землях повсюду вводилось казачье самоуправление. Заметим, что оно и в «коренной» России приживалось легко, ибо было очень близко к привычному социальным низам «мирскому» (общинному) самоуправлению, сохранявшему в стране на протяжении XVII века еще сильные позиции. В то время на окраинах государства были нередки ситуации, когда «мир» смещал ненавистных воевод и «приказных», брал на себя управление городом и уездом, а жители, подобно казакам, сходились для решения своих дел на «круги».

На Дону после разгрома разинского восстания уже не наблюдалось прежнего расцвета вольностей и «народной демократии». Власть все больше сосредотачивалась в руках казацкой старшины, которая, в свою очередь, попадала под все усиливавшийся контроль Москвы. В 1671 году Войско Донское вынуждено было, наконец, официально принести присягу на верность «великому государю».

Время, когда, по словам донцов, «все земли нашему казачьему житью завидовали», уходило в прошлое, однако бегство «в казаки» из южных и центральных районов

России в конце XVII — начале XVIII века в силу известных причин (закрепощение крестьян, церковный раскол, петровские реформы и т.д.) лишь усиливалось. В казачьи области в массовом порядке побежали крестьяне — группами по 100, 200, 300, 500 и более человек, причем с женами и детьми, поднимаясь целыми деревнями и селами. Вследствие этого многие из соседних с Войском Донским уездов «запустились», а население «верховых» казачьих «городков» увеличилось в 10–20 раз.

С началом войны за Балтику и в ходе петровских преобразований, требовавших все больше солдат, рабочих людей и налогоплательщиков, массовая утечка «живой силы» стала для российского правительства уже совершенно неприемлемой. Вопрос о ликвидации старинного казачьего права не выдавать беглых и о еще большем сужении казачьей автономии был предreshен, тем более что после укрепления к этому времени позиций России на Юге возможностей проводить по отношению к казакам более жесткую политику у правительства прибавилось. В 1707 году последовал царский указ о выдворении с Дона и возвращении на прежние места жительства всех, кто поселился у казаков после 1695 года. Экспедиция на Дон Ю. Долгорукого с целью розыска беглых и последовавшее затем подавление Булавинского восстания осуществлялись с непомерной (пусть и преувеличенной в некоторых работах) жестокостью, привело к огромным, совершенно неоправданным с любой точки зрения жертвам.

В течение XVIII столетия донское, яицкое, терско-гребенское и запорожское казачество было практически полностью подчинено государственной власти. Процесс этот проходил нелегко, но в итоге бывшие вольные казаки стали одним из привилегированных сословий Российской империи. В составе русской армии они вписали наиболее яркие страницы в летопись своей воинской славы, а к концу XIX века стали к тому же верной опорой самодержавия.

Источник: Никитин, Н.И. «Взаимоотношения с вольным казачеством и вхождение казачьих областей в состав России» из

А.И. Герцен. По своему обычаю

сборника «Российская Империя от истоков до начала XIX века.
Очерки социально-политической и экономической истории» ; М.:
Русская панорама, 2011.

8. Разбойничество

Известия о разбоях на Руси идут из самой глубокой древности: еще святому Владимиру советовали епископы казнить умножившихся разбойников, как полагают, закоренелых и непослушных язычников. Много рассеяно сведений о разбоях в жизнеописаниях русских подвижников, например Феодосия Печерского, Кирилла Белозерского, Павла Комельского, Михаила Саллоса. Против разбоев и грабежей вооружались нередко пастыри церкви в своих поучениях. Причиной этих явлений с одной стороны служили дух средневековой отваги и неудержимая удаль: таковы разбойничьи похождения новгородских удальцов на Балтийском поморье; такого же характера выходы русских князей, которые нередко ездили на Черное море грабить купеческие суда или нападали на торговые города. С другой стороны, черных людей заставляли грабить и разбивать ближнего бедственное положение, необходимость добывания пищи и одежды, после войн и разорения от пожаров, во время голода и других несчастий. Как видно, и в старину отличались воровством и разбоями также холопы: один из древних проповедников убеждает бояр держать челядь свою в довольстве и говорит: «Аще ли не кормите, ни обувает, а холопа твоего или робу убьют у татбы, то за кровь его тебе отвещати».

Но в старину разбой не похож был на смелые похождения, какими отличались народные движения в бо-

лее позднее время. Тогда разбой проявлялся или в виде мелкого воровства и грабежа, или не имели характера противогосударственного. При раздробленности древней Руси, разбойничьи набеги на другие области и особенно на басурманские прикрывались законным и похвальным геройством, унижением врагов своей области. В то время и само ведение войн не отличалось от разбойничьих походов: неприятель опустошал поля в чужой области, жег города и села, тащил все ценное и забирал в плен жителей. Даже такой человеколюбивый князь как Владимир Мономах, и тот сознается о взятии Минска: «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины». Что же касается новгородских опустошений и грабежей, то они, с точки зрения старины, являлись делом необходимым, подвигом высокой отваги, направленным против врагов самобытной родины.

Разбой стали усиливаться в Московском государстве после татарского нашествия, и в XIV столетии приняли довольно широкие размеры. Становится заметным, что вольные люди тяготеют к украинам Руси, имеют притоны в лесах около Оки и Воронежа и разгуливают по Волге, хотя мелькают и внутри областей. При самостоятельном развитии областной жизни, свободе переселения и перехода, в народе держался смелый дух предприимчивости, искания приключений и выгоды. Такая независимая жизнь породила сбойчатых людей в Новгороде, которые собирались толпами и отбивали земли у инородцев, а иногда и у других областей русских. Эта вольница вечевой жизни вспоила и вскормила особый тип разбойников, известных под именем ушкуйников, которые не хотели знать прав общественного союза областей и отправлялись целыми шайками для грабежа в разные стороны. Сперва ушкуйники имели целью поживиться насчет поганых немцев, разъезжавших по Балтийскому морю, или торговцев-нехристей по Волге; но потом, когда Московский князь начал стеснять вольных новгородцев, защищать торговые интересы Москвы и даже басурман, то охочие люди бросились на русские города, стали грабить московских купцов и сторонников великого князя. В XIV веке

ушкуйники воевали Устюжну и Белозерскую волость, опустошали Пермь и проникали до реки Оби и до Ледовитого океана, не раз брали приступом Кострому, Нижний Новгород и Ярославль, доставалось от них Вятке и Арской земле; они грабили города болгарские, подступали к Сараю, прогуливаясь по Каме и Волге вплоть до Астрахани. Ушкуйники составляли большие шайки вроде военных отрядов, и выбирали иногда предводителей из лиц влиятельных и бояр. Они держались правила, что басурман следует убивать, а христиан только грабить, но иногда со своими собратьями поступали хуже, чем с иноверцами. При взятии русских городов, они забирали все ценное, а остальное истребляли, жгли церкви и мучили жителей, а какие поздоровее, тех уводили в плен и продавали Булгарам. Самый страшный набег ушкуйников на Кострому был в 1375 году.

Ушкуйников нельзя отмечать в собственном смысле клеймом разбойников. Их ремеслом было продолжение областной борьбы со всей ее грубой бесправной удалью; их набеги служат образцом военных действий против ненавистных областей. Однако московское правительство, которое стало распространять свое сильное влияние на другие области, усвоило другое воззрение на подобные шалости. Оно и нападение на татар стало считать за разбойничьи выходы, как видно из истории с Шевкалом и князем Александром Тверским, потому что само от татар заимствовало свою внешнюю силу. Точно также оно не могло равнодушно смотреть и на разгромы приволжских областей новгородскими ушкуйниками и на их грабежи восточных купцов, торговавших с Москвой, хотя сам Новгород рассуждал об этом явлении весьма снисходительно, смотрели сквозь пальцы на погромы от своей молодежи.

Новгородские ушкуйники служат как бы переходной дружиной народной от древних оборонителей земли русской и врагов иноземщины к составлению шаек воровских людей и казаков.

Казачество становится известным в Рязанской уkraine с 1444 года, но выходит наружу, когда московская сила налегла всей тяжестью на областную жизнь при Иоаннах III и IV.

Одни бежали на украины в притоны казацкие, стараясь добиться старой вольности, другие от преследования правосудия, третьи возмущены были деспотизмом московским и кромешниками Грозного. Таким образом, составлялись братские союзы из беспокойных людей, всю жизнь которых можно назвать разбоем и грабежом. Вольная разгульная жизнь, исполненная опасностей и приключений, привлекала многих охотников до свободы в казацкие круги, где предание и обычай связывали всех в одну семью и скрепляли строже всякого письменного закона.

Эти беспокойные головы по Днепру и Дону служили заставой России от набегов турок и крымских татар, впрочем, не щадили русских владений и людей. В 1578 году Крымский хан добивался в Москве, чтобы русские свели или согнали с Днепра и Дона казаков; а ему отвечали, что царь не считает этих беглецов своими подданными и приказал их предавать казням, если они появятся в пределах русских. В самом деле, сначала Москва считала казаков совершенными разбойниками и враждебными России, хотя такой взгляд был односторонен. На Волге донские казаки стали заниматься грабежом и разбоями вскоре после завоевания Астрахани, когда положено было основанию русскому господству до Кавказа. Атаманы казацкие, как и ушкуйники, грабили басурман и русских и не щадили даже царских посланников. Царь распорядился выслать войско, велел ловить воровских казаков и вешать. Так в 1577 году отправился с сильным отрядом ратных людей стольник Иван Мурашкин для искоренения разбойников на Волге: ему удалось одних казнить, других забрать в плен; но многие разбежались в разные стороны и опять скоро рассыпались по большим дорогам и перевозам. Около 1580 года ногайский князь Уруз жаловался, что казаки разбойничают в стране ногаев и даже взяли их столичный город Сарайчик, разграбили и сожгли: «не токмо что людей живых секли, и мертвых из земли вынимали и гробы их разоряли». Атаманами этих грабителей были Митя Бритоус, Иванка Юрьев, которых казнили в Москве при ногайском посланце; а атаманы Иван Кольцов и Барбош ускользнули от поимки и заочно приговорены были к смерти. Но самым главным предводи-

телем волжских казаков был Ермак Тимофеевич.

Преследуемые царскими воеводами, воровские казаки бежали вверх по Волге и по Каме до устья реки Чусовой, где находились вотчины Строгановых, которые убедили Ермака с товарищами оберегать их владения и воевать сибирских инородцев. Случилось так, что когда казаки, поддержанные Строгановыми, отправились походом в Сибирь, пельымский князь опустошил берега Камы около Чердыни, побил и забрал в плен многих христиан. Грозный царь разгневался на Строгановых, зачем они призывали известных злодеев, опальных казаков, которые за раздражение сибирских князьков достойны казни. Ермаку с войском велено тотчас вернуться в Пермь и загладить вины свои окончательным усмирением остяков и вогуличей; в случае неповиновения строгий указ грозил положить большую опалу на именитых людей, а казаков изменников — перевешать. Но угрозы уже опоздали: известно, как эти изменники покорили часть Сибирского царства и положили основание новому могуществу России. Они писали к царю Грозному, что бедные опальные казаки своей кровью желают смыть старые грехи разбойные — и приносят в дар единоверной России новую завоеванную ими землю, доколе мир стоит. Они просили царские силы, чтобы сдать воеводам покоренную страну, а сами ходатайствовали о милости и прощении. Сподвижник Ермака, Иван Кольцо, обреченный прежде на смерть за волжские разбои, отправился в Москву с грамотой и с повинной царю, который обрадован был заслугой смельчаков, послал им дары, а атаману Ермаку в особицу — две брони и шубу со своего плеча, и обещал вечное забвение прежних разбоев казацких на Волге. Эти доблестные борцы — атаманы казацкие почти все пали за величие и славу русского народа, за возвышенную его энергию и силу: Ермак Тимофеевич погиб в волнах Иртыша, бросившись в тяжелом панцире в лодку при ночном нападении инородцев; участь его товарищей была не лучше: атаманы Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан с дружиной перебиты; только атаман Матвей Мещеряк пошел было в Россию, по смерти своих товарищей, с ничтожной горстью оставшихся в живых казаков, но вернулся на-

зад и убит был в 1587 году.

Казачество долгое время для Руси служило неистощимым запасом разбойников, принимая в свою среду всякого пропившегося гуляку, вора, холопа и каждого недовольного московскими порядками. Оно старалось отстоять обычные старинные вольности, хотело поспорить с Москвой в правах на силу и господство Руси — старинной или созданной с помощью татар; но против чего шло казачество, то и служило его подтачивающим червем под самый корень. Оно делало попытки сложиться в одно самостоятельное целое; но ему не хватало средоточия силы и вполне осмысленного начала борьбы и жизни, от чего и не могло быть внутри его крепкой организации. При Годунове казачество сильно возросло и привлекало в свою среду массы холопов из России; нося в себе силу противодействия Московской власти, оно ниспровергло трон Бориса. Дерзость смельчаков дошла до таких размеров, что они под предводительством атамана Хлопка или Косолапа грабили под самой Москвой, не боясь сыскных дружин и разбивая их. Выслано было войско и главный московский воевода, окольный И.Ф. Басманов, пал в упорной битве с Хлопком, который взят был в плен весь израненный.

Самозванцы, эти демократические государи, были большей частью или созданием казаков, или держались их силой; видимо, вольные люди хотели посадить на трон в России казака-царя, или атамана разбойников, как Тушинского вора, или атамана Заруцкого. В эти тяжелые годы для народа, воровские казаки рассыпались по всей России, производили убийства и грабежи, так что разоренные ими жители поневоле должны были увеличивать собою шайки разбойников. Только и слышно было во время междуцарствия, что мужики заворовали или пристали к казакам и приходят всяким разбойным обычаем, людей побивают и животы грабят. Стремления низших классов народа против боярских замыслов поддерживало по местам и духовенство.

Когда русский народ избрал на царство Михаила Федоровича, казаки все еще не хотели признать его царем и держали сторону Заруцкого и Марины, надеясь принять участие в устройстве Русского государства на других основах.

Царь молодой ехал в Москву, а на дороге его осаждали просьбами ограбленные, перебитые и жженные люди всякого рода казаками. Они затворили всем гонцам дороги и не пускали к Москве служилых и торговых людей; от убийств, грабежей и разных мучений люди не смели ехать в столицу и обратно. Казаки и беглые рассыпались по всей России, особенно грабили и разбивали по Волге. Воевода самарский отписывал: «Из Астрахани многие люди выбегают на Волгу к казакам, чтобы многих людей казнить и имение их грабить; атаманы волжские Соловцев, Третьяк, Ус, Бирюк да Иван Донецкой хотят идти к Самаре крест целовать царю, а молодые не хотят и говорят: нам бы где зипунов добыть».

Больших трудов стоило царским войскам усмирить взволновавшихся воровских казаков и разбойников. Неутомимый воевода Борис Лыков постоянно преследовал и истреблял шайки воров; на реке Калуж разбит и повешен знаменитый атаман Баловня; на Волге грозой были казаки для торговых судов, когда предводительствовал ими Калбак. Наконец, дело Заруцкого было проиграно и взят его последний притон — Астрахань.

Казаки и разбойники, и после усмирения Астрахани, продолжали свои воровские похождения; так в 1618 году в пределах Вологодского края жители разбежались по лесам от движения народной шайки в 400 человек; закройщиками были Митька Кубасов, Степка Круглов, Иванка Гурьев.

Грозная расправа с казаками царских войск охладила горячие мечты в вольных головах — устроить самостоятельное казачье государство, и в 1634 году казаки приняли присягу на подданство России. Этим обстоятельством не пресеклись грабежи и разбои, потому что половина гулящих казаков не хотела повиноваться московским властям.

Усиление разбоев в XVII столетии вытекало из недостатков общественной и экономической жизни русского народа. Против незавидной доли бушевали смелые люди, хотели побороть ее, во имя свободных прав. Казаки, рассеявшись по всем областям России, действовали зажигательно этим именем свободы, так что после междоусобицы бежала в их ряды от рабства едва ли не третья часть крепостных. В малолетство царя Алексея Михайловича, бояре забрали гро-

мадную силу и стали грубо притеснять народ. Им удалось, со времени Уложения 1649 года, окончательно закрепить народ за помещиками и выдвинуть свою силу. Это закрепощение служило одной из существенных причин увеличения беглых с половины XVII столетия; а вслед затем встречаются целые ряды челобитных от помещиков, которые жалуются, что их сильно разоряют разбойники, бывшие их крепостные люди. «Оброни, государь, пишется в этих просьбах, воры ездят многолюдством с огненным оружием, многие села разоряют и жгут, помещиков мучат и до смерти побивают». Но помимо крепостного права, много было причин к побегу во внутреннем неустойстве государственном, в злоупотреблениях служилых и приказных людей, в тяжелых поборах и т.п. Сыщики старались рассадить по тюремным местам схваченных беглецов, но усилия их не достигали цели: после наказания кнутом за побег, они естественно снова уходили и приставали к разбойникам. Тяжелые работы вынуждали иногда и небеглых крестьян менять честный труд на воровские действия; так в 1654 году казаки разорили Нижнее-Яицкий учуг гостя Гурьева, — и рабочие охотники примкнули к ним. Казачество умножалось беглыми, становилось сильнее, а вместе с тем увеличивались и разбои. В 1659 году около городка Паншина казаки воровские основали даже свой городок и выходили из этого притона для грабежей на Волгу, под предводительством Ивашки и Петрушки. По Донцу также проезды не были безопасны: там Грицка Торцкий с толпой черкас разбивал послов турецких, крымских и русских; воры грабили даже Святогорский монастырь.

В 1667 году разбои разлились по всей России, не смотря на грозный закон — казнить не только за разбой и укрывательство, но и за то, что если кто слышал крик и не вышел на помощь. Все эти задорные брожения вольницы, как ручьи и речки в половодье, слились в одну бурливую реку при Стеньке Разине, и захлестнули своими волнами множество мирных жителей и увлекли в свой порывистый водоворот немало жертв и сокровищ.

После казни атамана 6 июня 1671 года молва стариков в течение всего XVIII столетия ходила из уст в уста,

что Стенька и не думал умирать, а живет на отдаленном острове и многие видали его своими глазами. В этом своеобразном предании есть особый смысл: действительно, Разин долго не умирал в своих сообщниках, т.е. не замер дух его своеволия в известной среде народной. Он «очутился» опять на Волге и на Дону, гулял по всей широкой России, наводя грозу и ужас, особенно на высшие классы общества. Детушки или сынки Стеньки Разина, потеряв своего атамана, рассыпались мелкими шайками по России: они являются даже на крайнем севере во время соловецкого возмущения, разбойничают по Волге и в лесах воронежских.

При Петре I множество людей бежало на Дон от тяжести военной службы, трудных работ и податей; донесли царю, что казачество наполнилось крепостными «бесчисленно», так что опустели селения, не с кого стало собирать подати и повинности и неоткуда поставлять рекрут. В исходе 1707 года Петр Великий послал на Дон Юрия Долгорукого с командой ловить беглецов; князь перехватал и разослал на места жительства до 3000 беглых. Многие казаки озлобились, что москали мешаются в права вольного войска; но когда они выражали свое недовольство, их считали заводчиками бунта и наказывали. Самым отчаянным защитником вольницы явился Кондратий Булавин, атаман рабочих при соляном заводе в Бахмуте; он прослышал, что Долгорукий подвигается к ним, и с шайкой беглых в 500 человек быстро напал на Долгорукого, его убил и команду всю в 1000 человек перерезал. Войсковой атаман Максимов разбил шайку Булавина, но он снова взбунтовал все верховые станицы, увеличил свое войско тысячами беглых, овладел Черкасском и сделался войсковым атаманом. В своих призывных грамотах Булавин выразил свой взгляд на бунт, подобно Стеньке Разину: «Худым людям, и князем, и бояром, и прибыльщиком, и немцом за их злое дело отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводят всех в еллинскую веру и от истинной христианской веры отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными; а между собой добрым, начальным, посадским и торговым и всяким черным людям отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, — и буде кто станет кого

напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь. А по которым городам и по тюрьмам есть заключенные люди, и тех заключенных из тюрьмы выпустить тотчас без задержания». Когда бунтовщики собирали голытьбу на борьбу с боярством, к Черкасску двигалось 20000 войска, для усмирения мятежных казаков, под предводительством Василия Долгорукого, родного брата убитого Булавиным — Юрия; Василий имел от царя наказ: «без пощады всех злодеев и их жилища истреблять и пойманных казнить и вешать». Долгорукий действительно срыл с лица земли 14 казачьих станиц, перевешал и переказнил множество народа. Булавин, осажденный самими казаками в Черкасске, застрелился 7 июня 1708 года.

Когда Долгорукий занимался казнями, атаман Игнатий Некрасов, набрав большую шайку вольницы, пошел на Волгу, ограбил караваны судов и разорил несколько селений. Возвращаясь на Дон, он писал, чтобы собирались казаки в Есаулов городок, а он скоро к ним будет с товарищами. Когда собралось 3000 человек, Долгорукий успел осадить их в Есаулове, и они принесли повинную; по человеку из десятка он перевешал кругом городка, а иных воров повешал на плотах и пустил по Дону; тогда казнено было больше 200 человек. Взяв жену и детей, Некрасов ушел на Кубань в подданство Крымского хана и с ним переселилось до 2000 казаков.

Смирив стрельцов и казаков, Петр не добился однако уничтожения беглых и разбойников внутри государства: они по-прежнему составляли шайки в 100–200 человек, жгли села и города, грабили и тиранили жителей. Сильные преследования воров ожесточали последних и не всегда были удачны: воеводы, посылаемые против них, не редко платили за смелость своей жизнью.

Учреждением паспортной системы Петр хотел найти всюду каждого члена государства и думал этим средством уменьшить побег. Но на практике большая часть высоких мер Петра не достигали цели: часть народа взглянула на паспорт, как на печать антихриста, и не хотела брать его по религиозному принципу; другая часть народа видела в нем бесполезное стеснение экономических предпри-

ятий; третья, гулящая, свободу которой стесняло царское распоряжение, прибегла к новому злу политическому — к подделке фальшивых паспортов.

Самый большой процент разбойников во время Петра Великого составляли бродяги-рекруты, солдаты и драгуны; они бежали сотнями от невыносимых тяжестей или при наборе или из полков. Даже, по сознанию правительства (от 20 октября 1719 года), тогда наборы происходили горьким способом и следствия оказывались весьма печальные: «Первое, гласит указ, когда в губерниях рекрут сберут, то сначала из домов их ведут скованных, а приведчи в город, держат в великой тесноте и по тюрьмам и острогам не по малу времени; и таким образом еще на месте изнузив, и потом отправят не рассуждая, по числу людей и по далекости пути, с одним офицером или дворянином, хотя бы 1000 человек была, и с нужным пропитанием! К тому же поведут, упуская удобное время, жестокою распутицей, отчего приключаются в дороге многие болезни и помирают безвременно, а всего злее, что многие — без покаяния. Другие же, не стерпя такой великой нужды, бегут, — и, боясь явиться в домах, пристают к воровским компаниям».

Около половины XVIII столетия тягости крепостничества продолжались, рекрутчина разрасталась; а потому количество беглых и разбойников не уменьшалось. Указ о второй ревизии 1745 года красноречиво свидетельствует, что в то время насчитали до 200000 беглых, которые только показали себя непомнящими родства. Немудрено поэтому встречать много сведений о ворах и грабителях в царствование Елизаветы Петровны: 1743 года в сельце Семеновском Дмитровского уезда разбойники-крестьяне отбивались от офицера с командой, 14 солдат ранили и прогнали всех военных; правительство решило послать против них другую добрую команду. В то же время 50 человек разбойников разбили в Астрахани купеческие рыбные ватаги, взяли большие морские лодки, пушки и порох и пошли в море. Около Москвы и по Владимирской дороге постоянно разбивали села и проезжих; по реке Воронежу в нынешнем Липецком уезде разбивали крестьян и грабили дома помещиков разбойники под начальством атамана Кнута.

В царствование Елизаветы Петровны прославилась своими разбойничьими похождениями Танька Растокинская, которая родилась или имела притон в селе Растокине (на реке Яузе по Троицкой Сергиевой дороге), отчего и получила свое прозвище. Похождение ее совершалось в окрестностях Москвы; народ доселе сохранил предания об этой личности, указывая Танькину сосну, под которой собирались разбойники, и Танькину рощу, знаменитую грабежами до последних дней. Марьина роща иногда тоже служила притоном вольницы Таньки Растокинской и атаман-девица при случае любила разгуляться по Москве, где и поймана была на Петровском Кружале, или на винной выставке при Петровских воротах Белого города. Женщины, предводительницы разбойников, бывали и прежде Растокинской, например, по большой Сибирской дороге в 40 верстах от Казани существует овраг, который доселе называется «Дунькино ущелье»; там, по преданию, держала свою шайку грозная Авдотья и грабила проезжих купцов.

Большая часть разбойников бежали из общества, вынужденные необходимостью, от разных невзгод, недоумений и безнравия жизни. Права свободного житья, сложившиеся издавна и вошедшие в плоть и кровь русского человека, просили не тех обычных порядков, которые вводились сплеча и часто насильно, хотя вовсе несродны были народным стремлениям; а уклонявшийся от них становился преступником перед законом. Интересы администрации часто шли в разрез с нуждами и желаниями народа; живучие и упорные предания старины не ладили с административными нововведениями. Поэтому порядки, не отвечавшие стремлениям народным, породили увлечения, пьяные вспышки, — молодцы улетали в леса и степи или на реки и моря. Народ насильно притянут был в крепостное состояние, в которое прежде не верил; но практика неотразимой действительности показала ему, что он стеснен был окончательно в торговле и промыслах, подчинен вполне суду воеводско-боярскому, помимо суда земско-народного; личность и собственность его стали зависеть часто от произвола правителей. Крестьяне

обречены были поддерживать государство и беречь его изнутри и извне своими силами и средствами, не щадя ни последней капли крови, ни последней копейки. Отдавая все, терпеливый русский человек далеко прятал в сердце свою раздраженную силу, все обиды и озлобления. Но когда становилось уже невмочь, многие поставлены были в горькую необходимость — бороться с тяжелой судьбой; протест открытый и правдивый уже стал считаться беспорядком и не в правилах закона. Часто невозможно было исполнить всех подавляющих требований, которые обильной рекой текли от лиц, заправляющих делами.

При таком тяжелом, а иногда невыносимом положении, многие бежали из общества и делались его отверженниками. И прежде шатался русский человек по широким тысячеверстным пространствам, но не со злым умыслом, а в видах изыскания лучшей землицы и прибыльных промыслов. Теперь же свободно шататься нельзя было: человек прикреплен был к месту, а земля сама стала крепостным достоянием казны, а не народа; поэтому бегство приняло другой характер. Лица, бежавшие от тягостных налогов, от волокиты приказного суда и от рекрутчины, наполняли постоянно шайки воровских казаков и разбойников. Тут можно было встретить членов всех сословий, пострадавших от несчастного семейного положения, юридического и экономического неравенства — беглых крестьян и солдат, разоренных торговцев и церковников. Вся голытьба, пьяницы и пропойцы, бедняки, подавленные горем, сходились в круговую и думали думу, как бы добыть зипунов и хлеба, а при удаче — пожить в свое удовольствие.

Когда в конце XVIII века грозила постоянная опасность разбойникам от разъезжих команд, трудно допустить, чтобы крестьяне и бурлаки решались взяться без крайней нужды за некорыстные деяния разбойничьи. Сами разбойники указывают, что за опасное ремесло они брались в крайности: гнетущая бедность и горемычное житье заставляли их шататься и жить под дорогой, есть и пить все готовое и носить цветное платье припасенное. Таковы были понизовые бурлаки, которые потом и кровавым трудом

едва могли доставать на пропитание самую грубую пищу; такая злая доля заставляла их разгуливать на своих косных лодках и грабить судопромышленников. К тому же и бурлачество было отребьем общества, которое выбрасывало их, как лентяев, воров, пьяниц и никуда не годных членов, заклейменных словом: ярыги. Всякий попавший в общество этих бездомовников, особенно молодой парень, подышавший их заразной атмосферой, точно выходил из острога, способный на всякую кражу и грабеж.

Разбойничьи и казацкие воровские движения заявляли нетерпеливо об угнетенных народных стремлениях и силах. Разин с зажиточными казаками не думал думы, а думал крепкую думушку с голутвой; казаки в Астрахани при Петре I шли против немцев в защиту православной веры, желая отстоять обычаи предков; атаман Голый писал: «нам дело до бояр и которые неправду делают, а вы, голутьба, все идите со всех городов, нагие и босые: будет вам платье и жалованье» и проч. Во время булавинского бунта Лукьян Хохлач с отрядом воровских казаков встретился за Битюгом с Бахметевым — и воры начали толковать: «Если побьем царские полки, пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустим, судей, дьяков, подьячих и иноземцев побьем!» Они даже писали Бахметеву: «Нам только дело до немцев и до прибыльчиков и до неправых судей!» Пугачев в своем манифесте обещал жаловать народ «крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, и свинцом и порохом, и вечною вольностию». Отсюда ясно, почему в народных песнях заметно выражается сочувствие к разбойникам.

Бояр вору не нравились, думали всегда об их широком произволе, будто они разоряют без указа государева казаков и народ, как укорил Игнатий Некрасов князя Долгорукого: по идее, составленной в народе о царе милостивом, атаману не могло поместиться в голову, чтобы Петр I издал такой строгий указ о разорении донских казачьих станиц. Вообще имя царя было священным для самой крайней вольницы. Изведавшие горькую долю в жизни, знали по опыту положение разных классов общества, — и когда

судьба заносила их в леса дремучие к разбойникам, они смотрели на массу населения, как на силу страдательную. Вообще доставалось от них тем лицам, которые притесняли крестьян, старались поживиться на счет их труда и «до некоторых чинов произойти». Боярам и служилым людям разбойники чаще других платили полуночные визиты. Особенно беглые холопы любили грабить своих господ и тешились над их страданиями, изобретая способы мщения и расправы.

От разбойников доставалось постоянно также управляющим и бурмистрам, жестоким в обращении с крестьянами. Так в царствование Елизаветы часто нападали они на вотчины графские и княжеские. Более безопасны были от разбойничьих нападений городские правители и приказные судьи, но и до них добирались смельчаки, мстили им за продажу закона и совести. В XVIII веке разбойники, особенно часто в Тверской губернии, подстерегали сборщиков податей, отбивали у них казенные деньги и мстили за жестокие правяжи бедняков, которые производили они во время сбора подушных. Грабили нередко разбойники зажиточных крестьян, которые под кровом чиновников собирали богатство, или по своему жестокосердию и скупому характеру, притесняли бедняков и оставляли без куска хлеба своего собрата. Евангельский богач служил образцом немилосердия и жадности. То же надо сказать о торговцах, которым более всего доставалось от разбойников, когда они находились в связи с властями. Впрочем, нужно сделать оговорку, что не всегда и везде разбойники руководились строгим расчетом: обстоятельства и случайности часто заставляли их выходить из пределов соображения и благоразумия.

Обстановка жизни разбойника и его столкновения исполнены были непредвиденных перемен и тревожных перемен; желания и стремления людей этого сорта постоянно разбивались в прах: сегодня они щеголяют в атласе и бархате, а завтра — в гуне кабацкой; неделю спят они на тяжелых пуховиках, а месяц целый — на засаленных рогожах или на ковыль-траве; до полуночи пируют они около столов, уставленных в изобилии яствами сахарными и питьями за-

морскими, а на белой заре едва остается в кармане «одна корочка засушенка». Судьба перебрасывала их быстро из одной крайности в другую: от буйства к смирению, от беспечности и веселья к горю и печали был один шаг. Поэтому нередко разбойник, не жестокий по натуре, мог походить на лесного голодного зверя; в нем заглушался голос совести и жалости. Тяжела была жизнь этих отверженных людей, хотя издали казалась привлекательной своим свободным бесшабашным разгулом. Поэтические песни, сложившиеся в ранее время, продолжали прославлять обстановку и житье-бытье разудалых молодцев и в то время, когда все это сильно изменилось и ухудшилось, — и вводили в заблуждение горячих людей, маня их на простор, раззадоривая изображением поэтической обстановки пожить на распаху на воле. На самом деле приходилось им жить, вместо шелковых шатров, в тесных и грязных землянках, в диких ущельях или пещерах гор, в оврагах, под густым навесом деревьев в камышовых шалашах.

Шайки разбойников действовали раздробленно, каждая отдельно одна от другой, редко соединяясь между собой; они не имели строго определенной цели сознательного начала, да и организация их не отличалась особенной прочностью. Внутренний их быт сложился на основании обычая и артельного начала: они выбирали себе предводителя и помощника, которых могли сменять, а членов шайки выгоняли из общины за разные проступки, судили и наказывали иногда жестоко. Выбор атамана и есаула производился на кругу по-казацки. Награбленная добыча поступала в дележ, на дуван; она распределялась поровну между разбойниками, а отличавшиеся удачью, атаманы и есаулы брали больше других.

По воззрению народа, разбойник отличается необычайной отвагой; этот человек должен быть сорви-голова и если не силой и энергией брать, то хитростью. У настоящих разбойников слово связано с делом, и для достижения цели они не задумаются сложить буйную голову; они смеются над опасностью жизни и преследованиями властей; их сила и энергия так могуча и влиятельна, что вызывает изумление и славу в народе, которые передаются

как диво от поколения к поколению. Удаль и отчаянные предприятия воровских людей необычайно сильно возбуждали фантазию народа, так что он приписывал их побеги из острогов и другие чрезвычайные выходки не умению и смелости их, не крайности положения, в котором они находились, но их чародейской хитрости и мудрости, их заговорному слову. Предания и песни облачают разбойников сверхъестественным могуществом, против которого оказывались несостоятельными ни силы военные, ни средства гражданские: они глаза отводят, пулю и сталь заговаривают; у них лошади могут ходить на одних задних ногах; стоит им в остроге взять ковш воды и нырнуть в него, чтобы очутиться на свободе далеко где-нибудь на Волге.

В удалом разбойнике вы видите совершенно русского человека, по его воззрениям и привычкам; он исполняет строго обычай сельского жителя и отличается обыкновенной внешней религиозностью. Не редкость встретить в наших старинных памятниках и преданиях, как он от кровавых походов бежал на суровые монашеские подвиги: вот был Опка, страшный разбойник, который пошел в монахи и построил монастырь, называемый доселе Опкина пустынь. Раскольниковый старец Корнилий отдыхал однажды за Москвой в лесу, разложил огонек и пел по-вечерие; вдруг явилось 35 человек разбойников. «Осмотревши в кошеле моем, говорит он, и видевши небольшие нужные мне книги и случившиеся тут повести о спасшихся разбойниках, и денег только десять алтын, — атаман велел читать мне книги. Читал я им всю ночь; атаман слушал внимательно и, наконец, прослезился, примолвил: от сего дня перестану я разбойничать, а ты, отче, ступай с миром и не бойся! И дал мне сверх того милостыню, примолвив: блаженны вы есте!» Такие быстрые переходы от зла к добру, от разбойничества к подвигам внешнего благочестия, путешествия в Иерусалим, чтобы замолить свои грехи, понятны в лицах, вроде Василия Буслаева, которые руководствуются в жизни и в делах религии чувством, а не сознанными правилами. Часто не трудом, а кровопролитием нажитое богатство разбойники раздавали бедня-

кам или отдавали на божьи церкви, тоже в видах спасения души своей, когда страшные трагические столкновения потрясали их. Все это однако не мешало им сурово расправляться со служителями алтаря, грабить и сжигать церкви — и бросать в пламя связанных священников; не мешало дарить церковные стихари и ризы своим любовницам, которые шили себе из них нарядные шубки и сарафаны, как было в Бежецке в XVIII столетии.

Разгульна и весела была разбойничья ватага при удачных похождениях, похвальба подвигами не умолкала, слышались угрозы содрать шкуру с губернатора, выжечь и вырубить целые города. Жестокость атамана служит выражением энергии и молодечества и возбуждает в его подручниках чувство почтения. Самый ходячий их способ добиваться сознания у богатых людей, где спрятаны деньги, был посредством поджаривания на огне. В конце XVIII века во время Нижегородской ярмарки, купцы имели на своих судах пушки для обороны; однако разбойники нападали на них, и грабили. «А если оплошают хозяева обороною, то взошедши разбойники на судно — первое слово их всегда было: сарынь на кичьку! — и ни один из рабочих не смей пошевелиться, ложась лицом в пол; а тут хозяина в пытку и жгут на венике, приговаривая: “давай деньги... где спрятал?” И буде не отдаст все, что имеет — убьют, и тем удовольствуясь, уезжают, и суда на них нигде нет».

Зная по опыту горькую долю народа, которую вынесли на своих плечах, разбойники вовсе не верили в правоту приказного суда и осужденных законом считали невинными, как доселе народ зовет их несчастными. Поэтому они всегда при удобном случае старались освобождать всех заключенных в острогах на свободу. Это правило исполнялось всеми сильными атаманами.

В раннее время разбойники жили довольно дружно с крестьянами, которые при случае, по чувству сострадания к горемычной доле или из боязни мстительности, спасали их от преследований и давали приют; но потом заметна становится разлада между ними, когда вору стали наносить вред без разбора. Молодец, идя на разбой, не мог рассчитывать на легкое укрывательство: сельское

А.И. Герцен. По своему обычаю

общество, озлобленное за грабежи и притеснения от воров, без дальних околичностей прибегало к самосуду и короткой расправе.

Источник: Аристов Н.Я. Об историческом значении русских разбойничьих песен («Филологические записки», Воронеж, 1875);

9. Тюремная община

Из истории как российских, так и сибирских острогов видно, что жизнь здесь давным-давно течет помимо официального, основанного на букве, устава. Общинная жизнь острога проложила себе новое русло, и крепко утвердилось в нем. Уставы остаются сами по себе, а жизнь течет сама по себе, так что между ними часто нет ничего общего. Как сложилось это самостоятельное арестантское житье и какую роль в этой перемене играло острожное начальство? — такие вопросы я задавал себе долго, до тех пор, пока не понял, что в остроге никаких уставов и никакого начальства нет, кроме «острожной общины», вполне подчинившей себе жизнь отдельной личности. Союз арестантов возникал в каждом месте заключения, обусловленный одинаковостью положения преступников, потребностью самозащиты и достижения разных льгот. Каждый входивший в острог преступник примыкал к корпорации таких же несчастных, как и он сам. Постепенно ориентируясь в новой среде, связывая себя с интересами и жизнью острога, он невольно делался из обыкновенного гражданина, крестьянина, мещанина или солдата арестантом, т.е. членом острожной семьи. В остроге он находил себе новую среду, где встречал сочувствие своему горю, приобретал друзей, помощников и учителей; скоро он отрекался от всякого другого общества, кроме острожного, и беззаветно отдавался своим новым братьям и союзникам. Еще

теснее связь и союз арестантский скреплялся в сибирских острогах, наполненных ссыльно-каторжными и бродягами: такие люди чувствовали еще больше солидарности; их взаимные интересы были еще прочнее: они были уже кастой или сословием в среде других людей. Для них острог становился центром жизни, местом сбора, исходным и конечным пунктом жизни; для одних — он был гаванью, где они отдыхали от побегов, для других, — тяжких преступников, — вечным жилищем, для третьих — местом, где они перебиваются за преступления десятки раз.

Как ни печально положение людей, осужденных на безвыходное заключение в тюрьме, но такой жизнью у нас жили тысячи бродячего и ссыльного люда, все-таки предпочитавшего острог голодной смерти. Понятно поэтому, что эти люди, проводя здесь целые года, переживая из поколения в поколение, должны были теснее сплотиться, создать себе свою собственную, более свободную жизнь, выступившую из тесных рамок казенного устава. Так устроился арестантский союз.

Путем долгой и опасной борьбы сложилась арестантская община и сформировала условия, нравы и обычаи своей жизни. Она подчинила все своей воле и стала полновластным хозяином острога. Затем она установила известные отношения между членами своего общества, гарантирующие как права отдельной личности, так и управление общественными делами. Таким образом, временный союз, вызванный борьбой с подневольным и горьким житьем, превратился в организованную общину, которая создала себе самоуправление, свое законодательство, свое хозяйство и развилась в стройные определенные формы со своеобразным общественным типом. Установление общественных законов на началах справедливости и обоюдных выгод казалось бы невозможным в среде нравственно падших людей, а между тем тут есть и чувство справедливости, и глубокое сострадание к ближнему. Но еще поразительнее самый строй этой общины, основанный на строгой равноправности и взаимности. Творцом ее был русский простолюдин, поэтому в складе ее отразился тот же дух общинной жизни, каким отличается русский народ

во всех сферах своей деятельности, когда он действует самобытно. Состав этой общины и дух социального интереса, поглощение ею личности, остроумные общинные установления, равномерное распределение прав, обязанностей и повинностей, — все в ней носит печать народного таланта и мирозерцания. В этом случае она есть такое же порождение русской жизни, как артель, крестьянская община, мир, вече, казацкие круги и другие подобные явления.

Острожная община создавалась не разом; она вырабатывалась вековой жизнью арестантства и имела свою историю. Каждая община отдельных острогов сначала самостоятельно завоевывала права свои, вела борьбу, запасалась опытом, организовалась, создавала свои правила и самоуправление. Понемногу эти приемы борьбы, как арестантский опыт и арестантские установления, созданные обычаями, переходили от общины к общине, ассимилировались острогами, обобщались и усваивались ими. Бродячие ссыльные арестанты, бегло-каторжные и другие вечные обитатели острогов, то идя в Сибирь, то снова возвращаясь в Россию, были всегда живыми резервуарами острожного опыта, распространителями острожной науки, деятельными проводниками идей арестантской общины, пионерами и учителями арестантской независимости. В продолжение своей жизни они деятельно поддерживали знакомства и сношения с сотоварищами по разным острогам; поклоны, поручения, послания, известия постоянно переносились ими от общины к общине, от острога к острогу. В самых отдаленных углах рудников арестанты не упускали из виду своих знакомых; ссылка и скитания не разделяли их, а скорее связывали; по сибирским этапам, по острогам они узнавали, где кто находится, и не раз встречались в жизнь свою со многими как в бродяжестве, так на поселенье и в каторжном заводе. В каждом остроге можно видеть, с каким любопытством расспрашивается каждый пересыльный или бродяга о том, где он был и что видел. Бывалые арестанты и старые странники всегда встречают знакомых или, по крайней мере, толкуют об общих приятелях. На этапах у арестантов существует сво-

его рода почта; каждый идущий в каком-либо направлении арестант оставляет свой адрес. Эти автографы, нацарапанные карандашом, углем, гвоздем или кирпичом можно встретить на стенах всех пересыльных замков и этапов, на верстовых столбах сибирской дороги и на памятнике, отделяющем пермскую губернию от тобольской. «Прошел из Вологды мещанин Сергей Палтусов на вольное поселенье». «Максим Карташев из Тамбова в каторгу на шесть лет за любовь». «Кланяюсь Михею Семенычу Бирюкову — бродяга Игнатий Непомнящий». «Степан не забудь бедного Микиту Безухова». «Авдотья Горюнова ночевала здесь, но без милова». Такими надписями украшены стены виденных нами этапов, и по этим надписям последующие арестанты узнают своих знакомых и их путь. В Сибири после посещения экспедиции о ссыльных, определяющей места поселения, ссыльные по этапам записывают, для указания позднее идущим товарищам, места своего назначения. Арестантские сношения, таким образом, шли по всем захолустьям России до самых дальних пределов сибирской ссылки; таким путем арестантство браталось, дружило, обменивалось знанием и сливалось в одну общую, солидарную массу по мыслям и чувствам, вырабатывая сознание полного единства.

Община ограждает своих членов от властей, защищает их от разных неприятностей, гарантирует им спокойствие и свободу занятий, наконец, печется как о хозяйственных и денежных делах их, так и о доставлении им возможно больших удобств в остроге и взамен этого требует от них покорности ее приговорам, преданности ссыльному братству и арестантскому делу. Она поставила законом, чтобы арестантский интерес стоял выше всего в остроге, чтобы, находясь под одними условиями, все арестанты стояли крепко друг за друга, чтобы острожная тайна хранилась свято, и с врагом арестантства не было никаких связей. Поэтому всякая измена арестантству и всякий донос начальству подлежат самому беспощадному суду общины и грозной каре. Всякого нарушающего общественный интерес, всякого изменника и шпиона арестантство призывает пред лицо общины и судит его

на своей сходке. И страшны, и грозны бывают эти сходки взволнованной и неукротимой общины. Арестантство кипит гневом и бушует как море: наморщены грозные лица; раздаются крики негодования, взрывы угроз и мести; иногда даже выхватываются ножи... Пред таким ареопогом предстает преступник. Грозные обвинения и улики сыплются на него обвинителями; часто без оправданий он сваливается на пол сильными ударами, и затем начинается бойня: его бьют все разом страшно, бесчеловечно. Если такого преступника не кончают сразу, то он захватывает и умрет после. Наказанный не только не смеет жаловаться, но он даже не смеет идти в больницу, чтобы не обнаружить своих судей; избитый, он беспрекословно ползет под нары. Таков террор этой общины. Арестантство не затрудняется наказать шпиона и изменника даже и в том случае, если он находится под защитой и охраной начальства: его незаметно толкнут с лестницы, избьют в темноте, пустят в него из-за угла кирпичом, накроют темной, наконец, умудрятся измять и перевернуть все внутренности без всяких следов на теле. Смерть шпионов — вещь обыденная в наших острогах. Доносчики на арестантов обыкновенно просят, чтобы их отсаживали отдельно, но приговор острожного трибунала не минет их нигде: бывали случаи, что шпиону мстили уже последующие поколения арестантов, также как иногда ушедшего в партии шпиона преследовали в другом остроге. В виду таких строгих преследований, нет хуже обвинений в арестантской среде, как донос, — нет более гнусного греха, как шпионство за своими товарищами. Подозрение в «музыке», как называют арестанты это преступление, наводит ужас на обвиняемого. По острожному и ссыльно-бродяжескому кодексу оно равносильно убийству. На самой низкой степени падения люди сохранили достаточно нравственного чувства, чтобы такое явление считать настолько же противочеловечным, как и отвратительным. Создавши свой суд, арестантство гарантировало себе безопасность всевозможных занятий и нерушимость тайны острога. Вместе с тем та же община выполняет и полицейские функции; она заботится сама о не нарушении порядка и в крайних случаях

употребляет свою власть и вмешательство. Всякие кражи, грабежи и обиды разыскиваются самой общиной или камерой обиженного; все буйства и драки прекращаются самими арестантами; в хорошо организованных острожных и каторжных общинах начальство избавлено от всяких жалоб и претензий, которые иначе ему пришлось бы разбирать тысячами: суд общины вполне заменяет его.

Обеспечив себе невмешательство начальства, свободную, безопасную жизнь своим членам, община занялась устройством повинностей, обязанностей и налогов. Известно, что в каждом остроге существуют, кроме обыкновенных работ, работы и службы общественные, состоящие в чистке двора, содержания в чистоте острога, коридоров, камер, ретиральных, в исполнении обязанностей хлебопек, квасников, поваров, водовозов, служителей при больнице и т.д. Такие повинности, конечно, должны падать равномерно на всех и исполняться по очереди; но в общине всегда находится много людей неспособных, неумелых, ленивых, строптивых, общественная служба которых может принести больше вреда, чем пользы. Для повара, хлебопека, квасника требуется умение, для многих физических работ — сила; потому, налагая насильно на кого-либо такие обязанности, чтобы соблюсти очередь, можно было бы остаться без пищи, без воды, без дров и услуг.

Понимая это, община предпочла натуральную повинность заменить денежной. Каждый, входящий в острог, обязан денежной податью. Этот налог распределяется равномерно, смотря по сословию, к которому на воле принадлежал арестант. Бродяги платят в артель 30 копеек, поселенцы 75 копеек, крестьяне и мещане 1 рубль 50 копеек, с купцов и дворян берут 2 и 3 рубля. Из таких взносов накапливается сумма для содержания общественных должностных лиц и для найма из арестантов поваров, водовозов, квасников, хлебопек и другой прислуги, необходимой общине.

Взявши на себя распределение повинностей, острожная община взяла на себя и управление всеми хозяйственными и финансовыми делами острога; для этого она выбрала своих агентов и свои органы. Для представительства

пред начальством, каждая арестантская община выбирает старосту. Он — представитель исполнительной власти во всех арестантских делах; он же доверенный и адвокат арестантских интересов пред лицом начальства. Должность эта — выборная, и избранное лицо несет ее до тех пор, пока ему доверяет община. За все свои действия он отдает отчет общине, которая во всякое время может сместить его и заменить другим; за действия же общины он не ответственен и служит только исполнителем ее приговоров. Он не управляет, но сам подчиняется ей.

Самое солидное учреждение острожной общины — общественная касса, приспособленная к особому употреблению. Эта касса составлялась из сборов, вносимых арестантами, из подаваний, и из всевозможных источников дохода. В ссыльной общине эта касса, кроме содержания старосты, писаря и служителей острога, имела особый расход, который шел главным образом на палача и на смягчение приговоров. Расход этот вызван был тяжелыми условиями ссыльно-арестантской жизни в прежнее время и выработан долгим арестантским опытом, как и изучением тех обстоятельств, от которых зависела судьба всякого подсудимого, ссыльного и каторжного арестанта. Многочисленный опыт судившихся и судящихся арестантов давал им надлежащие сведения о чиновниках и писарях низших судов. Знакомства с писарями и с чиновниками полиции, вроде письмоводителей, квартальных и других заводились весьма легко и доходили до интимности; поэтому наблюдение за своим процессом и получение надлежащих сведений через писарей судебных канцелярий и полиций было весьма обыкновенным делом в ссыльных острогах старого времени. Пятачки, гривеннички, двугривеннички отправлялись из арестантских карманов в карманы писцов в земских судах и полициях; но не всегда можно было ограничиться такой мизерной благодарностью; в таком случае являлась на помощь артельная касса. Писцы не оставались в долгу, и в арестантских делах являлись, конечно, незначительные подчистки, поправки, дополнения задним числом, иногда утеривались листы показаний и т.п.; также получались инструкции, как давать пока-

зания, как лучше вывернуться и т.д. Но процесс окончен, наказание назначено и весьма тяжелое; надо обратиться к исполнителю — к палачу. Самый последний арестант отдавал последние скопленные гроши на умиловление грозного исполнителя кары; бывали случаи, что для этого необходимого расходов, который носил простое, но многозначительное название «на рожку», бедный арестант продавал свой крест. Но далеко не всякий мог приобрести или скопить необходимую на подкуп сумму; тогда братская артель острога считала обязанностью помогать каждому бедняку, идущему под кнут, выдавая ему необходимую сумму из общественной кассы, пред выполнением приговора. Кроме этих единовременных взносов, община платила палачу определенное содержание. Палач, получавший от казны всего три рубля в месяц на прокормление, был, конечно, таким же бедняком, как и все арестанты; поэтому склонить его на сделку было нетрудно, и в каждом значительном остроге палач состоял на откупе у арестантов. В расходах на палача община не жалела денег, цена всякие расходы ни во что перед человеческим страданием: палачи же, в свою очередь, знали свою силу и свое значение в остроге и потому не стеснялись обирать арестантов. Понятно, что это был самый значительный налог на всю арестантскую артель; но, неся эту фатальную подать и примиряясь с ней, арестантство требовало от палачей обратной услуги. Исполняя приговор над арестантом, он обязан был жалеть его, не бить жестоко, в противном случае лишался всякой арестантской субсидии, и община прерывала с ним сношения. Всю ответственность пред начальством за легкое наказание он должен был нести на себе и не выдавать арестантов ни при каких обстоятельствах. А ответственность была немалая и для палача, так как за легкое и притворное наказание его взбучивали палками и розгами. Самопожертвование, на которое в этом случае обрекали себя палачи, конечно, в свою очередь, не вознаграждалось никакими деньгами. Подвергая себя сплошь и рядом наказаниям, старые палачи сослужили верную службу арестантской общине. Они скоро усовершенствовались до того, что создали искусство бить только

для вида и с помощью фокусов производили оптический обман для глаза наблюдателей. Известны рассказы о палачах, которые, подобно индийским фокусникам, разбивали на спине лист бумаги, не рассекая кожи.

Но влияние общины этим еще не ограничивалось: не было случая, где бы она не являлась предупредительным опекуном, попечителем и помощником самому бедному и задавленному своему члену; она оказывала ему массу разных услуг при помощи своего знания, доставляла ему советников, учителей-юристов. Но при случае крайности, та же община действовала еще радикальнее в спасении своих членов. В случае совершенной безнадежности она давала средства своим собратьям совершенно избавиться от наказания побегом. Побег, разве в самых редких случаях, совершался без ведома арестантства. И можно сказать положительно, что он не может быть совершен, если этого не пожелает община, и если, в данную минуту, он повредит общему арестантскому интересу. Но другое дело, когда он вызывается необходимостью и опасностью собрата и возбуждает естественное арестантское сочувствие. Тогда община, считая его, по своим убеждениям, законным, не только не препятствует ему, но, верная арестантскому интересу и принципу взаимной помощи, дает и свои услуги, и средства для его осуществления. Собратья-арестанты подсадят бегущего через стену, спустят через отверстие ретирада, вывезут в бочке с нечистотами в поле (побеги в параше особенно часто употребляются арестантами), отвлекут внимание часовых в другую сторону, собьют поверку во время тревоги, так что караул станет вне возможности узнать, все ли налицо и кого нет (это делается перебеганием из камеры в камеру, подделкой чучел, подменой людей и т.д.), оттянут время розысков или направят их в другую сторону. Наконец, при общем содействии, побеги устраиваются таким образом, что начальство не может открыть даже путей, какими ушел арестант, также как не может хватиться бежавшего очень долгое время.

Как образчик таких побегов, мы не можем не представить здесь случай, бывший у нас в остроге. Этот побег был произведен во время общих арестантских работ в городе.

Беглец имел под арестантской одеждой обыкновенный мещанский костюм. В то время, когда начались работы, арестанты отвлекли часовых притворной ссорой; пользуясь этим, беглец снял арестантский халат, вышел на дорогу и пошел спокойно мимо часовых. Арестанты кинулись к нему, как к вольному прохожему просить подаяния, но часовые отогнали этого благотворителя. Таким образом, арестант ушел по воле часовых и конвой никак не мог догадаться, как он исчез.

Такая загадочность и тайна побегов создала у нас в народе целые мифы о чародейских и волшебных побегах многих знаменитых разбойников и преступников с помощью чашки воды, нарисованной лодки и тому подобного, которые между тем объяснились просто таинственной помощью арестантской общины. Общий уговор и взаимная помощь, конечно, имели еще более значения при общих побегах. Вследствие заговора разбегались с заводов десятки каторжных по одному крику в разные стороны, так что конвою не было возможности пуститься в погоню и приходилось ограничиваться спешной и неудачной стрельбой. Точно так же разбегались целые сибирские партии.

Благодаря фатальной судьбе русского ссыльного и бродяги, многим и многим из них еще придется встретиться. Бесчисленное количество ссыльного люда с заводов и каторг, с мест водворения и поселения, погоревав на чужой стороне, под влиянием отвращения к месту ссылки, под влиянием влечения к родине, снова уйдут в бега или, под тяжестью нужды и преступления, придут к стенам того же острога, который станет их неизбежным уделом в заколдованном кругу их несчастной жизни. Часто, в глухую осеннюю ночь, посреди вьюги и снега, около сибирских острогов слышались крики: «Караул! Караул! Спасите!» Кто же это? Это бродяги, закончившие летнее странствие, полузамерзшие, околелые, голодные, просят убежища в единственном приюте своем — остроге. И куда же, в самом деле, идти этому несчастному и гонимому, которого преступление лишило навсегда родины и не дало ни сил, ни всеобъемлемости сердца, чтобы привязаться к чужому отечеству? Где найти ему место,

А.И. Герцен. По своему обычаю

к чему прилепиться, как не к семье таких же несчастных?
И вот эта община снова явилась его приютом, куда он принес свое горе, свою исповедь и раны наболевшего сердца. Эта община собратий становится ему матерью, у которой на груди он хоть на время успокоит и залечит свою буйную искалеченную голову.

Источник: Ядринцев, Н.М. «Русская община в тюрьме и ссылке» , 1872.

10. Беглые и бродяги в Сибири

Как ни разнообразны причины бродяжества, вследствие индивидуальных побуждений каждой личности и разнохарактерности обстановки субъекта, но их можно все-таки формулировать. Понятно, что общая основная причина скрытной бродячей жизни есть неудовлетворительность окружающей обстановки, в которую поставлен человек, — бедность, нужда, голод, желание избежать наказания за преступления и т.п. Так как в Сибири по преимуществу бродяжничают ссыльные каторжные, ссыльные поселенцы и дезертиры, то мы и будем говорить только о них.

Более всего побуждений к бегам существует, конечно, у каторжных. Первый побег каторжных объясняется страхом наказания и желанием избавиться от долголетней каторги, наложенной за преступление, подвергшее его ссылке. Часто бегут с дороги, из острогов и едва добравшись до завода. Бегство имеет целью не постоянное бродяжество, а желание после поимки показаться поселенцем, солдатом или просто непомнящим, а не каторжным. Во время бродяжества и в острогах подыскивается случай сослаться на какое-нибудь лицо и затем совершается побег, имея в виду, что во время следующей поимки бежавший даст новые показания и переменит свою участь. Это удастся и нет. Выходят ложные справки, т.е. показания не подтверждаются, клейма обнаруживаются, знаки прежнего наказания также уличают, и вот приходится отвечать за побег, как каторжному, хотя

иногда и не открывшему завода или рудников, куда он был прежде сослан. Снова ищется случай бежать и вновь показаться на кого-нибудь, снова не удастся, и так идет у некоторых целая жизнь по необходимости в бегах и бродяжестве. Все здесь зависит от первого побега, неудача которого затягивает в дальнейшие побеги по необходимости. Наказание, определяемое на 30, 40 лет и без срока, разумеется, не может исправить человека, которому решительно все одно, наказывают его или нет. Не видя конца своему наказанию, он ищет спасения только в побеге. Так образуются вечные бродяги.

Выходя утром на работу, каторжные, подготовив кандалы, легко снимают их; другие освобождают одну ногу и цепь берут пока в руки; раздается «ура»; человек пять отчаянных голов вылетают из-за цепи конвоя и, как бешеные, кидаются к лесу. Раздаются выстрелы. Двое-трое ранены или убиты; остальные уходят. Идущие знают наверное, что кому-либо из них суждено пасть под пулями, но здесь свобода или смерть ставятся на карту. Выбравшиеся из-под пули, они, как одурелые, мчатся несколько верст в тайгу и, как сами говорят, блуждают несколько дней в каком-то помешательстве от ужаса и боязни; часто ни не могут найти себе дороги и возвращаются на тот же прииск. Но иступление проходит: они сидят по нескольку дней в трущобах, пока пройдет погоня, с фунтом-двумя хлеба и, только истощенные, ночью прокрадываются, чтобы выпросить его на дорогу у приятелей и собрать на своем или чужом прииске. Затем тихо-тихо, по укромным тайгам, ночами, под страхом встретить бурята или мужика с винтовкой пробираются они к Байкалу.

За побег каторжному дают от 40 до 100 плетей и набавляют срок работ; второй и третий побег ставит арестанта в безнадёжность выйти когда-нибудь с завода легально.

Вслед за каторжными к бродячему люду нужно отнести поселенцев. Причинами побегов ссыльных с поселения служит неестественное положение в месте ссылки, — гнетущая тоска, вторичное преступление и желание избежать наказания, наконец, бедственное экономическое положение. На поселение ссылаются или прямо из России, или выходят туда с заводов и рудников по пробывтии сроков. Как те, так и другие, и по своему характеру, и по местным условиям

труда, мало были склонны к нему, как и к оседлости.

После поселенцев в бродячем люде является более всего дезертиров и рекрутов; они здесь скрываются под именем «непомнящих родства». Все они стремятся обойти службу и выйти, по крайней мере «на вольное поселение», но поступают в общий ссыльный водоворот и проводят жизнь только бродягами и каторжниками.

Если мы окинем взглядом большую сибирскую дорогу от большого нерчинского завода до границы пермской губернии, то увидим целые массы народа, снующие по ней группами в 10, 20, а иногда и 40 человек. Растянувшись по дороге, они то обгоняют друг друга, то отстают, то группируются на мельницах, на заимках, на пашенных избушках, то разбиваются и парами расходятся по деревням, лежащим близ тракта. Это — сибирские бродяги. Они идут большим трактом, как кратчайшим путем, идут и проселками по правую и левую сторону дороги, заворачивают в сторону, кружатся по деревням и снова выходят на большую дорогу. Некоторые пробираются тайгой, где прямее, — некоторые плывут реками; но у всех у них, несмотря на запутанность пути, одно направление; они все стремятся достичь иркутской губернии, по преимуществу Забайкалья. Поток их направляется на запад, к России; по пути он увеличивается притоками новых беглецов с разных заводов и поселения. Идут бродяги массами по дороге; их никто не останавливает: идут и по деревням свободно, в отрепье, без рубах, в арестантских халатах с тузами, иногда с бритыми головами. Отдыхают по балаганам, лачугам, а чаще всего в деревенских банях. Крестьяне охотно дают приют этим странникам и смотрят на них снисходительно. В банях и разных избушках проводят бродяги зиму: это — самое трудное время для них; но прошла зима, засветило апрельское солнце, — и вылезли и потянулись по дорогам закопченные бродяги.

Сибирское бродяжество заключает в себе все элементы отдельной корпорации. Одинаковые условия жизни, одинаковые интересы, одинаковые цели и судьба создали из бродяг довольно солидарную массу, которая имеет общественную силу и свое общественное мнение. Сходство обстановки породило одинаковые нравы и воззрения, правила и законы.

Наконец, внутренняя жизнь корпорации потребовала и известных гарантий безопасности и своего уголовного кодекса. Жизненный опыт, выработанный бродяжескими поколениями, дал свои правила и доктрины, которым невольно подчиняется всякий выступивший на бродяжескую дорогу. Там, где представляется случай, бродяги всегда соединяются в одно общество: это особенно легко заметить в остроге; здесь бродяги не смешиваются с остальными арестантами, живут своей средой, имеют свою особенную администрацию, т.е. старосту и писаря, свои сходки, свою кассу и майдан. Во время бродяжества они также, при первой возможности, стараются соединиться в отдельную общину.

Каждый член корпорации не должен нарушать интересов своей среды; он обязан защищать своего собрата. Он не должен выдавать начальству, что знает о своих братьях, и не показывать на них. Показания бродяг на крестьян, у которых они имели приют, также не одобряются. Вообще требуется строгое сохранение тайн корпорации. Нарушение этих основных законов бродяжеской корпорации считается изменой и жестоко наказывается. Точно также бродяги преследуют воровство у своих, битье, увечье, отбивание насильно бродяжеских жен и любовниц, особенно же карают за убийство своего брата: за последнее преступление иногда даже определяют смертную казнь.

Бродяжеская корпорация, как всякая корпорация, выработала свои типы и идеалы. Всякий бродяга в душе желает достигнуть бродяжеского идеала, героя. Отличительные признаки такого героя — неустрашимость в опасностях, смелость в похождениях, хитрость для того, чтобы провести преследователей; он должен быть отличный вор; деньги у него не должны переводиться; он должен кутить и вести ожесточенную борьбу с властями. Жизнь бродяг, полная авантюризма, опасности и борьбы, выдвигает энергичные и сильные натуры. Каждый бродяга, можно сказать, до известной степени герой, перенесший десятки опасностей, десятки раз выходивший победоносно из борьбы. Поэтому в острожном мире между бродягами заметна гордость, и они считают себя выше и опытнее остального мелкоплавающего арестантства.

Бродяжество везде и во всем имеет свои особые убежде-

ния; на все оно смотрит со своей особой, оригинальной точки зрения. С этой же точки оно взирает на любовь, или, как называют ее сами бродяги, на «бродяжеский брак». Бродяжеский роман разыгрывается как во время странствий, так равно и в стенах острога; семейная жизнь течет на полях, испытывая все превратности и мытарства бродяжества.

Бродяга, как человек одинокий, особенно склонен к любви и расположен ко всякой интриге. Бродяги любят увлекать любезных с собой в бродяжество; в сибирской семье всегда много недовольных, которые готовы уйти с кем угодно и куда угодно, лишь бы только уйти. Жизнь женщины в крестьянской семье, по большей части, непривлекательна: муж — деспот, часто пьяница; свекры и свекрови заедают жизнь; постоянные побои, постоянная брань, тяжелый труд — вот ее всегдашняя обстановка. Редкий муж в Сибири не бьет свою жену; при пьянстве мужей главный труд и поддержание семьи иногда ложится на женщину; разврат в деревнях также очень развит; в этом разврате, конечно, более власти и свободы выпадает на долю мужчины; каков бы ни был муж, жена обязана его любить, но если женщина дозволит себе свободные отношения, ее ожидают жестокие испытания. При такой стеснительной обстановке понятно желание крестьянки бежать из семьи. А тут для подмоги является удалой парень-бродяга, смазливый собой, любезный и ласковый, с деньгами, добытыми на большой дороге; он увивается за женщиной, увлекает ее; она бросает грубого мужа и семью и идет за удалым молодцом в бродяжество. Бывает, что женщина, вскоре обманутая бродягой, снова является к мужу и к семье, но часто поток бродяжества совершенно поглощает ее, и она исчезает навсегда, сживаясь совершенно с бегло-арестантской средой. Часто связь крестьянки с бродягой бывает очень прочна и не разывается, несмотря ни на какое наказание, к которому присуждается ее милый: бродяжество их снова соединяет. Мне указывали на одну женщину, сибирскую крестьянку, которая пошла за бродягой, попала с ним в острог и судилась. Ее отправили к мужу, а бродягу на заводы. Скоро он бежал, явился снова к любовнице, и они опять отправились бродяжить и снова были пойманы. Четыре раза жена отсылалась к мужу, а бродяга

на заводы, и все-таки он снова приходил за ней и уводил ее.

Любовь бродяг продолжается и в остроге, когда они попадают с женщинами. Здесь же часто начинается и новая любовь, финал которой должен быть в партии и бродяжестве. В каждом остроге можно видеть, как, приткнувшись к решеткам, сидят арестанты, тоскливо поглядывая на окна женского отделения. Несмотря на острожную дисциплину, знакомства быстро завязываются, а затем является и любовь. Любовь острожная — любовь платоническая. Взгляды, воздушные поцелуи, разговор через загородни и стены, изредка встречи в коридорах — вот все, чего может достичь пылкий и влюбленный.

Насколько платонична любовь бродяги в остроге, настолько же она разнузданна в бродяжестве и иногда доходит даже до зверства: часто совершаются бродягами самые наглые и дерзкие покушения на женщин и их умыкания; на крестьянок бродяги иногда нападают на пашнях и, угрожая ножом, заставляют идти с собой; иногда женщина делается жертвой нескольких человек; иногда, опасаясь с ее стороны доноса, после насилования ее убивают.

Расскажу один случай. Бродяга Абрамов шел с молодым товарищем по енисейской губернии. Придя в одну деревню, они узнали, что перед их приходом исчезла женщина с пашни; ждали заседателя и приготавлились к облаве. Крестьяне посоветовали Абрамову с товарищем лучше убираться и указали путь за болотами, где они могли во время тревоги скрыться. Бродяги пошли. Пройдя верст 12, они услышали стон в кустах. Молодой бродяга пошел в лес, и скоро выбежал оттуда бледный и дрожащий: там он увидел голую женщину, повешенную за косы на дерево; все ее тело было искувано комарами и оводами; она распухла; на гуммах была пена; она была без чувств, но еще жива. Бродяги сняли ее с дерева, привели в чувство и снесли в одну избушку на дороге, а сами дали знать в деревню. Женщина рассказала, что ее увел бродяга с пашни, под угрозой убить: она поневоле пошла за ним. Когда же прошли несколько верст, с ними встретился другой бродяга, знакомый первому. Пришелец также начал волочиться за бабой, которая стала сопротивляться. Первый бродяга горько выговаривает товарищу: «Разве я не товарищ

тебе? Будем с бабой жить оба!», отвечал второй: «Коли она не хочет с тобой жить...», возразил первый: «А если так, пусть же она никому не достанется: повесим ее». Недолго раздумывал первый: видно, привязанность к товарищу была велика; несчастную женщину раздели донага, привязали за косы и повесили.

Насилия против женщин ожесточают крестьян, и они расправляются с пойманными бродягами самым жестоким образом. В одной деревне в томской губернии за насилие над бабами на пашнях крестьяне убили на одной неделе семь человек бродяг.

Как ни привыкает бродяга к вечному шатанию, он все-таки ощущает потребность в пристанище. Ему хочется приостановиться, хоть на время отдохнуть, пожить оседло, обществом, и забыть свою собачью, полевую жизнь. Хотя у бродяги и нет такого юридически признанного убежища, но он сам его создал в остроге: это его гавань, куда он пристает для отдыха от бродяжеских треволнений; это — альфа и омега его жизни; отсюда он уходит, здесь же и завершается его странствие. Застигнутый зимой или горькой нуждой, он идет в острог и только здесь находит немного отдыха и спокойствия. Бродяга называет острог «родительским домом», потому что у него нет другого дома и крова. Приходя сюда, он попадает в среду таких же бродяг; здесь он — равноправный господин, а не парий; здесь он устанавливает свои обычаи, правила, нравы, держится своих привычек и склонностей, живет, как вздумается. Здесь он пребывает 10, 20 раз в свою жизнь во время бегов, проведет полжизни в его стенах и дальше их все-таки не выберется, как ни бьется. Острог, таким образом, делается его отечеством, а он вечным гражданином его.

Сибирские остроги имеют именно такое значение для бродяги. Они знакомы ему во всех подробностях, со всеми мелочами и особенностями быта. Бродяги всегда знают положение острогов, изменения в управлении и порядках их и живо этим интересуются. Входя в остроги, они находят здесь многочисленное общество из своей корпорации, встречают своих знакомых и друзей по бродяжеской жизни; многими из них они интересуются как знаменито-

стями и встречают здесь этих популярных героев, — гордость и цвет бродяжества. Большая часть населения в сибирских острогах — бродяги, и они составляют здесь наиболее прочный и окультивированный элемент. Они не сходятся с крестьянами и поселенцами и основали здесь свою общину и администрацию. В острогах всегда встречаются две общины, — одна крестьянская, а другая бродяжеская.

Кроме одинаковых стремлений избавиться от наказания и вести праздную жизнь, исторический союз бродяжества связывался и другим более нежным чувством: их связывала любовь к далекой, отвергнувшей их матери-России, — чувство одинаковой тоски и одинакового горя. Русский человек глубоко привязан к своей родине и тяжела ему вечная ссылка — так тяжела, что иногда он свою арестантскую среду предпочитал свободной жизни на поселении среди свободных людей на чужой стороне. Знали мы одного арестанта из бродяг, человека еще молодого, лет двадцати. После побега он как-то извернулся, и ему вышло решение выслать его на поселение. Такое решение было очень благоприятно, так как бродяг обыкновенно ссылают на заводы года на четыре. «Вот ты, Александр, и на поселенье выйдешь, слава богу! Остепенись, поживи в деревне, женись: ты еще парень молодой! Чего в бродяжестве-то ходить: кроме плетей ничего не выходишь!» — раз говорили мы ему. «Надо бы, надо бы, — подтверждал он, — да боюсь... не удержусь-с» — вдруг заметил он в раздумье. «Это как?» — спросили с изумлением мы. «Скучно без своих. Что ж она мне, эта енисейская губерния! Поживу год, два, а потом опять... Знаете, кто “острожного хлеба поел, того так к нему и тянет”. Такая уж наша судьба!» — ответил он, приведя известную поговорку бродяг. Действительно, этот молодой бродяга был настоящий жилец острога: он был тюремный игрок, фланер, он ни к чему не был приучен, работать не умел и чувствовал только привязанность к товарищам по острогу. Что ему было делать в сибирской глухой деревне, где его мог ожидать только тяжелый труд, кабала и тоска по родине.

Так как в остроге бродяге решительно ничего не приходилось делать, то он изобрел игру с самым разнообразным характером и правилами. В ссыльных тюрьмах, как известно,

распространены карты; также существует игра в юлу, в кости, в домино, в орлянку и даже во вши (в бегунцы). Страсть к игре так велика у бродяг, что проигрывают пайки хлеба или копят их на продажу, а сами питаются жидкими щами с капустой.

Некоторые учатся в остроге разным искусствам по части плутовства и усваивают всю эрудицию сламывания и отпирания замков, передергивания карт, фабрикация денег, ловкой кражи, способов вывернуться из-под суда и т.п.

Кроме всего этого, любимое занятие и развлечение бродяг в острогах составляет волокитство за женщинами; как ни отделены они, но арестанты создали пути и лазейки, чтобы иметь сношения и вести довольно оживленные интриги. Часто в острогах рождаются дети и в нем получают воспитание. Жизнь этих детей, среди цинических и грубых нравов острога, конечно, крайне печальна. Подростки заимствуют принципы жизни и привычки из острожной среды. Один мальчик из таких детей воспитывался в остроге до четырех лет. Семи лет он снова сюда попал с матерью; здесь он позаимствовал разные качества, и когда вышел в деревню, его дразнили «кандальником и острожником»; этим самым разрыв его с обществом был решен, и вот в 18 лет он сидел уже за кражу и готовился быть бродягой.

При таких условиях жизнь в тюрьме бродягам представляла много прелестей: с ней они осваивались, в нее втягивались необыкновенно. Достаточно было пожить в этих бродяжеских фаланстерах, чтобы воспринять их дух, нравы, усвоить их воззрения.

Коснувшись нравов и внутренней жизни бродяжества, я намерен теперь обрисовать профессии бродячего населения и занятия его во время дороги.

Самым обширным поприщем для бродяжеского труда были прииски. В прежнее время лихорадочной и кипучей золотопромышленной деятельности на приисках рады были всяким рукам, особенно за дешевую плату; и действительно многие прииски принимали бродяг. Однако несравненно легче бродяге устроиться у крестьян. Сибирское крестьянство любит бродяжеский труд, потому что он дешев, — помощь его всегда пригодна и особенно в страду, в покос. Бродяги

принимаются в работники крестьянами по всей Сибири, но преимущественно в глухих и не трактовых местах; при проезде начальства их выпроваживали на время в лес. Но при всем том бродяги не заживаются в работниках, что зависит и от стремления бродяг пробраться в Россию, и от тяжелой эксплуатации, какой подвергается их труд.

Условия труда бродяги-работника очень незавидны во время работы у крестьянина. Последний дает бродяге заработную плату гораздо ниже, чем вольному, и часто по личному своему усмотрению. Если хозяин и ничего ему не отдаст, бродяга не смеет на него жаловаться земской полиции. Впрочем, бродяги придумали средство принудить хозяев честно с ними рассчитываться. Если хозяин выгонит бродягу-работника без платы, то бродяга объявляет себя в волости бродягой и показывает, что работал у такого-то крестьянина: конечно, он попадает в острог, но зато и крестьянина потянут туда же, если тот не откупится.

Нищенство составляет наиболее распространенную профессию бродяжества. Им пропитываются все бродяги во время своей длинной дороги. Как люди беглые, без копейки денег, без всякой оседлости, не смеющие нигде остановиться надолго, постоянно гонимые и скрывающиеся, они естественно должны обратиться к этому способу пропитания. Труд — не их сферы: работать берут не везде, разве только в самых глухих волостях; притом труд бродяги все-таки временный. Большая часть из них выходит бродяжить из рудника для отдохновения.

— Что ты не работаешь? — говорит крестьянин такому бродяге, — ты хоть бы на себя заработал одежонку, бродки бы завел: смотри ты какой!..

— Ну, нет, брат! — отвечает ему тот, — я и с завода ушел от работы! Буду я тебе спину гнуть!.. Шалишь!

Подавать бродягам милостыню и давать им приют побуждает крестьян и опасение воровства, боязнь их мести, и жалость к их положению. Бродяги-нищие терпят недостаток как в пище, так и в одежде. Необходимость идти в холод заставляет некоторых бродяг обкладывать себя сверх рубахи сеном и потом уже надевать армяк; кто может, запасается двумя рубахами и двумя штанами. В этих рубищах

бродяги-нищие терпят страшное бедствие зимой; бураны, пурги, сибирские морозы действуют на них как на мух. Весной в лесу находят бездну замерзших бродяжеских трупов. На лето бродяга уже менее стесняется, но все-таки сплющ да рядом студится, коченеет и промокает на дождь. Лихорадки — постоянные их спутники. Такова жизнь нищих-бродяг; но как ни печальна и ни бедственна она, однако ни мороз, ни бедствия, ни голод не останавливают побегов. Несколько месяцев воли для бродяги дороже жизни.

Одним нищенством бродягам не прокормиться, а поэтому воровство составляет необходимую принадлежность бродяжества. Едва ли найдется хоть один бродяга, который бы не крал. Обдерганный, в лохмотьях, голодный, он только этим и может спасти себя от голодной смерти. Под влиянием страха и частых преследований он принужден иногда выбирать одно из двух — или кормиться воровством, или быть пойманным. Но воровство, бывшее сначала результатом голода, обращается в привычку и совершается при малейшей потребности, хотя и второстепенной: захочется выпить водки — крадут; захочется поволочиться — крадут. Затем оно становится профессией, к которой прибегают как к средству постоянного существования.

Бродяги воруют по большей части съестное, чтобы не умереть в лесу без пищи, или таскают одежду, чтобы не замерзнуть среди поля. Я приведу два рассказа, ходящие между бродягами, из которых видно, что кражи из необходимости оправдываются даже в глазах крестьян.

По одной из деревень проходил нищий-бродяга, совершенно обносившийся; белье его было в лохмотьях, вши его заедали; долго ходил он по деревне и молил мужиков, даже на коленях, дать ему рубаху, но никто над ним не сжалился; наконец, он подошел к богатому крестьянскому дому и также начал молить, но и здесь хозяйка отказала ему наотрез. Бродяга ушел, но зато ночью пробрался во двор богатого мужика и, найдя около окон на жердочке развешенное белье хозяйки, взял его, а взамен повесил свое отрепье. На утро хозяйка только ахнула, увидав покражу; но хозяин по оставленной рубахе догадался, кто вот. «Вот видишь ли, жена, — сказал он, — ты вчера пожалела бродяге дать рубаху, а сегод-

ня он сам ее у тебя взял. Я промолчал вчера, потому что это твое хозяйское дело. Если бы я был на его месте, я сделал бы то же самое, да еще, пожалуй, и в сундук бы залез к такому богатому мужику. Вся деревня вчера видела, как бродяжка ходил от двора ко двору и просил рубахи; никто ему не давал; вот и теперь я покажу бабам, какие рубахи и порты носят бродяги». Мужик взял на палку грязное и покрытое мириадами вшей лохмотье и понес показывать по деревне, как горький упрек. «Подавайте впредь бродягам — говорил он бабам, — видите, в чем они ходят».

Другой бродяга также обносился в дороге; надо было добыть платье; дело было зимой. Вот он ночью пробрался в дом богатого мужика, вытащил раму и начал шарить. На гвозде он находит рубаху, шапку, хороший полушубок и суконный капот; все это надел на себя; пошарил еще, нашел сундук, который был заперт: он не стал его ломать, поскорее выскочил в окошко и вставил опять раму. Старую свою одежду и котомку, в которой неприлично уже было идти, он бросил на задворках и пустился по дороге. Увидя наутро покражу, мужик недоумевал сначала, как она сделана, наконец, открыл и, зная, что это какой-нибудь бродяга, пустился с работником за ним в погоню. В нескольких верстах за деревней он встретил вора и, придерживав лошадей, поехал шагком за ним и начал разговор:

— Откуда и куда, любезный?

— Иду к родным; мещанин из такого-то города, — говорит бродяга.

— А, а. Вот я смотрю, вы и в дороге, а какая на вас одежда славная.

— Точно так, — говорит бродяга, — у меня везде по дороге завидуют этой одежде. Впрочем, я бы продал ее: говорят, по дороге опасно ходить хорошо одетым. Капотку бы и сбыл да, пожалуй, и полушубок; себе можно купить похуже.

— Тек-с, — замечает крестьянин, — ну, а вот бродни-то у вас больно пообносились, господин мещанин: по-моему, уж не подходящее к такому платью-то.

— Что делать?.. дорога дальняя; надо будет, впрочем, купить сапоги.

— Ну что же! Купите себе и сапоги, как купили полушубок и капот, — заметил мужик. Бродяга встрепетнул от этого намека.

— Ну, братец, — тогда обратился к нему крестьянин, — садись-ка лучше с нами: мы тебя довезем, а ты нам расскажешь, где одежду покупал.

Бродяга почувствовал всю безвыходность своего положения: он был во власти врага. Оставалось повиноваться, и он сел.

— Ловко ты, брат, хватил у меня одежду! — начал снова крестьянин, продолжая ехать вперед, — что же, отчего ты сапог не захватил у меня?

— Да не нашел, дядюшка, — ответил откровенно вор.

— А отчего же в сундук не заглянул? Там сапоги и деньги были.

— Да сук был на замке.

— Сломал бы.

— Я, бедный человек, обносился; что нужно было, взял, а лишнее зачем портить!

— Ну, спасибо! — сказал мужик, — ведь в сундуке-то, только отопри, 16000 денег было!.. а все-таки, я вижу, тебе надо сапоги, — подсмеиваясь, говорил мужик. Бродяга тупо молчал и ожидал взбучки.

— Что же, ты думаешь, я с тобой сделаю?

— Я в твоей воле: бей сколько хочешь, только не убей — отпусти душу на покаяние, — говорил бродяга.

— Ладно, брат, я тебя бить не буду; ты, я вижу, не разбойник и не грабитель; ты меня не много разорил; за это я тебе дам сапоги, а у тебя возьму твои бродни: разувайся!

Бродяга изумился такому великодушию; но крестьянин снял свои сапоги, надел его бродни, подсмеиваясь, что к хорошей одежде и обувь надо хорошую, и затем, отпустив бродягу, повернул назад.

Воровство вызывается необходимостью, но так как бродяги все бедны и все нуждаются, то и воруют все. Если вы будете советовать бродяге не воровать для безопасного прохода, то он вам ответит, что «без воровства пройти невозможно». Иногда бродяги поселяются в деревнях и входят в стачки с плутами из поселенцев, и те подводят их к богатым кре-

стьянам.

Надо заметить, что в Сибири по деревням воровать, как говорят бродяги, труднее, потому что, наученные опытом, сибирские крестьяне осторожнее, а в случае поимки вора настоятельнее в преследовании бродяг, чем российские. Подозрение во всякой краже обрушивается здесь всегда на бродяг; обыкновенно за вором кидаются по дороге; долго его преследуют и часто тут же, в поле, расправляются винтовкой.

Кроме воровства у крестьян, бродяги часто, и даже сплошь и рядом, обворовывают друг друга. Обворовывают сонных, пьяных, больных, а иногда прямо идут на грабеж и убийство. Пустыня, лес, покрывающий все тайной, конечно, много способствует этому. Нужда, деморализация острожного населения, жажда денег, — все это обуславливает преступления даже в среде своих, хотя это порицается и строго наказывается общиной. Воровство неудивительно там, где все воруют. Воры отнимают ворованное же и теми же средствами. Недаром бродяги боятся друг друга в дороге и говорят: «а пуще всего, пуще зверя лютого бойся своего брата».

Вслед за воровством бродяги по своему положению должны часто, волею и неволею, обманывать крестьян. Начинаясь невинными, эти обманы переходят в средства выманивать деньги и преобразовываются в профессию. Бродяги обыкновенно скрывают свое имя, место, откуда и куда они идут, врут крестьянам, сочиняют свои биографии; и это понятно, когда большая часть их из ссыльных и с заводов. Многие идут по фальшивым билетам и паспортам. Как много воров, так много и обманщиков, да, пожалуй, и более, потому что обман безопаснее. В этих случаях профессии их разнообразны до бесконечности: бездна идет под видом странников по святым местам, раскольников, знахарей и лекарей, коновалов, колдунов, ворожей; все они стараются всеми силами выжать копейку. Крайне невежественное, суеверно и нуждающееся в самых необходимых знаниях крестьянство представляет для этого обширное поле. И всеми подобными профессиями бродяги злоупотребляют очень искусно.

Из всех обманщиков и воров занимают важнейшее место делатели фальшивых денег. Делание фальшивых денег принадлежит к самой искусной и прибыльной профессии бродяжества. Начало ее положили сосланные в Сибирь монетчики, часто превосходные техники, граверы и рисовальщики. При делании бумажек, конечно, важен их сбыт. Обыкновенно они сбываются крестьянству по разным захолустным деревням и еще легче инородцам. У купцов и богатых крестьян сбыт этих бумажек сопровождается какой-нибудь торговой операцией; в этом случае важную роль играет невежество и незнание человека, с которым имеют дело. Если легко обмануть ассигнацией безграмотного мужика, то еще легче инородца. Говорят, что киргизы боятся фальшивых денег и, если узнают, что у них оказалась такая ассигнация, то немедленно жгут ее. Это объясняется страшной боязнью русского следствия.

В Сибири страсть к фальшивым деньгам развита не только у торговых людей, отличающихся недобросовестностью наживы и не гнушающихся никакими средствами для этого, но и у простого крестьянства. Она постоянно разжигается бродягами-мастерами, предлагающими ему свои услуги. Крестьяне привыкли к их посещению и радостно их принимают. Бродяги утверждают, что когда они входят в деревни, то мужики первым делом спрашивают, нет ли между ними монетчика. Кормя и подавая милостыню бродягам, крестьяне просят их проходом указать тем монетчикам, которые не имеют практики на их деревню или упрашивают нарочно привести таких. Надо заметить, что крестьянство выработало довольно снисходительный взгляд на эту профессию, и хоть считает ее запрещенной законом, но совершенно не понимает, зачем это запрещают выделку бумажек. «И чего это запрещают нам бумажки делать? — говорят крестьяне, — мы бы стали хорошо делать и подати ведь исправно вносить бы начали».

Если богатые изо всех сил добиваются достать фальшивых денег, то бедные имеют к тому еще больше поводов. Вот почему крестьяне считают иногда монетчиков помощниками в их нужде и благодетелями, дают им постоянный приют и выручают их в случае беды. Таким благодетелем в глазах крестьян является известный в тобольской губернии

монетчик Кожевников, о котором я приведу несколько рассказов. Он постоянно скрывается по деревням и переходит с места на место, обеспечивая себя этим от убийства, к какому часто прибегают крестьяне в отношении монетчиков. Кожевников известен как искусством хорошо готовить бумажки, так и покровительством многим крестьянам, которые действительно заслуживали помощи по бедности. Рассказывается, например, такой случай. В Барнауле ехал подзаводский крестьянин, крайне обедневший вследствие падежа скота; ехал он купить лошадь на сколоченные 15 рублей. На дороге ему встречается старичок и спрашивает сначала о пути, потом о его положении. Крестьянин рассказывает о своем положении. «Гм — говорит старичок, — ты, я вижу, бедный человек; я могу помочь тебе: на тебе на разживу 60 рублей». Мужик изумился и начал спрашивать, кто он такой. Старик откровенно сообщил, что он монетчик. Обязанный мужик просил монетчика посетить его, и они расстались. Действительно, через несколько дней загадочный старик явился к нему и сделал ему еще 50 рублей. Затем начал прощаться. Мужик разохотился и умолял сделать ему еще денег, но монетчик отвечал: «Довольно, братец: куда тебе много! Разживайся с этих». Несмотря ни на какие упрашивания, старичок удалился. Крестьянин сопровождал его, но не мог уследить, и монетчик скрылся на задворках. Это и был Кожевников. В другой раз, рассказывают, он явился на Пасху к одному бедному мужику, у которого нечем было разговеться; он сделал ему 25 рублей, попиrowал с ним праздник и удалился. Подобными-то поступками и прославился Кожевников, заслужив огромную популярность между крестьянами и титул чуть ли не отца родного.

Кожевников несколько раз попадался, судился, ссылался, но или во время самого процесса, или во время пути уже на каторгу, всегда похищался крестьянами. Раз, когда он был взят и сидел в волостной избе под арестом, крестьяне хотели его проташить через трубу, но это не удалось. По дороге, когда везли его, за ним ехали постоянно две тройки; но его сторожили, и случай спастись не представлялся; наконец он исчез совершенно неожиданно. В то время, когда его вели к допросу по улице города Каинска, он быстро

вскочил в проезжавшую с крестьянами телегу; лошадей припустили, и он исчез в виду конвоя. С тех пор он с помощью крестьян убегал еще несколько раз. Кожевников доставил много случаев нажить крестьянам и имеет везде друзей. Он отличается особенно искусной выделкой бумажек. Всю жизнь свою он затратил на это производство и теперь еще может работать, но только с лупой. Содержась по острогам, он и там продолжал свою работу. В одном из острогов он делал деньги даже в церкви, по ставке с ключником. Выпуск бумажек в город из острога у монетчиков вещь обыкновенная. Кожевников так хорошо приготавливал ассигнации, что делал даже сторублевые, на что другие не решаются. Когда его деньги приносили в кабак к одному из сидельцев, который знал, какого сорта эти деньги, то он только спрашивал: «Что, это — кожевниковская? — ну, так идет!». Такого человека в Сибири, конечно, носят на руках.

Жизнь монетчиков по волостям у крестьян довольно привольна. Монетчик играет роль наемщика или самого требовательного гостя: все ухаживают за ним, все представляется к его услугам. Однако как ни завидна здесь жизнь их, конец обыкновенно бывает печален: хозяева, обогатившись их талантом и желая с ними развязаться, а часто опасаясь открытия преступления, решаются покончить убийством.

Кроме знаменитостей в деле фабрикаций ассигнаций, есть еще бездна народа, подражающего им; значительная часть бродяг принадлежит к разряду подражателей, ляпающих самые неуклюжие произведения, надеясь, что и такие сойдут. По способу сбытия они называются «на дурака». Безграмотный народ обманывать легко, и в этом одна из причин свободного распространения фальшивых денег.

Между бродягами есть сорт людей самых жестоких и самых страшный для общества: это бродяги-разбойники. Люди, сосланные за важные и жестокие преступления, являются в каторгу уже крайне озлобленными и в безнадежности на всякую помощь и участие. Каторга окончательно ожесточает и огрубляет их, убивая в них всякое чувство. Представьте себе такие личности, которые когда-то получили по 6000–12000 сквозь строй, или нынешнего каторжника Калину, который перенес около 250 плетей, — побывавших

несколько раз в каторге и бежавших оттуда: неужели все эти наказания не заставят огрубеть и не сделают бесчувственным к страданиям и жизни других? И вот про этого калину говорят, что он уже убил 18 душ во время бродяжества. Бежавши из-под пули, преследуемый, угрожаемый новыми бедствиями, он решается на все; осужденный навечно, он лишен надежды. Единственный выход его — бродяжество. По-видимому, под влиянием того, что он перенес, он должен бы был сломиться, но его сильная натура, которая и завела его на каторгу, не допускает его опуститься и быть задавленным. Он кидается, правда, в самое безнадежное отчаяние, не находя нигде спасения; но это же отчаяние вызывает его в бега и здесь заставляет вести войну одного против всех.

Большая часть таких бродяг убегает с нерчинских рудников, где работают наиболее закаленные уголовные преступники; по приискам, где они рассеяны, их называют каринцами. Каринцев, по опасности и их решительности, страшатся даже свои бродяги. Они рисуют их беспощадными как к обществу, так и к личностям своей среды. Не признавая закона и обязательств относительно остального общества, они не соблюдают интересов и корпорации бродяг. В острогах они владичествуют и иногда здесь берут силой и угрозами ножа. Таких людей, впрочем, остальные бродяги также преследуют и наказывают своим судом за преступления против своих. В свою очередь те смеются над обыкновенными бродягами, пренебрегают ими и гордятся, что сами живут не подаянием, а собственными средствами.

Положение каторжного, вырвавшегося из-под строжайшего заключения в руднике, с опасностью жизни, без одежды и без хлеба, блуждающего по несколько дней по тайге, бывает отчаянно; при первой возможности он кидается, конечно, на преступление, которое ему не редкость. Я расскажу о представителе этого типа, каторжном Василии Тарбагане, известном своей закаленностью и преступлениями. Сбежав с завода, он шел по тайге голодный и оборванный. На нем была только рубаха и штаны, и те изорванные; он был босиком; ноги изранены, лицо страшно раздуло от комара и овода. В этом виде, с дубиной в руке, он походил, как сам он выражался, на дьявола. Вышедши на дорогу, он на-

чал выжидать прохожих, чтобы ограбить или убить кого-нибудь. Голод, боль, усталость мучили его, а в сердце кипела злоба и отчаяние. На дороге показались три женщины и девочка — новоселки; он страшно перепугал их своим разнесенным лицом и ограбил, сняв с них отчасти даже платье. Затем он встретил «пытовщика» из новоселов, попросил его подвезти и всадил ему нож в бок, взявши у него 60 рублей. Он убивал даже бродяг, за что ему чуть жестоко не отомстили, но его спас один из товарищей, уговоривший остальных. В случае нападения на них, такие люди бьются насмерть. Тарбаган был взят таким образом: за какую-то кражу в деревне он с двумя товарищами по бродяжеству был настигнут крестьянами. Тарбаган решился защищаться и вытащил нож. Мужики кинулись и убили дрючками двух товарищей Тарбагана. Его самого, как виновника кражи и давшего повод к бою, надо было взять; но он ударил одного мужика ножом и кинулся в куст; второй мужик хотел ударить Тарбагана палкой, но попал по кусту и, ловким ударом ножа, был убит наповал; третий был ранен. Наконец Тарбагана взяли и представили в острог. Он был наказан 90 плетьюми, и когда, после наказания, приятели пришли повидаться с ним, он им сказал: «Что, братцы... наша жизнь такая: все равно умирать под кустом или под ножом сибирского мужика». Однако он скоро поправился и опять пошел на каторгу.

Бродяжеская жизнь бегло-каторжного полна превратностей и преследования. Он не стесняется в грабеже, да и с ним поступают тоже бесцеремонно: зато он проникнут постоянным желанием насолить то той, то этой деревне, и при поимке дешево не отдаваться. Я намерен рассказать еще об одной личности, подобной Тарбагану, которую представляет один разбойник и монетчик, недавно разгуливавший по тобольской и томской губерниям. Я., прошедший 2000 сквозь строй и сосланный из России за убийство, обладал особой хитростью и искусством делать побеги. Лишь только он явился в Сибирь, как бежал, нашел себе приют в тобольской губернии в одной деревне и занялся деланием ассигнаций; с тем вместе он не стеснялся другими преступлениями. Я., преследуемый в своих странствованиях крестьянами, не раз имел бои и даже делал убийства; при поимках он ухो-

дил с помощью ножа. Однажды крестьяне хотели его, как он рассказывает, убить; но он выхватил имевшийся при нем пистолет и, ранив одного, бежал; в другой раз, препровождаемый крестьянами в острог, ночью он перепугал их куском стекла в виде ножа и скрылся. В третий раз он тоже наткнулся на крестьян, которые хотели его взять, но он начал отбиваться; его били прикладами винтовок: он, конечно, дрался ожесточенно; крестьяне, проломив ему голову, бросили его на дороге; только проезжающий крестьянин поднял его и привез в волость полумертвого; здесь он вылежал две недели и привезен был в острог. Я., человек лед под 30, с высоким лбом, с холодным и наблюдательным взглядом; на лбу у него шрам, на лице несколько крупных рубцов и волосы повыдерганы. Личность, понесшая такие крушения, конечно, не может быть миролюбивой. Но он сохраняет вполне энергию, и все бродяги были уверены, что он бежит из секретной. Он уже несколько раз бегал самыми искуснейшими и остроумнейшими способами. При всей своей закоренелости, как у Я., так и у Тарбагана, являлись человеческие чувства. Тарбаган не убил встретившихся женщин потому, что они новоселки и его соотечественницы из воронежской губернии; они знали его отца и мать: он вспомнил родину, и это мягкое чувство заставило пожалеть землячек; из отобранных денег он дал им по 3 рубля. Я. способен к любви и постоянно убегает к любовнице, живущей в какой-то деревне, где его постоянно ловят.

Постоянно наводняющая Сибирь бродяжеские партии так громадны, что ни крестьянству, ни земской полиции, при помощи первых, невозможно сдержать эти армии. У крестьянства ловля бродяг отняла бы все рабочее время, завлекла бы в бесчисленные и бесконечные судебные процессы, наконец, вызвала бы опасную для крестьян месть бродяг. Таким образом, сибирские крестьянские общества установили обычное право, на основании которого проход бродяг по деревням свободен, обеспечена им милостыня, а иногда есть возможность труда. Поэтому только важные уголовные преступления бродяг вызывают крестьянские облавы. Вот как, например, рассказывал бродяга о своем проходе через деревню тобольской губернии, где было получено предписание начальства

забирать бродяг. Бродяги пошли побираться по деревне и наткнулись на крестьянскую сходку, где крестьяне рассуждали о новом приказании. Когда они подошли, то мужики объявили им, что их приказано забирать. Бродяги опустили головы; но один из стариков вступился за них. «Ступайте, ступайте! — сказал он, — мы забирать вас не будем; у нас и в старину не забирали вас и мы не станем начинать; идите, собирайте милостыню, только теперь ночевать вам здесь нельзя: опасно да и нас вляпаете. Идите с Богом!». Тем и кончили дело.

Отношения крестьянства к бродяжеству тогда только изменяются, когда последними делаются наглые нарушения его спокойствия и возмутительные преступления. Тогда волость, где это случилось, объявляет войну бродягам и забирает их без разбору. Война, однако, понемногу утихает, и крестьянство по миновании чрезвычайных обстоятельств восстанавливает обычное право прохода, и сельские власти начинают смотреть сквозь пальцы.

Бродяжество в Сибири стоит совершенно в других условиях, чем в России. В России бродяга идет скромно и тихо, только ночью; если он беспаспортен и подозрителен, — среди большого населения, бдительного и непривыкшего покровительствовать ему, боясь быть пойманным, он ведет себя скромно и не делает преступлений, а потому является личностью безвредной. Важно также, что личность бродяги в России другого сорта: он не ссыльный, не осторожный житель и не преступник, а только беспаспортный человек; притом число бродяжащих там все-таки незначительно. В Сибири другое дело. Крестьянин, поставленный вне возможности ловить столько народу, предоставил им по необходимости свободный проход и столкнулся со всем злом, какое содержит в себе бродяжество ссыльных. Сибирское бродяжество в общем своем явлении далеко не мирного характера, хотя на вид смиренничает. Понятно, что люди бродячие вынуждены, большей частью, питаться попрошайничеством, воровством и обманами. Сведем в общее все бродяжеские профессии, и мы увидим, как бродяжество тяжело ложится на крестьянство. Делание фальшивых ассигнаций, которое ведет крестьян в острог и разоряет, знахарство, колдовство, шарлатанство и надувательства всякого рода, воровство,

без которого не может прожить ни один бродяга, наконец, нищенство нескольких тысяч человек, — все это действует, конечно, разорительно и не может не быть чувствительным. С бродяжеством на крестьянство обрушились и тучи преступлений, совершаемых во время прохода беглых. Воровство так постоянно и так громадно, что влияет на благосостояние крестьян, часто лишаящихся, через увод бродягами последней скотины, даже возможности дальнейшего существования. Сверх того бродяги часто умыкают женщин, жен и дочерей крестьянских с пашен и из лесу; производят на дорогах нападения и насилия над ними; сельские дороги вообще не безопасны. Старики, женщины-богомолки, дети и все беззащитные постоянно подвергаются нападениям и ограблению бродягами. Убийства и грабежи в округах, посещаемых бродяжеством, нередки. Много находят и неизвестно кем убитых мертвых тел: один наблюдатель насчитал в одной Иркутской губернии в один год 55 таких найденных тел. При розыске таких преступлений в уездах и округах крестьянству иногда приходится силой брать бродяжащих преступников, и оно же несет жертвы в этих боях.

Ввиду всего этого сибирское крестьянство создало самосуд, и таким образом, образовался «закон Линча» на нашей почве. Там, где общество не могло еще устроиться и организовать правильный суд и полицию, а между тем преступные нарушения общественной безопасности очень явны и возмутительны, там оно естественно прибегает к быстрым и решительным средствам, чтобы сколько-нибудь обуздать зло.

Крестьянин не щадит в своей расправе бродягу за преступление, особенно за воровство; за самой незначительной украденной вещь крестьянин часто гонится без устали десятки верст; иногда погони совершаются даже гуртом. Всех бродяг на пути обыскивают и виновного жестоко избивают до полусмерти. Обыкновенно такого бродягу бьют дрючками — дубинами в руку толщиной и иногда в сажень длины; иногда бьют по пяткам, по-китайски, «подковывают»; я видел битых таким образом: у одного из них впоследствии постоянно с ног слезала кожа. Если за вором гонится один хозяин, как это и бывает в большинстве случаев, то расправа коротка и пуля неминуема. Расправа за преступления в деревнях

делается на виду и целым обществом; даже старухи и ребята принимают в ней участие. Смертные приговоры при этом также не редкость. Хотя бы об убийстве бродяги кем-нибудь из крестьян и знала вся деревня, — она молчит и убийцы не выдаст; поэтому крестьяне, не стесняясь, стреляют и даже целым обществом расстреливают бродягу, давшего им к этому повод своим поведением.

Если к экстренным мерам прибегало начальство и создавало в Сибири военные суды для обуздания ссыльных и устрашения их, в виду особенно развитых преступлений в Сибири, то нечего удивляться, что крестьянство в виду страшного вреда, наносимого ему, обратилось к тем же мерам. Ими оно не достигло цели, но хоть сколько-нибудь дисциплинировало распушенную и осаждающую его массу. Оно все-таки предписало бродяжеству свои законы и заставило выполнять их: оно принудило его, под страхом наказаний и лишения милостыни, не ходить толпами по деревням, заставило не разорять крестьянских построек и балаганов на полях, наконец, предписало ходить без оружия и дозволило иметь нож не более двух вершков, и то с отломленным концом. Это правило так утвердилось, что бродяги приписывают его предписанию официального закона, как они и уверяли нас.

Крестьянство управляло и управляет бродягами террором, и только этим вынудило исполнять свои требования. Террор поддерживается систематически: иногда не находят виновного, и гонения крестьян обрушиваются на всех. «Вы все одной шайки», — говорят им. Бьют их за воровство, бьют по случайности, по подозрению.

Привычка расправляться с бродягами смертью последних создала в Сибири систему безразборного истребления бродяг и породила бесчеловечный промысел этими убийствами. Это — род охоты за бродягами и обирание убитых; к ней дал повод, конечно, ничем не гарантированная жизнь бродяг и безответственность за них. От этих промыслов, которыми занимаются некоторые сибирские крестьяне, и получила известная пословица: «белка стоит 5 копеек, а с горбуна все на полтину возьмешь». В Сибири есть местности, прославившиеся избиением бродяг. Около Фингуля есть колки (редкий лес), про которые бродяги говорят: «здесь нет столько лесу,

сколько нашего брата положено в сырую землю». Про речку Карасук в томской губернии говорят: «Карасук уж провонял: так его завалили нашими бродягами». Бьют бродяг по дорогам и по рекам. Крестьянин Романов, например, выезжал за деревню и ложился в колки поджидать бродяг и стрелял проходящих по дороге. Крестьянин Битков стрелял с берега в плывущих по реке. Говорят, что бывали крестьяне, убивавшие по 60, 90 и более человек бродяг. Бродяги со своей стороны старались мстить таким крестьянам-убийцам и только выжидали случая.

Начало этой ожесточенной и упорной борьбы коренится в далеком прошлом, когда каторжное бродяжество было сильно и дерзко в Сибири, когда оно ходило шайками по деревням, подобно князю Баратаеву с каторжными, и давало крестьянству генеральные сражения. Об этой борьбе и теперь еще сохранились предания. Так один старый бродяга рассказывал, что еще в 1838 году в иркутской губернии 60 человек бродяг окружили одну крестьянскую займку, перевязали крестьян, обобрали имущество и винтовки и ушли. Связанные крестьяне развязали друг друга зубами, пустились в деревню, подняли своих односельцев и отправились преследовать бродяг, нагнали их в лесу, и завязалась сильная перестрелка; наконец, крестьяне начали загонять бродяг в болото, где погибли те, кто не был убит. Много и других преданий существует о столкновении таких шайек. Победа в конце концов все-таки оставалась за крестьянами и развила в них ту смелость и самонадеянность, с какой они относятся к бродягам и доньне. Из оборонительного положения крестьяне перешли в наступательное и скоро пустились тайком истреблять бродяг по всей Сибири. Били и бьют бродяг не только инородцы, как забайкальские буряты, но и все сибирское крестьянство от Якутска до Урала. Это была не случайность, не индивидуальная жестокость, но довольно единодушная и согласная оппозиция ссыльному бродяжеству со стороны всего оседлого крестьянства. Как ни сильно было развито истребление бродяг, но уничтожить их само собой крестьянство было не в состоянии: наводнение ссылкой было слишком велико и постоянно возобновлялось. Все, что смогло и умело сделать крестьянство, это — сколько-нибудь

усмирить дерзкие проявления бродяжества, разбить его силы и заставить его опуститься до обыкновенных нищих и мелких воров, которые страшатся крестьянина, как своего властелина и страшного судью. Истребление бродяг и жестокий промысел на них, конечно, нынче уменьшился: некоторые места Сибири уже слишком заселены и гражданственны для этого, например, тобольская губерния; буряты иркутской губернии уже не бьют бродяг, как прежде; крестьяне не так явно действуют и в других местах. Но бродяжество не уменьшилось в Сибири: оно также велико и в том же положении; преступления бродяг хотя измельчали, но так же часты, а потому борьба с бродяжеством еще не окончена. Она перешла только в таинственные тайги, где выполняются по-прежнему роковые приговоры за преступления; но как ни скрывалась бы теперь эта борьба темнотой леса, мы все-таки видим в ней две резко рисующиеся фигуры, имеющие свое историческое значение: одна — это представитель штрафной колонизации, бегущей от ссылки; другая — это крестьянин, представитель гражданственности, с винтовкой в руке защищающий свой дом, имущество, семью и все свое благосостояние.

К таким столкновениям послужило соединение двух противоположных элементов Сибири. В широком значении на истребление бродяг посмотрел уже один из писателей, беспристрастно наблюдавший Сибирь. Мы говорим о Д. Завалишине. Видя в упомянутом явлении оппозицию ссылке и результатам ее, он приходит к заключению, что может быть только это истребление бродяг не дало развиваться до чудовищных размеров тому злу и преступлениям, какие могли покрыть Сибирь при громадном числе бродячего штрафного населения. Мы сказали, что крестьянство силилось такими средствами если не истребить, то дисциплинировать ссыльных. Чувствами этих представителей гражданственности и должно измеряться влияние ссылки; при усиливающемся развитии края и создавшейся в нем гражданской жизни необходимо взглянуть на нее с точки зрения безопасности и интересов местного населения.

Источник: Ядринцев, Н.М. «Русская община в тюрьме и ссылке», 1872.

11. Бродяжничество в истории России

Перед нами бродяги — люди без призвания, не имеющее ни известного жилища, ни средств к существованию, которые не заняты ни ремеслом, ни промыслом. Этот первообраз всех классов злодеев, встречающийся, как неизбежное явление везде, где производится непозволительная и запрещенная законом торговля, где существует преступная промышленность, — то прозябание, которое получает материалы для питания в больших городах. Такого сорта бродяга и родятся неизбежно в той части населения, которая растет и прозябает в этих больших городах и, по причине непрочных средств к существованию, впадает в крайнюю нищету. Сюда входят и взрослые и оборванные дети, которые лишились родителей или покинуты ими. Дети, которые, оставаясь без отцовского крова, вертятся на бойких местах главных улиц, на площадях и бульварах Парижа и Лондона, стали появляться и в наших Москве и Петербурге в увеличивающейся прогрессии. Они живут плодами своей навязчивости, милостынею или мелким воровством, и у нас в столицах начинают изредка собираться в воровские шайки или приставать к взрослым ворами.

У настоящих городских бродяг нет ни очага, ни угла, но они — обычные и всегдашние хозяева тех зловонных и несчастных вертепов, которые открыты для всех проходящих и помещены, по большей части, во всех больших домах, окружающих самые большие рынки (каковы: Сенная с домом

Вяземского в Петербурге и Лубянка с домом Шипова в Москве). Отсюда эти бродяги — гиблые прозябания больших городов, люди, занятые единственно настоящим днем, стекаются и толпятся на толкучках, чтобы там легким промыслом («в Европе легкою я ничтожною услугою») добыть себе хлеб и медную монету на приварок или горячее и горячительное, — и то только на насущный день. Везде, где частная благотворительность раздает милостыню, бродяги эти, в виде нищих, являются в полном составе: будут ли то церковная паперть в торжественные дни, или крыльцо и дворы купеческих и барских домов во время похорон или поминок. Нельзя при этом не заметить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своих подаваний такие места, где, по преимуществу, привыкли собираться бродяги, и, желая быть тароватой и искренней, благотворительность умеет сделаться, таким образом, вредной и даже преступной. Бродяжество редко остается в собственных своих границах, но всегда слито с нищенством и воровством — его неизбежными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство — единственный выход для бродяг и прямая опора для бродяжества. На средства, добытые этим ремеслом, бродяга умеют поддерживать новобранцев и трусливых, закрепляя, таким образом, артельные связи и подкрепляя общий закон, в силу которого легкость добычи уничтожат в бродягах понятие о ценности важных в городской жизни денег. Бродяги тратят их с необузданной расточительностью и поразительной быстротой; безграничное пьянство становится их прямым наслаждением и, при благоприятных поводах, превращается в жизненную цель, для которой предел заключается в смерти. Все места общественных собраний, народных сходок — для них места поживы. Беспорядочная жизнь их составлена из двух половин: одна часть принадлежит занятию ремеслом (дневная), а другая — игре и пьянству (ночная). Игра и пьянство — две страсти, соперничающие между собой в жизни этого погибельного класса людей. Они обе творят с ними изумительные превращения: из легко одетых, большей частью оборванных, они в несколько часов становятся почти совершенно голыми и только это последнее обстоятельство способно останавливать от выхода на промы-

сел, страсть к которому превращается в некоторый род хронической болезни. Летом они живут под открытым небом, зимой — в самых грязных притонах подозрительных домов. Они, впрочем, привыкли спать и на голых камнях, когда не счастливит добыча; привыкли и голодать и умеют приноравливаться ко всякого рода нуждам и лишениям. Бродяжество, соединенное с воровством, до такой степени сильно затягивающее в себя болото, что люди, попавшие в него, редко бывают способны освободиться. Возвращаемые к оседлости теми или другими случайными способами, они 10–20 раз покидают родительские семьи и хозяев, чтобы снова удариться в бродяжество и пуститься на воровство. Они снова шарят в чужих карманах, высматривают слабые места в чужих квартирах, снова растрачивают добытое и собственные силы только на наслаждения, ради него продавая и носильное платье и все, что продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослых, но существует и вынужденное — для детей. Отец-ремесленник истощает работой своего сына, хозяин-мастер, принявший из деревни мальчика, не кормит его до тех пор, пока ученик не исполнит заданного урока, тяжелого и для взрослого работника, сурово наказывает, больно бьет, обещается прогнать назад свиней пасти; измученный мальчик бежит и из родительского дома и с хозяйской квартиры, как с каторги.

Разумеется, бродяжество, нищенство, даже воровство — только печальные последствия, вынуждаемые законами необходимости.

Совершенно особняком ото всех указанных нами видов бродячества, в подчинении собственным законам, стоит другое явление в народной жизни, на которое указывают сибирские табели, учитывающие сосланных за бродяжество. В группах настоящих бродяг большая половина принадлежит тем, которые сказались непомнящими родства, но, в сущности, вовсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прозвание бродяг и считать их опасными и тем более преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшие обменять неблагоприятные места родины на лучшие, без дозволения начальств, но по принуждению многочисленных обстоятельств, неблагоприятных оседло-

сти. Они упорно отказывались объявить свое звание и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапным способом, туда, где все для них кончено, но, под охраной закона, получить право на оседлость там, где и по слухам и по пословице: «хотя и не растут яблоки, но люди не мрут с голода». Большие толпы людей, ссылаемых в Сибирь за бродяжество, те переселенцы, у которых отнято право добровольного выбора мест внутри России и заменено способом принудительного переселения и казенных приемов под видом ссылки на поселение в Сибирь. Им не удалось довести своего предприятия до конца (они пойманы во время самой работы) и, вместо того, чтобы воспользоваться плодами своих исканий, на этот раз принуждены видеть свое дело испорченным. Им указано вести его сначала при всех неудобствах ссылки и невыгодах принудительного поселения. Их признали за виноватых и назвали преступными. Их ссылают в Сибирь за бродяжество, но за ними историческое право, не допускающее преступности в этом характерном явлении нашего отечества.

В России известные формы народных передвижений, называемых в наши времена бродяжеством, прошли через всю историческую жизнь народа, под благоприятным влиянием времен удельно-вечевого периода. Оно сохранялось как живое и неизбежное начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ощупью добираясь до начал государственных, неблагоприятных этому бесконечному и непрерывному шатанию из края в край, из одной области в другую. Когда из Москвы начали высылать ограничения этому народному передвижению и думали остановить народные стремления «брести врозь», явилась русская Сибирь, обязанная своим бытием именно этому стесняемому свойству, неразрывно слитому со всеми другими свойствами, и тем людям, которые назывались сначала вольными, потом получили прозвище гулящих и, наконец, названы бродягами. Вольные люди до Иванов московских, гулящие при них до Петра, беглые при нем и бродяги после него до наших дней — все одни и те же представители коренного народного свойства, стремившегося осилить и оживить обширные равнинные пространства, на которые набрел русский народ и которые легли неодолимым соблазном перед

ним, успев осознать самого себя и собственный силы. Бродяжество несло государству громадные выгоды и было одним из правильных и законных явлений.

Новгородские бродяги — вольные люди, уходившие из Новгорода и его волостей в силу общего народного настроения на торговлю и промысел или выгоняемые смутами и неурядицей, — эти вольные люди населили весь север России. В странствиях, придерживаясь рек, этим бродяжеством своим сумели оживить самые отдаленные страны, каковы закамские и сибирские. Избрав привольное любое место, эти вольные люди копили на святую Софию (а потом и на государя московского) слободы из таких же вольных людей, бродяг, известных на старинном языке под именем прибылых людей. В пределах России они устояли под защитой частных собственников, сильных капиталом и влиянием и являвшихся на помощь к ним или в виде частных лиц — служилых людей, или в форме общин, каковы монастыри. В пределах Сибири те же промышленные поселения устояли под защитой острогов и под охраною тех бродяг, которые назывались в старой России казаками.

Далеко потом, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тот элемент, который породит на Руси казачество, быстро и свободно заселил украины, приобрел государству много новых земель и земель, покорит много непокорных народов и уступчивых народцев, когда этот древний элемент народного духа вменен был народу в преступление, прежние вольные люди названы были гулящими людьми, — бродяжество еще продолжало руководить народным инстинктом. Инстинкт этот сказывался отысканием новых мест, лучших, прибыльных и привольных. Это искание какой-то обетованной земли руководило народом долгие годы потом. Живет оно в нем и теперь, даже и после полуторастилетнего существования законов, вменяющих народу «бродяжество» в преступление. Оно, под разными формами и именами, пережило в последние полтора столетия самые трудные для него жизни, но представляют те же питательные средства, какими богата была древняя Русь и не бедна новая. Теперь, когда казалось, так прочен и надежен государственный строй, добровольный переход с худых мест

на лучшие, не заканчивая своей истории, ведет ее повесть с такими же подробностями, хотя уже не так смело и открыто, но так же приметно и настойчиво.

Один ничтожный, неопределенный слух, распущенный какими-нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нередко беглыми помещичьими людьми и крестьянами), достаточно силен был для того, чтобы и во время крепостного права поднимать с места сотни и тысячи оседлого населения и вести их в неизвестность, в какую-то призрачную, дальнюю обетованную землю. Так было это в 1825 году с помещичьими крестьянами 20 губерний, между которыми Пензенская, Симбирская и Саратовская поступились значительным количеством своего населения, выступившего на «новую линию» и дошедшего уже до пределов Уральского войска с целью разыскать расхваленную и благодатную реку Дарью. Волновался народ слухом о каком-то сенатском указе и, называя его указом 23 февраля 1823 года, верил в то, что господским крестьянам дозволено селиться на казенных землях за рекой Уралом, что для этого им объявлена полная воля, и кто захочет, тот и может селиться. Народ шел пешком без денег и без хлебных припасов, питаясь подаванием; шел без жен, без детей, оставляя семейства и хозяйства на произвол судьбы. Идя дорогой, не только ни один не совершил преступления, но даже и маловажного проступка, оставив лишь на местах подъема следы не только неповиновения и ослушания помещикам и управляющим, но и следы мятежей и своеволия. Всем хотелось дойти без препятствий до счастливых мест, где на осетрах бабы колотят выполосканное белье, где на всякую избу тотчас по приходу дают всякого скота и птиц вдоволь и где всякий, придя в готовую избу, на дубовом столе найдет 500 рублей на обзаведение всем нужным в хозяйстве. Женщины оставались дома дожидаться подкрепления слухов, а мимошедших снабжали холстами, пряжей, деньгами, хлебом, прося записать их на «новой линии». В подкрепление слухов рассказывали, что сам император Александр I и великий князь Константин Павлович объявили крестьянам свободу и сами поехали выбирать им места, что киргизский хан, по просьбе своих, изъявил желание населить свои земли русскими людьми, что государю

это понравилось, и он уже советовался с Аракчеевым и велел сенату писать указы; к сенату пристал и синод, и проч. Разглашали слухи и проясняли их прежде всех, разумеется, бывалые люди — отставные солдаты; затем купеческие дети и сами сбежавшие крестьяне других губерний. Лицо духовного звания — как и быть надо — пономарь, открыл на пути канцелярию для снабжения желающих фальшивыми паспортами. Все число сбежавших крестьян только из трех соседних к линии губерний (Пензенской, Симбирской и Саратовской) простирается до 2084 человек. Из этого числа наибольшую часть успели задержать на местах; другую возвратили из Оренбурга и Уральска (802) в ножных кандалах и за караулом от внутренней стражи. Кроме того, в Симбирской губернии поймано беглых помещичьих крестьян других губерний 203 человека. (Пензенской — 86, Саратовской — 48, Нижегородской — 89, Казанской — 15, Тамбовской — 1, Рязанской — 18, Вологодской — 1; в Курмышском уезде поймано 85 человек из Нижегородской губернии). Однако из всего числа бежавших 27 пропало без вести, 20 умерло в дороге, восемь человек товарищи отбили из-под караула; многие успели ускользнуть от учета. Как велик был прилив народа в Оренбургскую губернию, можно отчасти судить по тому, что из одного уфимского казначейства израсходовано на отправку беглых крестьян 15882 рублей 70 копеек. Очень многих местное начальство под видом бродяг и целыми семьями отослало в Сибирь на поселение. По исследованиям сенатора князя А.А. Долгорукого, главной причиной побегов было нелепое толкование распоряжений, предписанных указом 23 февраля 1823 года относительно бродяг.

В 1847 году большая часть Витебской губернии двинулась к Петербургу и уже под Порховым остановлена была вооруженной силой. Сколько раз подобные же слухи шевелили и поднимали большие массы народа во многих других губерниях, как случалось, например, в Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Киевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преследуя все подобного рода движения и народные заявления и сурово устраняя ближайшие причины, — преследователи оставляли в почве корни, из которых один вырван великим актом освобождения от

крепостного сословия; другие корни остались в почве. Малоземелье в хлеботородных южных местах, неурожай, нередко из года в год в местах лесных и болотистых до сих пор вместе с другими причинами дают этим скрытым корням питательные соки в достаточной мере.

С поразительной очевидностью Сибирь ежегодно убеждается в том, что наибольшее количество ссылаемых за «бродяжество» является из южных губерний степной полосы России. Средняя цифра принадлежит внутренним губерниям средней полосы (в большей мере подмосковным в меньшей — западным). Самая малая, сравнительно ничтожная цифра падает на северные губернии и остзейские. Сильное на юге народное переселение слабеет в центре и уничтожается на севере. Оно, как бы набалованное условиями теплого климата и продолжительностью благоприятных времен года, ослабевает, истощаясь в своих силах при близости полярных холодов, и пропадает в непроходимых, темных и ненаселенных лесах севера, на топких и скудных тундрах и болотах его. Приволье степей увеличивает его размеры и, расширяя пути, дает готовые тропы. Неприветливость северных лесов заслоняет эти пути, теряющиеся в непроходимых чащах, и замечает снежными сугробами те дороги, которые легко укладываются в любом месте в степи. Условия народной жизни изменились. Применение труда и народных сил приняло другое направление, противоположное тому, за которым до сих пор следила история.

Во времена от нас далекие, когда южные степи оберегались воинственными кочевниками восьми наименований, разбивавшими и разрушавшими жизнь русских славян на юге, вся сила движения направлена была в противоположную сторону, на север. В первобытных, непочатых лесах его внедрились два богатыря: Москва и Новгород. Когда первой удалось притянуть к себе все разрозненные, но однородные части и составить сильное целое, второй уже успел осилить новые препоны и дал народному движению новое направление на восток — в Сибирь. На севере от степей продолжала укрепляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своей самобытностью и изумительная по необычайным успехам колонизации. Вольные люди

искали новых земель и оживляли трудом своим те, которые удалось занять при содействии собственных общин или по призыву богатых собственников, между которыми в ряду колонизаторов очутились даже монастырские общины и, притом оказались самыми способными и опытными, к которым охотнее приставали прежние вольные люди. Частное право перехода от одного владельца к другому, более выгодному, с бесплодных земель на плодородные, стало на севере из обычного права народным, вошло в последующие узаконения, служило народу выходом на несчастные случаи, неблагоприятные для оседлости. Суровый климат и неблагоприятная почва, встретившие пришельцев невзгодами повальных болезней и частым голодом от неурожая, закрепили за народом право перемещать место как естественное. К негостеприимной стране и неблагоприятным займищам и урочищам народ мог применяться на время, но не был в состоянии прикрепитьсь навсегда. Побежденные природой и желавшие пользоваться естественным человеческим правом свободы, уходили на призыв хвастливого и тароватого. Равным образом, снимались и с тех мест, где земля не давала надежных всходов и где прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тех времен, страшными опустошениями и грабежами. Население, оживлявшее леса и боровшееся со всеми препятствиями, встреченными в них, продолжало находиться в постоянном движении и кочевало по тому же способу, как и те аборигены страны, которых вытесняли они с лучших мест. При отсутствии граней в русской земле, это скитание по лесам было бесконечным и вело народ к какому-то оседлому кочевью, «где — по словам одного из историков — всякая оседлость казалась временной, а всякий переход совершался оседлости ради». Таким образом, самое завоевание так же кочевало, как и племена; но завоевание на этот раз увенчалось тем успехом, что вся громадная лесная равнина осталась за восточным славянским племенем. Здесь, в пределах этой равнины, главным образом сосредоточивалось это кочевье оседлого народа и находилось в полном разгаре, являлось бесконечным даже и на то время, когда Московскому царству показалось оно и несвоевременным и вредным. Годуновский указ о прикреплении народа к той земле, на ко-

торой кого застал указ, оказался только сильной попыткой остановить народные стремления перемещать места под тем или другим предлогом, от той или другой причины, которые на времена первых трех царей из дома Романовых оставались те же. Число пришлых людей на первое время уменьшилось, но пределы расширились приобретением новых стран и очисткой хлеботорных и соблазнительных степей от элементов, до сих пор одерживавших стремление русского народа в эту сторону. Не сильное в начале, но такое же устойчивое и здесь, как и на севере, такое же неуступчивое ко всяким препонам, народное передвижение заручилось новыми поводами, выразившимися в крутых и суровых преследованиях за старую веру и новые религиозные толки. При втором из Романовых, царе Алексее, народное движение, вызванное новыми невзгодами, стремилось и по старым тропам на восток, в Сибирь, бросалось и в обратную, на север, к шведским рубежам, кидалось в отчаянии и по новым сиротским дорогам на донские и приволжские степи, искало помощи и защиты и на западе, за рубежом литовским. Как до сих пор Новгород стремился на восток, так теперь Москва устремилась и на юг и на запад, куда ни пошло.

В таком народном брожении принял Россию Петр, думавший установить государственный строй по опытам и образцам Европы, но в этих стремлениях сумевший дать народу новые поводы к протесту против нововведений. Тем же бегством в разные и дальние стороны ответил народ на указ Петра о ревизии, на последующее указы его о рекрутстве, преследовали за старую веру, на прикрепление к заводам и тяжелые непривычные работы и проч. Расширение владельческих прав под именем крепостного, сурово выразившееся при Анне и достигшее своего полного апогея при Екатерине II, дало новые питательные соки народному стремлению к перемене места. Народ бежал и от второй ревизии при Елизавете, и от рекрутства, обратившегося в государственный принцип и затрагивавшего чувствительные семейные узы в самых здоровых звеньях и узлах. От нередких и всегда неожиданных хозяйственных кризисов народ также по-прежнему спешил подниматься с насиженного места и шел искать приволья и счастья там, где укажут ему

старинные предания или сегодняшний заманчивый слух, пущенный какими-нибудь доброхотом.

Как некогда Сибирь была для народа той обетованной страной, где бабы бьют соболей коромыслами, таки потом, когда народ распознал, что и в Сибири то же солнышко светит, Ханаан его стал в степях, сначала оренбургских, потом новороссийских. В настоящее время он ждет новых указаний, но частями не остановил своих стремлений по знакомым и старым тропам. Сомнения нет в том, что с половины прошлого века высказался перелив населения с севера на юг, и мы, во всяком случае, переживаем то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца. Народ еще не кончил своей роли и не изменил своему призванию как колонизатора. Как прежде ни запретные указы царей и сената потом, ни напряженные усилия прежних сыскных и последующий воинских команд не клали препон, так и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народ отказался от миссии, которую он выдержал с таким успехом и которую осязательно выразил в стремлениях к обладанию Азией. Временные кровавые уроки народ скоро забывал, но наболевшее место продолжало по-прежнему жить в народном организме и сказываться при первом, даже легком уколе. Способ лечения посредством так называемой паспортной системы — как всеми и давно известно — не имели никакого успеха, а огромная корпорация старообрядцев приняла паспорт за печать антихриста...

Всматриваясь с большей подробностью в различные виды скитальцев, мы видим, что многие из них, по разнообразным вызовам, основали свое право на экономических условиях страны и представляются тем законным явлением, без которого не полна народная жизнь. Для них скитальчество — наружная форма: одни из скитальцев стоят под защитой коренного народного свойства — всеобщего стремления к так называемому благотворению; другие прикрылись ремеслом; для третьих оказался удобным промысел; четвертые бродят под видом торговцев и проч.

Нет тех сил, которые могли бы остановить целые массы народа, движимые принципом религиозности и увлекаемые к местам, почему бы то ни было признанным наро-

дом за священные. Нет тех знаний, которые были бы способны разграничить искренние религиозные побуждения с меркантильными, чисто коммерческими предприятиями, только снаружи прикрытыми маской неподдельного религиозного чувства. Нет тех средств, которые могли бы противостоять наплыву масс шарлатанов и обманщиков, которые под видом духовного дела ведут мелочную торговлю, спекулируют на религиозных верованиях таким же нечистым промыслом и, устраивая на той и на другом свое личное благосостояние, в то же время поддерживают в народе суеверия, питают в нем крупные и многочисленные остатки язычества. Для таковых обетные хождения по святым местам русским, ближним и отдаленным, сделались целью существования, превратились в вечное движение, бесконечное скитание, в хроническую болезнь, в промысел. Люди эти понятны народу и любезны ему: нет того места в России, для которого не было бы своего Иерусалима, какого-нибудь города или села, или родника с чудотворной местно-чтимой иконой, с подспудными мощами святого подвижника и целителя телесных и душевных недугов. Обетное хождение к таким местам с молитвой вменяется в обязанность всякому желающему получить облегчение и от грехов и от недугов. Восходя мыслью об обрядном обязательстве хождения по святым местам, народ наш особенно чтит дальние святые места. В мучительно-трудном пути к этим местам он видит один из путей к облегчению душевных скорбей и вероятие достижения блаженства в райской загробной жизни. Вот почему Соловецкий монастырь, удаленный за лесами и болотами и поставленный среди моря «на отоке океана», считает ежегодно богомольцев и рубли, оставленные ими, тысячами и путешествие в Сирийский Иерусалим, через землю неверных и зловерных, считается верхом торжества для души, ищущей земного спокойствия. Лавры Троицко-Сергиевская и Киево-Печерская, непременно достигаемые пешим способом со вкушением всяческих невзгод, для жителя северных лесных губерний (вторая) и для жителей степных южных (первая) приближать радость утешения, всецело доставляемую собственно лишь одним Иерусалимом.

Видя в самом процессе трудного пешего путешествия богоугодный подвиг, задавшись мыслью и твердо стоя на положении, что только та молитва скорее идет к небу, которая у самых нетленных тел препоручена заступникам и угодникам Божиим, народ видит затем во всех странниках подобного рода счастливых, божьих людей. Препоручая себя молитвам этих людей, народ везде, на всех пунктах (даже и на больших торных дорогах), дает этим странникам бесплатный приют, даровой прокорм и деньги в натуре на дальнюю путь-дорогу и на заздравную и заупокойную просфоры. Главнее всего, с этих странников берут обещание, приправляемое усердной просьбой, не оставлять их святыми подарками на обратном пути и не обходить их избы окольной дорогой, не принеся им тех освященных памяток, какими с избытком запасаются монахи святых мест и какими в обилии снабжают они богомольцев. Не знают того и не хотят знать простые и доверчивые деревенские люди, что почасту мимо них проходят в Соловки такие артели, которые в прошлом году бродили около Москвы, года через два очутятся в Киеве, еще через несколько лет попадут на Афон и в Иерусалим. Не знают они, что вся жизнь артелей этих проходить в постоянном, неутомимом бродяжестве, что бродяжество успело опутать их соблазнами и тенетами легкого промысла так, что многие странники сами не видят во мнимом спасении своем греха против личной совести и против общества. Нет нужды решать такие дела, где замешалось дело совести — самые темные дела, судить которые народ наш, по многовековой привычке, не умеет и не любит. Охотно слушает он потом рассказы о всех необычайных явлениях вроде стона грешных душ, слышимых во аде через отверстие в иерусалимском храме, и верит им всей слепотой своего ума, всей восприимчивостью своего сердца, боясь не доверять им из страха смерти. Верит народ в обоих случаях и тому рассказчику, который сам воспринял все слышанное и виденное на свою слепую веру, и тому, который лживо-привычной и медово-сладкой речью хитро прикрывает личное безверие и, выкладывая с языка рассказы о чудесах, в уме своем раскладывает счеты и грешные соображения о количестве и качестве денежных и других наград за повествования.

Насколько слепо в народе доверие, производимое религиозными возбуждениями, и насколько простосердечна вера, преданная разумению одной внешней обрядности, настолько часты в жизни народа такие заключения, которые происходят от обманов и подлогов, употребляемых людьми хитрыми и злонамеренными. Сколько раз ловила в разных местностях России наша немудрая земская полиция целые шайки бродяг с перламутровыми образами и крестами, с поддельными частицами мощей и отломков от креста Христова, бродяг, переодетых в монашеское платье и выдававших себя за греков из Иерусалима или с Афонской горы. Нахичеванские армяне такие подлоги обратили в особый вид промысла и коммерческого предприятия, основанного на запасе вещами, хорошо идущими в торговле: камешками разного вида, обрывками, четками, евангелиями, кусочками разного рода и даже песком, уверяя, что все это из Иерусалима и что деньги собирают на гроб Господень. И сколько еще ходит по большим и столичным городам таких странников в полумонашеском платье, которые со смирением на лицах повествуют о сверхъестественных явлениях, но сбиваются на географических и других показаниях и потом ловятся в кабаках в пьяном и безобразном виде и без всяких видов.

На всегдашней готовности русского народа к благотворению неимущим, несчастным и страждущим основал раскол самую живую и деятельную сторону своего дела — дело пропаганды, и рассчитано достиг богатых и счастливых результатов. Так называемые «запросчики», в постоянных переходах с места на место полагали свое общественное служение, как долг, радение и священное обязательство общине. Семен Уклеин всю жизнь свою не имел, где главу преклонить, но в итоге увидел то, что молоканство из тамбовских деревень перекинулось на Хопер и с Дона перебралось за Волгу, далеко в Самарскую степь. Кондратий Селиванов, с тем же странническим посохом и в виде бродяги, прошел по черноземной полосе глубоко с юга до Петербурга, посещая хлыстовские «корабли» и сионские «горницы» скопцов. Наконец, из того же принципа бродяжничества возник особый вид раскольничьей секты, известной под именем бегунов или так называемого сопелковского согласия, ревнители

А.И. Герцен. По своему обычаю

которого уже в истинном смысле люди, не имеющие где главу преклонить, по религиозном принципу уходящие в глубь лесов и во мрак подпольев.

На разнообразном пространстве огромной русской земли народные передвижения с места на место для отыскания средств к существованию на стороне, когда их нет на месте, между прочим, разительно высказались в существовании так называемых отхожих промыслов. Из них некоторые многозначительны до того, что выводят население многих местностей поголовно (по крайней мере, на лучшую и здоровую часть его). Как промысел и ремесло, так и торговля искала применения и путей для себя в тех же переходах и скитаниях по лицу земли русской. Эта разнovidная подвижность населения также глубоко скрыла начальные основные корни свои в давних временах народной истории и также не стеснялась пространствами и расстояниями. Как плотники и печники, шерстобиты и шубники уходят вглубь Сибири, так некогда ковровского и вязниковского ходебщика-офеню видали за австрийской границей и считали сотнями за Кавказом и за Уралом, десятками на самых отдаленных окраинах государства, каковы побережья Белого моря и ссыльные места Забайкальского края. С коробком за плечами, с аршином в руках, офеня-разносчик почти круглый год (от середины одной макарьевской ярмарки до начала ее в следующем году) бродил из села в село, с людного базара и малого торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходят с места на место всю зиму, коновалы половину зимы и весну. Хотя кое-какие частные распоряжения и, наконец, самое время и изменения экономического быта, с проведением шоссейных и железных дорог, ослабили это скитальчество торговли, тем не менее, оно производится еще и теперь, хотя и приметно в уменьшенных размерах.

Источник: Максимов С. В. «Сибирь и каторга» (СПб., т. 1-3, 1871)

12. Крестьяне и война 1812 года

Российская элита, уже более ста лет говорившая по-французски и в большей степени настроенная франкофильски, и в 1812 году не утратила связи с французской культурой, а то и французской «цивилизацией».

Даже в самый суровый час русская элита не переставала быть франкоязычной. Она не отреклась ни от своей любви к французским товарам, ни от французского образа жизни. В газете «Московские ведомости» от 31 июля 1812 года, всего за несколько дней до битвы при Смоленске, в рубрике объявлений было и вот такое, совершенно удивительное: «На Петровке, в доме г-жи Раевской, в винном погребе Татона получены разные французские вина в оксофтах, лучших сортов, как то: Медок, Го-Марго, Шато-Лафит, Шато-Марго, Го-Брион, Эрмитаж, вино белое Вейндеграф, старое Французское, Гобарзак, Сотерн, Мадера и всяких сортов французские вина бутылками и ящиками».

Казалось, дворяне не верили, что будет война, и пребывали в растерянности. Вместе с тем они испытывали беспокойство, которое парадоксальным образом было скорее идеологическим, чем военным. В самом деле значительная часть дворянства опасалась подрывного воздействия наполеоновской пропаганды, которая могла именем Просвещения и 1789 года призвать к освобождению крепостных и тем самым свергнуть самодержавие и разрушить существующие порядки.

Уже в мае 1812 года Варвара Бакунина, говоря о Наполеоне, писала в своем дневнике: «Боятся также, что когда он приблизится к русским губерниям и объявит крестьян вольными, то может легко сделаться возмущение».

Подобные смутные опасения начали превращаться в реальную опасность. Через две недели после начала войны генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, волнуясь за свою семью, писал жене: «Если мы наделаем еще глупостей или Тормасов будет разбит, вы должны ехать через Кременчуг на Каширу на своих лошадях. Я боюсь не врага, но прокламаций и вольности, которую Наполеон может обещать крестьянам».

В тот же день он еще более откровенно писал своему другу Самойлову: «Государь пишет, что все силы и сам Бонапарте устремлен на нас. Я сему не верю, и мы не боимся. Если это так, то что же делает первая армия? Я боюсь прокламаций, чтоб не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств. Матушка, жена, будучи одни, не будут знать, что делать».

Таким образом, в июне 1812 года никто не мог сказать с уверенностью, насколько верными и надежными окажутся 30000000 эксплуатируемых крестьян империи перед лицом захватчика.

Русская регулярная армия опиралась на рекрутский набор, зависевший от царских указов. Его размах мог изменяться в зависимости от обстоятельств, но срок службы был фиксированным: солдаты, которых набирали из крепостных крестьян, служили 25 лет. Таким образом, солдатская служба была фактически пожизненной. Крестьянин, уходивший в солдаты, мог забыть про гражданскую жизнь и безвозвратно покидал родных: разрыв с прошлой жизнью был в России более болезненным и более радикальным, чем в наполеоновской Европе. Однако если крестьянину удавалось отслужить эти двадцать пять лет службы, он автоматически освобождался из крепостного состояния и возвращался к гражданской жизни уже свободным человеком.

Почти не осталось свидетельств солдат, переживших эти 25 лет службы в годы войн с Наполеоном. До нас дошли только два текста воспоминаний, довольно короткие, примерно по 40 страниц: эти солдаты, пережившие четверть века в цар-

ской армии, так хорошо научились там читать и писать, что, вернувшись к гражданской жизни, смогли оставить воспоминания о войнах с Наполеоном, искренние, простые и лаконичные. В кампании 1812 года участвовал лишь Памфил Назаров, следовательно, нужно обратить внимание именно на его свидетельство.

Уроженец маленькой деревушки в Тверской губернии, Назаров был призван в армию в сентябре 1812 года в возрасте 20 лет. В годы своей службы он активно участвовал в войне с Наполеоном, сначала в России, затем в Германии и Франции. В сентябре 1816 года он начал самостоятельно учиться читать и писать. Благодаря своей храбрости — в эти годы он неоднократно был ранен — Назаров, обретя в 1836 году свободу, получил пенсию от царя Николая I, что было большой редкостью. Он начал записывать свои воспоминания. Вскоре он открыл в себе страстную веру в Бога, и в 1839 году стал монахом под именем брата Митрофана. На этой дате его воспоминания обрываются — приняв духовный сан, Митрофан перестал писать. Его воспоминания, рассказывающие о детстве, призыве в армию и военных походах, охватывают период с его рождения в 1792 году до пострижения в монахи. И если военным походам 1812–1835 годов он уделяет всего шесть страниц, то, как его забирали в солдаты, он подробно и трогательно рассказывает на пяти страницах. Он описывает свою душевную боль при расставании с семьей; свой стыд, когда его в голом виде, при всех, осматривал военный приемщик, т.е. глава призывного пункта губернии; свое смятение, когда ему пришлось сбрить бороду и снять крестьянскую одежду, чтобы надеть солдатский мундир; трудности привыкания к военной жизни. В первые месяцы своей службы он часто болел и терял сознание от тяжести физических испытаний, к которым его принуждали.

В 1812 году произошло три рекрутских набора. Забирали мужчин от 20 до 40 лет; в общей сложности из каждых 500 мужчин забрали 20, что показывает, сколько людей требовалось на войны с Наполеоном. Как и в Великой армии, существовали физические нормы: русский солдат 1812 года не мог быть ниже 1,55 метра ростом или душевнобольным. Как и во Франции, можно было, по крайней мере теоретиче-

ски, найти себе замену. Но в реальности из-за нехватки денег ни один мужик не мог этим воспользоваться. От воинской службы уходили сыновья купцов и зажиточных лавочников. Царская армия была крестьянской армией.

Пройдя начальное военное обучение в рекрутском депо, новый солдат направлялся в полк, в котором ему предстояло оставаться до самой смерти или, что случалось реже, до окончания 25-летнего срока службы. В этом полку солдата кормили и одевали и — что особенно важно — давали бесценную овчинную шубу, предмет одежды, которого будет так недоставать наполеоновским солдатам. Согласно действующему Полевому уголовному уложению, с солдатом не должны были плохо обращаться. Но реальное положение дел заметно отличалось в разных полках и у разных офицеров, выходцев из дворянства.

Русский солдат, навсегда оторванный от родных, неграмотный, грубоватый и обездоленный, не имел другого выбора, кроме как всей душой прилепиться к своему полку и своим собратьям по несчастью, которые теперь заменяли ему семью. Это было очень важно: в час боя солдат сражался не только и не столько за свою Родину, сколько за свой полк. В каждом воинском соединении была артель, в мирное время занимавшаяся выращиванием хлеба, разведением скота, изготовлением одежды, сапог, инструментов, в общем, всем, что было нужно солдату для улучшения быта. Этот способ организации может показаться архаичным на фоне Великой армии, но он обеспечивал каждому подразделению некоторую самостоятельность и самодостаточность — два весьма ценных фактора в ходе военных действий.

С точки зрения одних французов, почти что «сверхчеловеческая» стойкость русских объяснялась спиртом, которым они напивались перед сражением; другие, подобно генералу Гриуа, относили ее на счет русского религиозного мракобесия и фанатизма: «Я обнаружил четырех русских солдат, выведенных из строя моей артиллерией; у каждого из них не было руки или ноги, но они были еще живы, и вместо того, чтобы жаловаться, чтобы молить о помощи, они, напротив, отказывались от нее и, казалось, были решительно настроены умереть, не сходя с места. Я не стал воображать невесты

что о подобной пассивной храбрости, которую я с тех пор сто раз наблюдал у солдат этого народа и которая, как я считаю, проистекает от их невежества и суеверия. Они умирают, обнимая образ святого Николая, который всегда носят с собой, верят, что отправятся прямоком на небо, и едва ли не благословляют тот удар, что отправляет их туда».

Мирные жители, покидавшие Смоленск в августе 1812 года и скрывающиеся в лесах, также готовы были дорого продать свои жизни и жизни своих семей. Эта решительность, которую подтверждают русские источники, заслуживает внимания. Она показывает, до какой степени размах насилия и разрушений способствовал сплочению народа против завоевателя: «Российские войска 7 числа августа от развалин и пеплу города Смоленска отступили и продолжали идти по дороге, ведущей к древней столице Москве, и неприятелю каждый шаг за ними был затруднителен и стоил крови. Кроме частых авангардных перестрелок он во всех местах на пути находил города и деревни оставленными жителями, кои с собой забирали съестные припасы и имущество; чего не могли забрать, то истребляли сами с сими словами: “Пу-скай не достается врагу нашему”. Некоторые удалялись в города, позади лежащие, а другие скрывались в лесах со своими семействами, вооруженные пиками и ружьями и по мере нападения защищались».

Эта цитата интересна с многих точек зрения. Во-первых, она показывает, что в Смоленске, разрушенном и уничтоженном огнем, Наполеон уже не выглядел освободителем. Манифесты Великой армии, призывающие подниматься против существующего порядка, уже не имели успеха среди перенесших страдания жителей. Кроме того, видно, что стратегия выжженной земли, начатая Барклаем-де-Толли, разрушавшим на своем пути военные здания (склады пороха и провианта) и пути коммуникации (мосты, дороги) получила поддержку мирных жителей еще до гибели Москвы.

В октябре 1812 года французский посланник Лористон на переговорах с Кутузовым сетовал на варварство русских крестьян, готовых покупать у казаков пленных французов, чтобы предавать их мучительной смерти. Кутузов не без иронии ответил, что бессилен прекратить это «варварство»:

«Маршал пересказал те части разговора, которые он счел нужным огласить; он сообщил, что “Лористон пожаловался на варварство русских в отношении французов”, и сказал, что ответил на это, что “он не может в три месяца цивилизовать нацию, которая считает, что ее враг — хуже, чем отряд татарских мародеров Чингисхана”. “Но есть же разница”, — сказал генерал Лористон. “Может быть, но в глазах народа разницы нет, а я могу отвечать только за своих солдат”».

Покинув 14 сентября Москву, армия Кутузова отправилась по Рязанской дороге в юго-восточном направлении. Но даже во время отступления численность русской армии продолжала расти: 110000 солдат Великой армии, которые покинут Москву, Кутузов сможет противопоставить 130000 регулярных бойцов и казаков, а также 120000 ополченцев. Это возрастание численности личного состава сопровождалось изменением природы русской армии, которая, кроме регулярных и нерегулярных (т.е. казачьих) полков, а также появившихся в июле ополчений, теперь включала в себя и партизан. Подобно большому числу дворян и самому Александру I, Кутузов долго не решался вооружить мужиков; но массовый приток в армию переданных владельцами в армию крестьян, которые желали драться, заставил его занять по этому чувствительному вопросу компромиссную позицию: отчизна, оказавшись в беде, должна рассчитывать на всех своих сыновей.

Эти новые войска были поставлены под командование поэта и подполковника Дениса Васильевича Давыдова, который, служа в гусарском полку в авангарде генерала Васильчикова, 3 сентября, т.е. за несколько дней до Бородинского сражения, обратился к Багратиону, а затем к Кутузову за дозволением создать партизанский отряд из 50 гусар и 80 казаков. Модель, созданная Давыдовым, — маленький и чрезвычайно мобильный отряд — была воспроизведена и размножена во время пребывания в Тарутино. Из 26 казачьих полков, только что прибывших в лагерь, были созданы небольшие отряды. «Партизаны», или «вольные стрелки», всегда находившиеся под командованием офицеров регулярной армии, состоявшие по большей части из отрядов легкой кавалерии, к которым присоединялись крестьяне-добро-

вольцы, могли наносить самые разнообразные удары. Они разрушали мосты и дороги, атаковали вражеские линии коммуникации и оккупированные деревни, освобождали и вооружали военнопленных, организовывали засады и военные операции против мародеров, дезертиров и отдельных солдат, которые бродили в поисках провианта и фуража. С момента создания и до конца декабря они превратились в ценных помощников регулярной армии. Их роль была не менее важна в разведке и шпионаже, изучении вражеских коммуникаций и оккупированных территорий, на которых они нередко получали от крестьян ценную информацию.

И хотя порой партизаны грабили точно так же, как и Великая армия, они все равно постепенно внушали на оккупированных территориях и на линии фронта патриотические чувства, не стесняясь самолично наказывать изменников и коллаборационистов. В своем дневнике Давыдов вспоминает, как он приказал высечь помещика, виновного в шпионаже в пользу врага, на глазах у его крестьян. Кроме того, что было совершенно небывалым в русской истории явлением, в некоторых партизанских отрядах воевали женщины — крестьянки, которые решили драться бок о бок со своими отцами, братьями, мужьями, а то и заменяли их после гибели мужчин. Именно так было с Василисой Кожинной. Жена старосты из Смоленской губернии, убитого на ее глазах французскими солдатами, Василиса заняла его пост и организовала партизанский отряд из женщин и подростков. Юная Прасковья, чью фамилию источники нам не сообщают, уроженка Смоленской губернии, тоже организовала отряд женщин, который нападал на отдельных мародеров и фуражиров. Наконец, в Витебской губернии Федора Миронова стала по собственной инициативе разведчицей, и ее храбростью и умом восхищался сам генерал Коновницын.

Значит ли это, что весь народ, весь крестьянский мир поддержал армию и царя и никто не попытался воспользоваться кризисом, дестабилизировавшим государство, чтобы выступить против крепостного права и власти помещиков? В действительности на территории империи возникли сильные волнения. Уже летом в Витебской губернии восставшие крепостные убивали своих помещиков; в сентябре

крестьяне Тверской губернии поднялись против своих господ; в декабре началось восстание в только что составленном ополчении; а в Московской губернии воцарилась анархия. Тем не менее, эти волнения остались ограниченными; они означали не присоединение к французским принципам свободы и братства, но глубокое чувство возмущения злоупотреблениями и мздоимством со стороны управляющими именьями. В сентябре генерал Александр Бенкендорф был послан в Тверь генералом Фердинандом фон Винцингероде, военным комендантом округа, чтобы восстановить порядок и наказать мятежников. Но его отчет оказался неожиданным: вместо того, чтобы уличать крестьян, Бенкендорф заявил, что они невиновны, и обвинил в злоупотреблениях управляющих поместьями и царских чиновников: «Позвольте мне говорить с вами без обиняков. Крестьяне, которых губернатор и другие власти называют возмутившимися, вовсе не возмутились. Некоторые из них отказываются повиноваться своим наглым приказчикам, которые при появлении неприятеля, так же как и их господа, покидают этих самых крестьян, вместо того, чтобы воспользоваться их добрыми намерениями и вести их против неприятеля... Имеют подлость утверждать, будто некоторые из крестьян называют себя французами. Они избивают, где только могут, неприятельские отряды, отправляют в окружные города своих пленников, вооружаются отнятыми у них ружьями и защищают свои очаги... Нет, генерал, не крестьян нужно наказывать, а вот нужно сменить служащих людей, которым следовало бы внушить хороший дух, царящий в народе... Я отвечаю за это своей головой».

Национальное чувство единства, преодолев региональные, культурные и этнические барьеры, пронизало все сословия. Народный взрыв, которого опасались, так и не прогремел; напротив, народ (в особенности крестьяне) проявил лояльность к власти, насильственные выступления остались единичными случаями. Именно в этом корни восхваления народа и армии. Дворяне, опасавшиеся восстания крепостных и теперь успокоенные патриотизмом простых людей, прославляли их храбрость и верность: «В Тамбове все тихо... До нас доходит лишь шум, производимый рекрутами. Мы

живем против рекрутского присутствия, каждое утро нас будят тысячи крестьян: они плачут, пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря, что не о чем горевать, что такова воля Божья. Чем ближе я знакомлюсь с нашим народом, тем более убеждаюсь, что не существует лучшего...»

Однако были и другие, менее благородные, проявления крестьянской активности. После ухода из сожженной Москвы последних французских солдат в ней не оставалось ни полиции, ни армейских частей для обеспечения порядка, и ее грабили окрестные крестьяне: «Неприятель, очищая Москву, поджег то, что еще уцелело от несчастного города; у нас не было никаких средств потушить пожар, который всюду увеличивал беспорядок и бедствия; крестьяне толпою устремились грабить и захватывать магазины с солью, медную монету казначейства и винные погреба. Весь наш отряд, как бы затерявшись в огромном пространстве Москвы, едва был достаточен, чтобы сдерживать чернь, вооруженную оружием, отбитым у неприятеля».

Многочисленные источники указывают на алчность окрестных крестьян, которые, разорившись в результате военных действий, занялись грабежом: «Целыми обозами мужики приезжали в Москву обирать то, чего не успели или не могли ограбить неприятеля: они увозили зеркала, люстры, книги, богатые мебели, фортепьяны, словом, все тащили, что только попадалось им на глаза и в руки».

Среди грабителей были дезертиры и забывшие о дисциплине казаки.

Печальная участь была уготована французам, попавших в руки крестьян.

Каждый день в плен попадало все больше обозов, курьеров, мародеров, раненых и отстававших солдат: к примеру, уже 20 октября под Вязмой партизаны Давыдова атаковали обоз с провизией, находившийся под охраной трех полков, захватили большинство повозок и взяли 500 пленных.

Этих пленных, которых становилось больше и больше (сложно назвать их точное число, но примерно от 150000 до 200000 человек), постигла разная участь. Солдат, попавших в руки партизан или казаков, чаще всего ждала смерть,

часто очень жестокая.

Англичанин Вильсон, не слишком симпатизировавший бойцам Великой армии, подробно описал варварское обращение, которому подвергались пленные. После того, как у них все отбирали, пленных часто казнили на месте, закапывая или сжигая заживо, или передавая крестьянам, которые, подвергнув их пыткам, казнили их, часто с языческими ритуалами: «...всех пленников немедленно и без исключений раздевали догола и заставляли так идти или же бросали на волю случая, на потеху крестьян, чьими жертвами они становились. Когда они пытались приставить дуло к своей голове или груди, чтобы самым быстрым и надежным образом покончить со своими страданиями, крестьяне не всегда позволяли им сделать это; они считали, что подобное облегчение мук “будет оскорбительно для мщения русского Бога и лишит их его защиты в будущем”».

Яркий образец этого жестокого и мстительного духа мы увидели в ходе движения к Вязме.

Милорадович, Беннигсен, Корф и английский генерал, вместе с несколькими другими, двигались по главной дороге, находясь примерно в миле от города, когда они увидели толпу крестьян с палками в руках, прыгающих вокруг срубленной сосны, на каждой стороне от которой лежало около 60 обнаженных пленников, распростертых, с головами на дереве; эти фурии били по их головам в такт национальной мелодии или песни, которую они хором вопили; а несколько сотен вооруженных крестьян спокойно созерцали это, будучи стражами зловещей оргии. Когда кавалькада приблизилась, жертвы стали издавать пронзительные крики, повторяя: «Смерть! Смерть! Смерть!»

В этот день в Вязме около 60 пленников были погребены заживо в ямах, которые их заставили выкопать. Подобных страшных случаев становилось все больше, их описали те, кто выжил. Они показывают, какого уровня варварства достигла эта война, в которой во имя защиты Русской земли и православия проявлялись садизм и зверство: «Я видел, как французского пленника за 20 рублей продали крестьянам, которые крестили его при помощи котла с кипятком, а потом, еще живого, насадили на кусок острого железа. Ка-

А.И. Герцен. По своему обычаю

кой ужас! О! Гуманность, ты стонешь от этого. Русские женщины убивают пленных и мародеров, проходящих через их жилища, ударами топора».

Однако даже среди всех ужасов войны находилось место подчас неожиданному проявлению милосердия. Об одном из таких случаев повествует рассказ швейцарского подполковника Шарля-Франсуа Мино. Он был в плену у русских и спас свое мужское достоинство лишь благодаря решительному вмешательству старой крестьянки. Этот дошедший до нас рассказ заставляет улыбнуться, но можно представить, как сложно было наполеоновскому офицеру преодолеть свою гордость и стыдливость, и выйти за пределы скабрёзных деталей этой истории, чтобы воздать должное пожилой спасительнице:

«Было до крайности холодно. Каждый миг мы смотрели друг на друга, и если у кого-нибудь был белый, замерзший нос, мы быстро хватали снег и начинали его растирать. В этот день все мое тело пробил озноб, и я не мог больше мочиться, поскольку этот мой орган полностью замерз. Я попытался добраться до деревни, и, как только дошел до первого дома, устремился в комнату и упал замертво. Русская старуха, увидев это, спросила, что со мной. Я показал ей, где я замерз. Тогда она взяла меня за руку, сказала, что для меня опасно находиться в тепле, и повела меня во двор, где сказала облокотиться на изгородь. Она вернулась через несколько минут, держа в руках деревянную кадку с холодной водой, взяла с земли снега, бросив эту кадку, развела его, а затем терла мой половой член, пока кровь не начала циркулировать вновь... Много раз, вернувшись во Францию, я молил Бога за эту добрую и достойную женщину, потому что ее стараниям я обязан жизнью».

Источник: Мари-Пьер Рэй «Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год»; РОСПЭН, 2015.

13. Вегетарианство

В России идеи вегетарианского образа жизни имеют долгую традицию, определенную православной религией. Для русского монашества, в отличие от западного (за исключением трапистов и картезианцев), качественный пост — воздержание от употребления мяса — является основным положением. Для простых верующих этот завет имеет силу только во время Великого поста, начиная с Недели мясопустной и заканчивая Пасхой. Кроме того, православная церковь знает еще Петров пост — с Троицына дня до дня святых Петра и Павла 29 июня, Успенский пост — с 1 августа до Успения Богородицы 15 августа — и Рождественский пост, который длится 40 дней, с 15 ноября до наступления Рождества. Наряду с этими четырьмя великими постами есть однопостные, в среду и в пятницу, а также несколько других. Таким образом, общее число постных дней в церковном году составляет больше 220. И в жизни верующего православного мирянина пост играл и играет большую роль, чем в церквях Запада.

В 1906 году Джесси Шульдц (Москва), одна из первых активисток вегетарианства в России, сообщала читателям выходившего во Франкфурте-на-Майне журнала «Vegetarische Warte»: «Многочисленные, в большинстве случаев длительные периоды поста соблюдаются богатыми и бедными людьми, в городе и на деревне, с большой добросовестностью. Это и является причиной того, что здешнее население так

легко расположить к вегетарианству. И русская женщина, в сравнении с другими народами, больше склонна к нашему делу. Стало быть, здесь хорошая почва для вегетарианства. Не хватает только пропаганды».

Еще в «Повести временных лет» в записи от года 1074 (6582) упоминается о смерти игумена Феодосия, увещевавшего монахов поститься: «Постное бо время очищает ум человеку». Там же сообщается, что у игумена Стефана, наследника Феодосия, монахи были благочестивы: «таковы чернь — цю яко светила в Руси сияют. Ови бо бяху постници крепши, ови же на бдене, ови на кланянье коленное, ови на пощенье чрес день и чрес два дни. Ини же ядуще хлеб с водою. Ини зелье варено. Друзии сыро». О Феодосии известно, что он сам ходил за Антонием. «Се же бысть дивно чудно яко за 2 лета лежа си ни хлеба не вкуси ни воды ни овоща ни от какаго брашна».

Не случайно говорится о воздержании от употребления мяса в житии святого, деятельность которого была связана с наивысшим процветанием русского монашества — св. Сергия Радонежского (1314–1391?), основателя Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (с 1930 года — город Загорск). Его житие, написанное, вероятно, не ранее 1417 года Епифанием Премудрым и переработанное в период между 1440 и 1450 годами сербским писателем Пахомием Логофетом, повествует о том, что будущий святой еще в утробе склонял мать жить по-вегетариански: «(...) сама съблюдашеся от всякыя скврны и от всякыя нечистоты, постом ограждаяся, и всякыя пища тлъстыя ошаяся, и от мяс и от млека, и рыб не ядыше, хлебом точию, и зелиемь и водою питаешеся». Когда Сергей родился, «вънегда аще случашеся матери его пищу некую вкусити еже от мяс и тою насыщене быти и полне утробе ея, тогда никакоже младенец съсцу касашеся». Так младенец порой оставался день или два без пищи, пока мать не исполняла его желание. И в православные постные дни, «в сред(ы) бо и в пя(тница) не с(ъ)саше от съсцу ни от млека ядыше». Это вело к разговорам о том, не больно ли дитя. Однако автор жития считает, что в этом «посте» — образ будущего воздержания и чудесный знак избранности.

Вопросы питания стали предметом спора между «номиналистами» и «реалистами» в русской православной иерархии уже в XIV веке. Новгородский архиепископ Василий (1329–1352), ссылаясь на легенды иерусалимские и константинопольские, высказывал мнение, что существование земного рая — это реальность. В своем послании к Тверскому епископу Федору он говорил, что рай этот находится на Востоке. Там есть блаженные рахманы, которые живут близ рая не трудясь, одеваются «лиственным садовым» и питаются «от древес овощами», не зная зависти и греха. В другом рассказе о рае — апокрифическом путешествии Зосимы, возникшем также в Новгороде, — говорится о благочестивых, живущих в мире без железа, ножей и оружия, и питающихся одними фруктами.

С обычаями питания в русских монастырях XVI века хорошо знакомит читателя «Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря». Этот текст был опубликован в 1998 году в факсимильном издании, вместе с немецким переводом, группой исследователей в Мюнстере (Вестфалия). В нем весьма подробно описан регламент блюд в течение церковного года, т.е. с сентября по август: во время поста, по обыкновенным дням и праздникам. Кормовая книга показывает, что в том случае, если постный регламент не требовал ступенчатых ограничений вплоть до полного, качественного и количественного поста, монахи в этом монастыре питались по-вегетариански, делая иногда исключения для рыбы.

Монашество играло огромную роль в древнерусском обществе. Не только простые люди посещали монастыри для духовных бесед и для благочестивых подвигов, но также бояре и князья. Русские князья и цари перед смертью обыкновенно постригались в монахи. «Русский человек вообще старался обосновать на монастырских принципах как общественную жизнь, так и частную: (...) Нравственные правила Домостроя XVI века носят характер ритуального аскетизма, характерного для древней Руси в целом».

Секты, возникшие на территории царской России в течение XVII века — периода всеобщей неуверенности, раскола русской церкви, возникновения старообрядчества, — пре-

жде всего секты хлыстов, или «божиих людей», как они себя называли, — были очень активны и имели распространение вплоть до XIX и XX веков; даже в советской России продолжала существовать, по официальным данным, «незначительная часть отдельных хлыстовствующих течений». Сведения о возникновении различных сект и свойственных им обычаях документировались в XIX веке царскими следственными комиссиями в протоколах многочисленных допросов. Карл Конрад Грасс в своем обширном двухтомном исследовании русских сектантов, написанном до Первой мировой войны на основании опубликованных материалов, описал также аскетические правила их питания.

Секты во многом следовали примеру монашества официальной православной церкви. Ведь «в начале XVIII века их центры были в православных монастырях среди монахов и монахинь». Именно подражание монашеской жизни, по предположению Н. Реутского, которое Грасс считает весьма вероятным, «привело хлыстов в том числе к запрещению потребления мяса». «Ведь в монастырях русской церкви вообще не едят мяса. Зато больше — рыбу. Но и этот продукт питания (...) был запрещен хлыстами (...) и так до сегодняшнего дня (...)». Это может говорить в пользу представлений о переселении душ. Но в Великие посты также церковь запрещает есть рыбу. Хлысты придавали большое значение строгому посту. «Церковные посты кажутся им далеко не достаточными. Не только в определенные дни, но и всегда, по их мнению, нужно избегать скоромных кушаний, прежде всего мяса. Как обоснование данного запрета на мясо хлысты нередко указывают на то, что мясо якобы возбуждает сексуальные вожделения». «Вообще хлыстовщину можно рассматривать как попытку возвести монашеский аскетизм в требование ко всем, попытку преодолеть ту границу, которую проводит церковь между благочестием мирян и благочестием религиозных людей в высшем смысле, монахов, отшельников и святых. (...) И в том, и в другом случае идеалы тождественны; в их основе — представление о святом, ограничивающем удовлетворение телесных потребностей до той крайней степени, которая является необходимой для поддержания жизни».

Хлысты «постятся неустанно и даже в более строгом смысле, чем церковь», меж тем они сами не считают такое воздержание истинным постом. «Истинный пост подразумевает полное воздержание от кушаний».

«Еще большее значение хлысты, по всей видимости, придавали запрету на опьяняющие напитки. (...) В запрещении алкогольных напитков они настолько строги, что даже при святом причастии заменяют вино квасом или даже водой».

Во второй половине XVIII века появилась секта скопцов. Ее основателем был Кондратий Селиванов (1750–1832). Скопцы в общем переняли предписания хлыстов о воздержании в еде. В связи с этим К. Грасс указывает на «запрет мяса (прежде всего свинины), водки, а также всех опьяняющих напитков (...)». Употребление же рыбы в пищу допускается. «Особенно строго соблюдается [у скопцов] воздержание от мяса. Если иные из них — сектанты из богатых землевладельцев, имеющие сношение с дворянами-помещиками — иногда позволяют себе в обществе стаканчик вина, нарочно с тем, чтобы этим доказать свою непринадлежность к сектантам — то воздержание от мяса для них всех непреложно. (...) «Мясо — это ужасно отвратительно (...) мы, белые голуби, питаемся чистым зерном»», — так говорится в сообщении 1905 года о курских скопцах. Основание тому — еще большее, чем у хлыстов, — стремление избежать сексуального возбуждения. Перед судом скопцы обычно сознавались в неупотреблении мяса, но обосновывали это «каждый по-своему»: болезнью ли, природным ли отвращением, данным обетом или же, как это случилось в 1832 году на судебном процессе в Твери, — тем, «что душа этого не желает».

Во второй половине XIX столетия возникли и новые секты, которые отказывались от употребления мяса; в частности к ним относится секта малеванцев, основателем которой был Кондрат Алексеевич Малеванный (1845–1913), колесный мастер из Киевской губернии. К.А. Малеванный, сперва бражник, как и его родители, отец семерых детей, в 1884 году принял учение баптистского штундизма, распространенного тогда на юго-западе России, и вскоре освободился от пьянства. С конца 1880-х годов он считал себя «избран-

ным первенцем Бога». После 1888 года секта малеванцев начала быстро распространяться. Правительство распорядилось интернировать К.А. Малеванного в психиатрическое отделение Кирилловской больницы Киева, а для лечения его в 1892 году были привлечены самые видные психиатры: Иван Сикорский в Киеве, а затем, после того, как Малеванного перевели в 1893 году в Казань, и Владимир Бехтерев. Последний опубликовал в 1893 году свое исследование «Суггестия и ее роль в социальной жизни», впервые переведенное на немецкий язык в 1904 году. О малеванцах сообщается, что они отказываются не только от мяса, но и от яиц, так как в них — зародыш будущей жизни; животных нельзя не только убивать, но также и использовать как рабочую силу. К. Грасс полагает, что и у малеванцев главная причина отказа от потребления мяса заключается в воззрении, согласно которому таким образом укрепляется дух в борьбе с собственной плотью. И. Сикорский наблюдал у малеванцев пристрастие к сладкому — изюму, фигам и сахару. Они не только добавляли сахар в пищу, но и вкушали его в «чистом виде». Состоятельные малеванцы безвозмездно снабжали им бедных. Вступление же в секту малеванцев, по словам К. Грасса, зачастую объяснялось тем, что они «лечат от пьянства», в то время как царю и духовенству это не по силам.

Небезынтересно сравнить этюд В. Бехтерева, в котором лишь отмечаются различные аспекты бредовых идей малеванцев, с репортажем о более позднем посещении К. Малеванного и его семьи, появившемся в «Киевской мысли» в 1911 году. В центре этого репортажа — зарисовка из абсолютно «нормальной» семейной жизни:

Небольшая мазанка на окраине города, чистенько выбеленная снаружи и внутри. Неширокий двор с садиком.

Я попал к ним в обеденную пору. За столом сидело человек десять мужчин и женщин — черпали ложками из общей миски...

— Здравствуйте! Хочу видеть Кондрата Алексеевича...

Он протянул мне свою худощавую руку и приподнял голову. Старик, с длинной седоватой бородою. Высокий лоб, нависшие брови. Глаза ясные, открытые.

Вид в общем болезненный, усталый. Тут и жена его, морщинистая, но очень бодрая еще старушка; сын, зять, молодая дочь, и несколько человек приезжих из Васильковского уезда.

— Вы из наших братьев будете?

— Нет, я — посторонний.

— Ну, все равно. Сидайте, брат, тай пообедаем. Коль скоро пришел к нам — значит, брат и друг.

Зеленые щи с фасолью и грибами, пшенная каша с постным маслом. Потом сладкий чай с лимоном и сухарями. Они — убежденные вегетарианцы.

Всякая тварь просит у Божьих сынов освобождения...

Они не хотят поэтому, чтобы на них падала кровь какой бы то ни было животной твари; не хотят, чтобы на них плакалась коровка, аль птица или рыба, иль даже самое маленькое насекомое.

Этого режима они своим братьям, однако, не навязывают. Хилые, больные при желании едят мясо. Этот режим привился к ним без всякого давления. Сами уразумели, сами дошли.

В малеванских гуцах, как потом я узнал, создалось и соответствующее хозяйство: держат корову для молока, и лошадку — помощницу в хозяйстве. Но отказались от свиней, кур, гусей и от всякой другой домашней твари.

Кондрат и его семья вегетарианствуют уже свыше двадцати лет.

— Когда перестал я вкушать кровь животных — прояснились мои глаза, и на душе легче стало.

Но не следует также и злоупотреблять и всякой пищей. Каждый лишний кусок уже причиняет вред.

И тошнит, и спать хочется...

Человек должен стремиться только к тому, чтобы поддерживать свое существование.

Эта картина очень близка к той, которую находим в письме Л.Н. Толстого к Елизавете Владимировне Молоствовой от 7 июня 1905 года. Молостова посетила Малеванного в Казани, в больнице для душевнобольных, где его содержали уже 12 лет; по просьбе Толстого она ходатайствовала за него перед губернатором и в августе того же года добила его освобождения. Толстой написал ей после посещения одного

из «малеванцев»: «Это община чистых, нравственных, трудолюбивых людей. Тех самых людей, которые составляют силу всякого народа и образование которых, поощрение, подражание — должно было бы составлять главное занятие всякого правительства, желающего исполнять свое призвание. И их-то гонят, и их-то наука, заменяющая в наше время прежнюю церковь, признает душевнобольными. Это ужасно!»

В 1910 году в «Вегетарианском Обозрении» сообщалось еще об одном разговоре с К. Малеванным. Секта в то время была распространена прежде всего в Киевской и Минской губерниях и там имела около 20000 приверженцев; из них 95% жили «безубойно».

Кроме хлыстов, скопцов, малеванцев и различных более мелких группировок, как-то: молокан и субботников, в начале XX века в России существовали и другие возникшие в народе движения, которые требовали воздержания от мясных блюд и практиковали его, как, например, «серафимовцы». Городским вариантом этих движений было движение «народных трезвенников» «братца» Иоанна Чурикова в Петербурге и «братца» Ивана Колоскова в Москве. 17 апреля 1913 года И.М. Трегубов (1858–1931), один из самых деятельных корреспондентов Толстого (тот написал ему 98 писем) и знаток русского сектантства, выступил в Москве на первом Всероссийском съезде вегетарианцев с докладом о вегетарианстве среди приверженцев различных сект. При этом изучал он прежде всего упомянутых «народных трезвенников». Они начинали с призыва к воздержанию от алкоголя, а потом постепенно приводили своих приверженцев к вегетарианству. По словам Трегубова, среди рабочего населения Петербурга и Москвы было около 50000 вегетарианцев-трезвенников. Попутно Трегубов охарактеризовал отношение к трезвенникам духовенства: оно пыталось объявлять их сумасшедшими, как в свое время и Кондрата Малеванного.

Еще тремя годами ранее Трегубов сообщал в «Вегетарианском Обозрении» о выступлении И. Чурикова в Петербурге 3 января 1910 года. Своей проповедью «братец» Чуриков добился того, что огромная толпа, большей частью из рабочего класса, «под влиянием сильного религиозного вдохновения отказалась от употребления мяса». Чуриков прочел

собравшимся вслух отрывок из Евангелия от Марка, где говорится о проповедях Иоанна Крестителя: Иоанн Креститель, который призывал к покаянию и крещению, питался диким медом и акридами. Из этого можно сделать вывод, что он не пил вина и не ел мяса, и тем самым и других призывал к воздержанию от вина и мяса.

И Христос был воздержен и не ел мяса, почему, совершая пасху с учениками, он преломлял и им давал есть не ягненка, а хлеб во исцеление души и тела и в защиту животных, и тем самым призывал их и всех людей к воздержанию от мяса.

Его ученики не ели мяса и других призывали к воздержанию от него, как это видно из следующих слов ап. Павла: “лучше не есть мяса и не пить вина вовек, дабы не соблазнить брата моего” (Рим. 14.21; 1 Кор. 8.13) и “неомощный есть овощи” (Рим. 14.2).

И я призываю вас к тому же. Раньше я вас призывал отказаться от вина, а теперь призываю вас отказаться и от мяса, призываю добровольно (...). Согласны ли вы на этот призыв?»

В ответ на это все громко и единодушно воскликнули: «Согласны, дорогой братец, отрекаемся от мяса, во век не будем пить вина и есть мяса!» (...)

«Святые отцы не ели мяса и потому были мудры и кротки. Отказываясь от мяса, мы и с животными заключаем мир (...). Поэтому и медицина начинает уже считать мясо вредным для здоровья и посылает богатых людей в такие места, где они могут питаться фруктами и виноградом. (...) Мне говорят: “Мясники все здоровы”. А я скажу: хоть бы тысячу мясников поставить против одного Серафимушки, то и они не смогут справиться с ним. Ему и медведи покорялись».

«Все мы мясники пред тобою постником, — сказали слушатели, — падаем в недостатках и смиряемся. Помолись за нас». (...)

«Придет время, — продолжает проповедник, — вы сами должны будете отказаться от мяса, потому что цена его дойдет до пяти рублей за фунт. (...) Но отказываться от мяса надо не ради корысти. Некоторые из вас отстали от вина ради своей выгоды, а не ради слова Божия, не ради слова истины. А от мяса надо отказываться ради примирения с животными, ради своего здоровья и на пользу человечества».

«Во век не будем есть мяса!» — опять дружно все сказали и запели: «Слава в вышних Богу и на земле мир. Многая лета! Многая лета! Многая лета!»

«Некоторые, может быть, скажут: ” Это сектантство“, некоторые уже и говорят: ” братцевых надо отлучить от церкви“, а я вам скажу: я отлучил вас от всего дурного: от пьянства, разврата, курения табаку, балалаек и всех развратных увеселений, но от церкви я вас не отлучал, а наоборот призываю вас к церкви».

Заметно, как здесь пересекаются линии «религиозного» и «светского» вегетарианства. И. Чуриков указывает на оздоровительные преимущества вегетарианского образа жизни, ему известно, что ими начинают интересоваться правящие классы. В следующее воскресенье, 10 января 1910 года он проповедовал: (...) В газетах пишут, что и в Америке 300000 рабочих отказались от мяса, потому что оно стало дорого. Дорогая цена мяса сильно отнимает его у людей; но я бы хотел, чтобы вы отказались от него не насильно, а добровольно, по рассуждению. Поэтому я очень рад, что сразу столько откликнулось на мой призыв. Если откликнулось полторы тысячи, то две с половиною животных останутся живыми. (...) Когда не было мяса — не было и болезней. Поэтому постники здоровы и долговечны. Некоторые говорили мне: “а как же львы едят мясо — и какие они сильные и долговечные!” А я спросил их: сколько их? “Мало”, — ответили они.

Так и вас, кровожадных, будет мало. Тарас Бульба съедал трехмесячного агненка и четверть вина выпивал и вышел на поединок против своих детей и одного из них убил.

Не есть мясо полезно еще и потому, что если ты кого обидишь, то тебе скажут: “мяса не ешь, а людей обижаешь”, и стыдно тебе станет, и этот укор будет тебе во спасение».

Три года спустя за трезвенников заступится Н.М. Жданов в своей речи 14 мая 1913 года в Александровском зале петербургской Думы. По его словам, в этом движении, которое охватило широкие круги городского населения, можно видеть «тот тип деятельного православного человека, который с древних времен никогда не переводился на Руси. (...)»

На Руси всегда были люди, которые, хотя и не принадлежали к монашеству или духовенству, но брали на себя задачу в своей жизненной деятельности осуществлять заветы христианской нравственности. Всегда, с самых древних времен, были на Руси и странники, и богомолы, и чернички, и прозорливцы, и блаженные, которые и в городах, и в селах, и в деревнях, и на погостах брали на себя задачу послужить ближнему, посоветовать ему (...)» Вверяться духовному водительству другого человека — «это психологическое свойство русского человека». В монастыре Оптиной пустынь у старцев побывали не только убогие и хилые, униженные и оскорбленные: «Там были и Гоголь (...), и братья Киреевские (...), и Толстой, и Достоевский».

Таким образом, и низы городского населения обрели духовных наставников в лице «братца» Чурикова в Петербурге и «братца» Колоскова в Москве: это движение представляет собой «проявление старчества XX века, образовавшегося и развившегося на почве жизни низов городского населения». Ивана Колоскова еще задолго до начала его проповеднической деятельности на родине, в Тульской губернии, «называли монахом за то, что он выделялся своим неуклонным благочестием, не пил, не курил, строго соблюдал посты». После того, как судьба привела его в Петербург на беседы братца Ивана Чурикова, он переселился в Москву и там на своих собраниях успел сподвигнуть тысячи людей к перемене их образа жизни. Колосков «звал их не к борьбе социальной, а к той душевной реформе, которая заповедана христианской нравственностью». А «в литературе, направленной против трезвенников, это движение нередко называется антигосударственным, сеющим вражду».

На свидетельствах о распространении отказа от употребления «убойной» пищи в церкви и в сектах я остановился по двум причинам. Во-первых, потому, что масштабы этого рода «вегетарианства» представляют собой отдельную проблему духовной и социальной истории России. Во-вторых, также и потому, что эта готовность к воздержанию не только в церкви, но и в сектах, связанная с религиозными представлениями, не была лишена влияния на судьбы «нового» вегетарианства, возобновленного во второй поло-

вине XIX века. Готовность к воздержанию возбуждала подозрение, что за ней скрываются сектантские устремления. Правда, в течение веков в разных частях Европы не раз возникали религиозные движения, проповедующие растительный режим питания. Достаточно указать на богомилов и катаров. Но распространение этих движений, как и жестокое преследование их со стороны церкви и государства, имело место сотни лет тому назад. Люди, примкнувшие в Западной Европе или в Северной Америке к новому движению вегетарианцев, начавшему быстро расти приблизительно с 1850-х годов, не находились под подозрением в ереси и не должны были бояться соответствующих санкций (русские духоворцы в Канаде были исключением). И все же им приходилось считаться с тем, что на них смотрят как на чудиков; они и их окружение также были вынуждены мириться с известными неудобствами того рода, какие были описаны почти сто лет назад П. Гоффманном, профессором философии из Гента, — это описание, заметим, актуально и сегодня. Однако и в царской империи, и в Советском Союзе было иначе. Тот, кто даже «просто так», по личным мотивам, хотел обойтись без мяса, навлекал на себя подозрение. Ведь значительная часть сект, преследовавшихся властью и считавшихся опасными для существующего порядка, веками проповедовала воздержание от мяса. Проповедовал его и Толстой в рамках своего особого истолкования христианского благовестия.

Приведем только один пример. В 1913 году в «Вегетарианском Обозрении» Н. Лапин, молодой крестьянин из Саратовской губернии, сообщал в статье под заголовком «Почему я сделался вегетарианцем» о том ужасе, который у него еще с детства вызывал убой скота. Когда ему исполнилось 18 лет, ему попала в руки книга И. Горбунова-Посадова «Сострадание к животным и воспитание наших детей», и с тех пор он начал жить вегетарианским образом. В деревне говорили, что он не сможет вынести всех тягот крестьянской работы, а вскоре пошли слухи, что это пришел на землю Антихрист и начинает обольщать людей. Духовенство подозревало его в толстовстве: «что, дескать, кто к нему присоединится, тот сам себя проклянет».

Широкое распространение сект, как и обхождение с ними властей, нашли известное отражение в русской литературе, правда, до революции 1905 года только в скрытой форме: тема эта была табу. Она, как правило, обсуждалась только в публикациях по богословию и психиатрии. У Тургенева в «Записках охотника» загадочный Касьян с Красивой Мечи порицает помещика за то, что тот занимается охотой: «Святое дело кровь! Кровь солнышка не видит, кровь от свету прячется». Правда, эти запреты касаются только диких зверей. Касьян допускает забой домашних животных: «А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов». Н.Л. Бродский в свое время высказал мнение, что тургеневский Касьян принадлежит к секте «бегунов». Н.С. Лесков в некоторых своих повестях затрагивает тему вегетарианства среди приверженцев русских сект, главным образом из круга «штундистов». Понятно, что царское правительство испытывало опасения: около 1900 года одних штундистов разных группировок насчитывалось, согласно иностранным источникам, 2000000. И в начале ХХI века сектантство играет в огромной России значительную роль.

Источник: Петер Бранг «Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни с начала до наших дней»ы; М.: Языки славянской культуры, 2006.

14. Староверие

Известный Гакстаузен говорит по поводу раскола, что Россия должна бы взглянуть на это дело очень серьезно; она не воображает, какие опасности грозят ей с этой стороны. Разумеется, Гакстаузен говорит о России, как об обществе, сложившемся в известную общественную форму, — этой форме и грозит, по его мнению, опасность. Но почему он вообразил, что у нас государство не серьезно смотрело на раскол? Для истребления раскола употребляли сжигание в срубах, заканчивание, вешание за бок на крюк и т.п. способы медленной и мучительной смерти; употребляли пытки; вообще все средства были испробованы. По пословице «бей мужика не дубьем, а рублем» государство налагало на них двойные налоги, ограничивало их гражданские права; каждый мелкий чиновника, имел неограниченное право на карман раскольника, а между тем раскол не ослабел, не уменьшился; но, напротив того, все глубже, все сильнее вкопался в жизнь народную.

Исследователи по преимуществу обращали внимание на обрядовую разницу раскола от православия и не замечали, или, скорее, не хотели замечать, что раскольническое мирозерцание построено на совершенно иных началах, нежели то, которое положено в основание нашего нынешнего общественного строя.

В настоящее время раскол представляет два основных корня, из которых развились и развиваются все новые ум-

ственные направления и оттенки разнообразной раскольничьей мыслительности. Беспоповщинское, поморское согласие представляет основной корень, из которого развиваются, главным образом, секты отрицания, секты, которые и теоретически, учением, и фактически, в жизни, отрицают общепринятый существующий порядок. Таковы, например, секты — нетовщина (часть Спасова согласия), бегуны, немоляки и т.п. Молокано-духоборческое учение, возникшее отчасти под влиянием западных мистико-социальных идей, характеризуется главным образом положительным, общинно-устроительным умственным направлением, и потому служит источником сект и учений общинно-устроительных. Так из этого учения развилось «Общее учение» и «Согласие общих».

По примеру самих сектантов, мы будем называть первую группу «староверием», а вторую «духовными христианами». «Староверы» разделились на две главные группы: «поповцев» и «беспоповцев». Эти же последние делятся на согласия: «поморское», «Спасово», «Федосеево», «Филиппово», «странническое (бегунское)» и, наконец, «немоляцкое». Здесь мы упоминает только крупные, типичные секты, так как перечислять все мелкие подразделения совершенно бесполезно.

В XVII веке, перед временем раскола, неоднократно случалось, что низшее духовенство иногда целой области или нескольких уездов не хотело подчиняться своему архиерею, усиливалось освободиться не только от уплаты законных пошлин, но и от суда митрополичьего или епископского. А иногда являлись еще, до раскола, такие священники, которые проникнуты были уже явно раскольничьим духом непокорности и самоуправства, питали «гордость — высокую мысль» и презирали архиерейское благословение. Не только одно духовенство стремилось к независимости от духовных властей; того же самого добивались и миряне.

В некоторых местах, особенно в Пскове и Новгороде, иногда возникали даже открытые возмущения против суда и правительства церковного, обнаруживались явные стремления освободиться от власти церковной. Так, например, новгородцы, добиваясь независимости своей церкви,

послали к константинопольскому патриарху посла, который твердил: «не хотим судиться у митрополита, просим вашего благословения, а если не благословите, то сделаемся латинами».

Во времена, предшествующие расколу, отношения духовенства к народу были совершенно иные, чем теперь. «Мир» выберет священника и напишет ему записку, что вот он должен служить «миру», приходу, так-то и так-то, без позволения «мира» не оставлять прихода, не вмешиваться в церковное хозяйство, коли «мир» не захочет, исправлять службы так, как «миру» угодно, и проч. Они, эти «миры», прямо судили на своих сходках или вечах и священников, за нарушение даже церковного порядка, священников, трактовавшихся, как и всякое другое выборное общинное лицо». Вот при этих-то обстоятельствах сделался патриархом Никон Мордвинов — человек жестокий, деспотический. Он своими поступками восстановил против себя все низшее духовенство, с которым иногда в самом деле был уже слишком строг, тяжел для духовенства. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность в исполнении своих обязанностей, посадить на цепь, лупить в тюрьме и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь.

По всем городам он обложил данью дворян, священно- и церковнослужителей и просвирен. Реформы Никона были направлены на усиление власти высших духовных иерархов. Но стремясь подчинить все духовенство деспотической власти патриарха, он вместе с тем направил свои усилия на то, чтобы освободить духовенство от подчинения «мирам». Реформы Никона возбудили в себе ненависть во всех слоях русского народа. Они казались ему несоответствующими его обычаям и правам. Принцип власти, который вносил Никон в отношения духовенства к народу, был не привычен для обеих сторон и считался принадлежностью «латинства» и «папства». «Ничтоже тако раскол творить в церквах», пишет раскольник протопоп Аввакум в челобитной к царю Алексею Михайловичу, «якоже любоначалие во властех».

Восстановив против себя низшее духовенство и народ, Никон задумал исправление церковных книг и некоторых

обрядов и исполнил задуманное со свойственным ему деспотизмом. Ненависть к нему перешла и на его дела; но вначале, как реформа, так и сопротивление реформе были достоянием почти одного духовенства. Большинство русского народа отнеслось к этому делу с обычным предковским равнодушием и хладнокровием, как и следовало ожидать.

Для повсеместного прекращения службы по-старому, Никон приказал по всем приходам, и городским, и сельским, отобрать старые книги. Поступая таким образом, он, конечно, имел в виду пример патриарха Филарета, не только повсюду отобравшего, но даже и сжегшего Устав, напечатанный в Москве в 1610 году.

Духовенство, страдая под жестоким правлением Никона, ненавидя его за стремление изменить прежние, более или менее братские отношения между простыми священниками и архиереями, на новые, в которых господствовала субординация, стало сопротивляться нововведениям Никона, касавшимся исправления книг и обрядов. Он же своими бестактными поступками еще более усилил это сопротивление. По его настоянию, в 1656 году собор русских архиереев проклял крестьящихся двумя перстами. Это проклятие поставило дело Никона в прескверное положение. Сопротивлявшиеся нововведениям указывали, что этим проклятием прокляты все предки, которые крестились двуперстно, и в свою очередь отвечали анафемой.

Начиная борьбу с церковным управлением, староверы думали найти защиту в гражданских правителях; поэтому челобитными (этим правителям) начал раскол свою историю. Но им пришлось очень скоро разочароваться в этом, так как государство в этой борьбе демократических элементов против церковного управления приняло сторону последнего и стало жестоко карать его противников. Староверы решили, что царь Алексей Михайлович «бысть вместо царя мучитель».

Духовный собор 1666 года постановил наказывать раскольников «не токмо церковным наказанием, но и царским, сиречь градским законом и казнением». Начались гонения и жестокости.

Следствием такого вмешательства государства в расприю народа с церковным управлением было то, что мятежное

движение, произведенное первоначально расколо-учителями в сфере собственно церковной, скоро перенесено было ими в сферу гражданской, народной жизни.

Протест против социального строя был сформулирован посредством истин, взятых из богословских книг; богословие было единственной наукой, известной тогдашнему русскому человеку, и нет ничего удивительного в том, что он выразил свои чувства и стремления в терминах и понятиях этой науки. Для него мало имела значения форма, в которой выльются его чувство и идеи, — главной его заботой было систематизировать свои идеи в известное учение; богословие в этом ему сильно помогло. Но как объяснить тот факт, что недовольство социальными порядками, вылившись в религиозной форме, т.е. в форме раскола, заявило, что его можно удовлетворить только возвращением к старому строю, а не указывало на что-нибудь более повое, как это обыкновенно бывает? Для разрешения этого вопроса нам надо взглянуть, в чем состояло это старое, и что стремилось его заменить.

В древней Руси, в каждой области существовало самоуправление, развивалась свободно самостоятельная жизнь, обусловливаемая местностью, племенным характером, особенным родом занятий и деятельности и т.п. С усилением централизации эта самобытная жизнь должна была сглаживаться, подчиняться общему течению и уровню. Неохотно расставались областные жители со своей самостоятельностью и свободой, со своими нравами и стремлениями и стояли в оппозиции долгое время к новому для них началу централизации. В смутное время самозванцев рушилось насильственное соединение областей; каждая область стремилась усилиться и возвратиться к прежней самобытной жизни и приобрести свои старые права. Но вот, с Михаила Федоровича и особенно с Алексея Михайловича, централизация усилилась... Но каким же образом совершился переход от древних, более свободных и гуманных порядков к московским? Был ли это естественный ход развития русского общественного организма? Ответить на этот вопрос можно только следующим образом: новые порядки на Руси появились вследствие внешнего давления татарского нашествия.

Дикий народ путем насилия стер с лица земли русскую, зарождающуюся цивилизацию; это было сравнительно легко сделать, так как она была не военной, а мирной цивилизацией. Все темные силы, имевшиеся в русском народе, пристали к татарам, восприняли их цивилизацию и, лстя и виляя перед ними, заплотили, благодаря помощи татар, русский народ под свою власть.

Побратавшись с татарами, в тени этого антинационального развития, Москва начинает собирать около себя области новгородскую, псковскую, тверскую, рязанскую, пермскую, киевскую; в Москве, оторванной от южной Руси, возникает и крепнет московская жизнь. С XV столетия, когда все другие славянские народности оживают, когда у поляков, хорватов, хорутан, сербов (лазарица) и в южной Руси начинает зарождаться народная литература, — в Москве открывается период окончательного упадка русской народности. Грамотность, просвещение, словесность, искусства, добрые международные отношения, возникшие некогда в Киеве (XII век), — в Москве погибли.

Татарам Русь обязана введением крепостного права со всеми его прелестями, установлением драконовских законов (Уложение Алексея Михайловича есть скорее произведение татарского характера, нежели славянского), заменой вечевых порядков и областной автономии — деспотизмом и господством бюрократии. Татарская цивилизация, насилием внедрившаяся в русское общество, привлекала к себе татар на службу, желая таким образом обеспечить свое существование, так как она видела недостаточность своих сил. Новые волны насилия и жестокостей нахлынули на русскую землю в XVI веке, с нашествием казанских, астраханских (Естерхан) и сибирских царей, цариц и царевен, князей, князьков и царевичей, которые, предложив свою услугу московскому царству и поженившись на русских боярынях, сделались сберегателями русской земли, получили во владение города (Касимов, Звенигород, Каширу, Серпухов, Хотунь, Юрьев), множество сел и деревень. В этот период, по всей вероятности, и образовалась пословица: «живи, живи, пока Москва не проведала».

Андреев говорит, что «предки большей части русских дворян являются в Москве преимущественно в правление Калиты, как выходцы из татар и переселенцы из западной Европы».

Раскол стал указывать на этот регресс и естественно предпочел нововведениям старинные порядки. Он стал защищать свободу личности и объявил крепостное право антихристианским учреждением; Уложение Алексея Михайловича тоже «признал и доньше признает противным вере Христовой». Таким образом, раскол, объявивши себя защитником старых порядков, стоял собственно не за старые, а за лучшие порядки.

Во время стрелецкого бунта раскольники окончательно выказали свое противогосударственное направление. И с тех пор раскол образовал противогосударственную общину, в которой скоплялись все недовольные в каком-либо отношении правительством. Особенно сильно способствовали распространению и дальнейшему развитию раскола реформы Петра I. Они были встречены полным негодованием в большинстве народа.

Одним из первых деяний Петра I было усмирение стрелецкого бунта. По всей России разнеслись вести о стрелецком бунте, о казни стрельцов со всеми ее ужасами, поражавшими народ. Народ с ужасом смотрел на Петра. Слово «антихрист», подсказанное раскольниками, было подхвачено всем народом. Посыпались на голову русского народа «европейские реформы»: подати, рекрутчина и т.п.; пахатные крестьяне сравнены с холопами. Сотни тысяч народу гибли на общественных работах, т.е. при постройке Петербурга, крепостей, каналов, нужных опять-таки Петербургу и т.д. Петр в своих реформах имел в виду могущество русского государства, а не счастье народа.

Главными организаторами сопротивления всем реформам Петра явились староверы. Раскол объявил подушную перепись, ревизию душ «антихристианскою», и учил народ не записываться в переписные книги. Раскол восставал и против самого устройства и состояния государственного управления, начиная с сената и до областного начальства, везде в управлении указывал стороны, противные благу на-

рода, и неустройствами, какие примечал в областях, пользовался для своего подкрепления и распространения.

Свою ненависть к государственному Петру они перенесли и на государственное его потомков. «Зрим, говорят они, како дух его богоборный во всех властодерждах действует и действовать будет до скончания века». Упорно держались и до сих пор держатся староверы этого убеждения, и только часть из них, под влиянием реформ нынешнего царствования, начала смягчать свой взгляд на государство.

Раскольничьи самосожжения были в свое время такими же геройскими подвигами, какими бы теперь считали решимость защитников отечества лучше погибнуть в крепости, взорвав ее на воздух, чем сдаться неприятелю. «Не дадим антихристу утешения», — говорили раскольники, убеждая друг друга лучше сжечься, нежели попадать в руки ненавистного для них правительства. Впрочем, нельзя не признать, что они рассуждали очень логично, что лучше разом покончить все счеты с жизнью, чем лишиться ее после бесчеловечных истязаний, а, пожалуй, чего доброго не вынесешь пытки, отречься по неволе от своих убеждений.

Иные страдали за веру, другие укрывались кто куда мог, иные при появлении наезда гонителей «с оружием и пушками», «боящиеся их мучительства, сами сожигаются». Иногда, видя слабость команды, они пробовали отбиваться, и им это на время удавалось; так, например, однажды они заставили команду отступить, убив ее начальника Портновского, но при этом они стреляли в солдат только пыжами «для страха»; озлобление же против начальства выразилось тем, что они труп Портновского рассекли на части.

Самоубийство — крайнее средство, и к нему староверы прибегали очень редко; у них был другой способ избежать рук «антихриста» и его «слуг» — бегство. И бегство развивается в обширных размерах. Из сенатского указа 17 сентября 1742 года видно, что с 1719 по 1736 год бежало около 442000 человека. Заявляя эти цифры, сенат прибавил: «уповательно и больше того оной убыли имеется». Если принять во внимание, что в тогдашней России считалось около 20000000 жителей, то процент бежавших будет громаден.

И вот на отдаленных окраинах государства, но в местностях пустынных и диких, непроницаемых для правительства, возникают общины, посады и слободы, сплошь населенные раскольниками, бежавшими сюда от богоборной империи. Сюда собрались целые сотни тысяч врагов государства, которые поставили своей целью воздвигнуть оплот против влияния государства, которые отреклись от государства и всех дел его, которые зажили своей особенной жизнью, развили свои общественные порядки, строго отвечающие требованиям национального чувства. Здесь созрела та цивилизация, которая характеризуется отрицанием государственных порядков нового времени и противодействием государственному духу.

Раскол никогда не представлял из себя чего-нибудь цельного, но вместе с развитием и распространением, он более и более раздроблялся на части, — секты, согласия, как называют их сами раскольники. Это дробление было вполне законным и неизбежным, оно возникло и развивалось после того, как раскол совершенно выпал из рук духовных, перешел в народ и начал делаться образовательным элементом для простолюдина. Причина, почему самое внешнее распадение раскола, раздробление его на множество толков не препятствовало, а еще способствовало распространению раскола, заключается, главным образом, во внутренней, органической связи, общности всего раскола.

По мнению Костомарова, раскол стоял хоть за какую-нибудь, хотя очень слабую и бледную, образованность; сфера церковная была для них умственной гимнастикой; они получили в ней подготовку к тому, чтобы иметь возможность удачно обратиться и к другим сферам; таким образом, раскол расшевелил спавший мозг русского человека. Раскольникам пришлось учиться, потому что им приходилось спорить и защищать старину словом. Они всегда были защитниками свободы вероисповедания: «пускай всякая вера», говорится, например, в раскольниковом сочинении «Зеркало для духовного внутреннего человека», — сама собой окажет плод евангельской добродетели; нет надобности приводить мучением в веру по подобию языческому.

Общинность была всегда краеугольным камнем самобытных зданий русской общественности. Естественно поэтому, что так называемые староверы, как представители и защитники самобытного мышления и чувствования русского народа, являются вместе с тем и представителями усиленной общинности.

Особенно ярко выступает особенность русской жизни при столкновении ее с западноевропейскими порядками. Мы имеем описание одной староверческой общины, поселившейся в Пруссии, сделанное бывшим раскольниковым писателем, называющим ее на своем жаргоне «монастырем», хотя она совершенно житейская община русских семейных крестьян. Вот что, между прочим, говорит он о ней: «Удивлялись туземные пруссаки крепкой сплоченности выходцев, которую они перенесли с собою из России. У них скотопастбища были общие. У них всякая полевая работа производилась живо, толокою, несмотря на все мнимые неудобства русских хлебопахатных орудий. У них все завершалось взаимно-союзными силами и дружбой. Эта живая сплоченность русского обычая любви сильно интересовала пруссаков разьединенных».

Посмотрим, каковы были общинные союзы у раскольников в прежнее время. Еще в конце XVII века в Олонецкой губернии на реке Выге образовалась, так называемая, «Выгореция», т.е. целая группа общин, бывших в тесной связи как между собою, так и с остальными раскольниковыми общинами, рассеянными по всей Руси. Один из главных учителей-основателей Выгореции, инок Корнилий, предсказывал, что «место сие (т.е. Выгореция) распространится и прославится во всех концах, и многи спасутся творяще волю Божию и ходящие в путех Его, по умножении, поселятся с матушками и детками, с коровушками и люлечками». Это ясно указывает, что «Выгореция» была союзом чисто житейским, хотя общины, входившие в ее состав, и назывались «скитами». Среди этих скитов особенно прославилась община-монастырь, которая и называлась Богоявленским монастырем, но и она была монастырем больше по названию, чем на деле; эта община была общежительством, и ее порядки по преимуществу выражают тенденции тогдашних расколоучителей.

В ее жизни аскетизм все-таки занимал известное место, а потому скитяне никак не хотели подчиниться монастырю и зависели от него лишь в «богомолении», именно по тому, что жили вполне «житейским житием», каким отчасти жили все выговцы без исключения до основания монастыря, т.е. правильными семейными группами.

Основатели Богоявленской общины Андрей и Семен Денисовы, несмотря на все старания, не могли придать ей характер монастыря. Так, например, Андрей Денисов в 1719 году «доказывал» братии, что их община есть монастырь. Хотя в общине сохранились правила монастырского устава, но раскольники крепко держались жизни практической, «жили житейским житием», устраивались по образцу древних новгородских погостов. Религиозные уставы поддерживали начала их братства, общинного быта, соборных решений дел и т.п.; поэтому они не видели строгого разделения между жизнью церковной и гражданской. Так как поступление в монастырь происходило не из свободного сознания потребности уединения для богомыслия, не из действительной склонности к монашеской жизни, а происходило или вследствие желания укрыться от преследований, или из слепого энтузиазма; так как это были все люди, привыкшие к семейному образу жизни, к занятиям сельско-хозяйственным и по степени своего духовного развития мало способные к созерцательности, к тому, что составляло сущность монашеской жизни, то, очевидно, совершенно естественно было ожидать, что они не будут иметь понятия о существе монашеской жизни и не будут в состоянии выполнять иноческие уставы. Так, например, однажды, отец (т.е. настоятель) келейно разглагольствовал с братией, пришедшей с трудов из дальних мест. Он спросил их, исполняли ли они «в отдаленных своих службах и в хождении по дорогам церковное и келейное правило». Те сознались, что «ово от трудов, ово за немощ телесную, ово же от лености презирается ими таковое душе-спасительное неоцененное дело».

Вообще, можно сказать, что обитателям монастыря совершенно не нравилась вводимая Андреем Денисовым монастырская дисциплина. От вводимых им порядков «многие бежали совершенно, иные, поживши в монастыре, переходили

ли в скиты, где жизнь была гораздо свободнее; иногда против Андрея и его дисциплины были восстания».

Богоявленский монастырь представлял братство, организованное на основании свободных общинных стремлений, в котором все члены были равны; каждой личности предоставлены были одинаковые юридические права. Так, например, настоятель Андрей Денисов «аще и весьма бысть премудр, но всегда мнения своя в общебратских делах прочим предъявляше». Тот же Андрей, когда для общины привезли хлеб и его приходилось носить в монастырь на себе, был первый между «носаками», что и было с удовольствием замечено братией.

В общине известны были силы и способности каждого члена; взвешивали их опытные надзиратели и сами общежителю и, сообразно с ними, давали занятие известному члену. Таким образом, все выговское общежительство делилось на разные рабочие и промышленные артели; для каждой артели назначалось особое помещение, и все дела вели старосты и нарядники, которые определялись по выборам ежегодно. Особый староста был даже у детей, смотрел за ходом их обучения и учителями; учителями и старостами в этом случае были уставщики и отцы духовные, которые отличались мягким характером и были искусны «для всякого детского усмотрения». Выборные духовники были большей частью уже не молодых лет, отличавшиеся начитанностью и бескорыстием, заботой о благе общины, немощных и сирот.

Имущество было двоякого рода: общее и частное. К общему имуществу относилась земля, постройки и все необходимое для ведения общего хозяйства. В частной собственности оставалась часть движимого имущества, которое называлось «келейным». При смерти многие завещали все келейное имущество родственникам своим. Но большая часть лиц, отказывали все свои частные пожитки в общинную кассу; а иные уделляли часть в общинную казну, а часть для родных.

К Богоявленскому монастырю, как к центру, тянули остальные скиты, входившие в состав «Выгореции» и разбросанные по диким лесам Поморья. Около 1703 года в Поморье много уже было скитов и отдельных келий; все раскольники были в связи, все посещали выговское общежительство и со-

бирались на соборы; при этом надо заметить, что не одни дела управления и хозяйства выговцы решали всей общиной; дела религиозные, дела церковного управления подлежали тоже мирскому распоряжению всех членов общины. В случае важных преступлений тоже собирали собор, который и присуждал к изгнанию из общины; замечательно, что для женщин виновниц не существовало телесных наказаний. Пьянства не терпели в скитах; пьяниц и попрошаек без всяких церемоний выгоняли вон.

От начала XVIII века перейдем к концу его. В это время стала распространяться в России секта или «согласие» бегунов, странников. Село Сопелки (около Ярославля), как исходный пункт развития всех областных, местных пристаней бегунов, как средоточие наибольшего страннического населения, естественно образовало центр, средоточие всего союза или согласия великорусских и сибирских пристаней. А совокупность всех этих областных, местных общин или пристаней, великорусских и сибирских, образовало федерацию или целый союз согласия бегунов, концентрированный около села Сопелок. Вследствие такого союзного устройства, каждая областная пристань составляла самобытную, самоуправляемую паству или общину, имела свой совет и суд. В Сопелках же был, в случаях нужных, общий, главный сход, совет и суд бегунов; сюда являлись даже из Сибири.

Розов говорит, что в числе основных идей основателя страннического согласия, Евфимия, находится и идея коммунизма; но вряд ли с этим можно согласиться. Сами бегуны не так толкуют слова своего учителя, относящиеся к этому предмету; по мнению большинства странников, эти слова относятся только к поземельной собственности, рыбным ловлям, соляным озерам и т.п. предметам. Встречаются, правда, странники, проповедующие коммунизм, которые при этом опираются обыкновенно на следующие слова Евфимия: «Не явственне ли таковое Антихриста одержание являет быти в первую опись народную, егда... описал всех человек и разделил на разные чины... им же размежив землю, леса и воды, даде я в наследие комуждо их». Далее, Евфимий продолжает: «Егда бо по описи раздоби народ на разные чины и землю размежева, сим разделением яко язычников

содела друг другу завидующих, друг на друга ратоборствующих, наделив кому много, кому мало, иному же и ничесоже дав и токмо едино рукоделие повелев». Основываясь на этих словах Евфимия, уже вскоре после его смерти (он скончался в 1792 году), крестьянин Василий Петров учил, что «ни один странник не имеет права владеть собственностью, а все свое имущество должен отдавать в пользу общины». В Пошехонском уезде Иван Петров, а в так называемой «Плесовской стороне», заключающей в себе три уезда Костромской губернии, Антип Яковлев проповедовали, что «изречение Евфимия: “глагол мое, свое — проклятый и скверный, вся бо вам общая сотворил есть Бог” — относятся не только к размежеванию земель, но и вообще ко всякой собственности; на этом основании в обоих толках требуется общинное укрепление и совершенное отречение от прав собственности».

Общины раскольнические, говорит Беллюстин, поставлены так, что и последний бедняк имеет в ней голос. Вот как описывает он богатое сапожническое село Кимры, Корчевского уезда, населенное поповцами: «Отношения хозяев и рабочих представляют весьма характеристическую особенность: рабочие образуют обыкновенно артели человек в 30–60, и эти артели имеют такую нравственную силу, благодаря которой не только могут во всем касающемся религиозных убеждений противодействовать “хозяину”, если бы он решился пойти против них, но даже вполне подчиняют его своим воззрениям. Нам случалось быть свидетелями не только рассуждений, но и прений “о вере” между хозяином и его артелью: тут нет ничего похожего на обыкновенные отношения между хозяином и его работником; речью заправляют, ничем и никем не стесняясь, наиболее начитанные, будь это хоть последние бедняки из целой артели; они же вершат и поднятый вопрос; хозяину предстоит обыкновенно дилемма: или безусловно подчиниться решению артели, — а не забудем, что между всеми артелями данной местности всегда и во всем касающемся религиозных предметов самая неразрывная солидарность, — или стать в разлад с артелью, т.е. с целым обществом». Впрочем, не следует особенно оптимистически смотреть на отношения капиталистов и рабочих даже в среде раскольников. Как ни сильна

А.И. Герцен. По своему обычаю

организация общины, но капитал все-таки дает чувствовать свое могущество; это видно из того, что в последнее время староверы ухитрились найти «Число зверино», т.е. имя Антихриста, в слове «хозяинъ». Если «хозяинъ», по понятиям староверов, сделался орудием Антихриста, т.е. зла, следовательно, о благодушных отношениях между хозяевами и рабочими не может быть речи и в среде раскольников.

Раскол, по словам Формаковского, представляет из себя нечто в роде федерации политико-религиозных согласий и его общественные идеалы разнообразны. У всех раскольников вообще стремление к самоуправлению гораздо выше, нежели у остального народонаселения. Весьма редки такие примеры, чтобы во взаимных спорах раскольники обращались с жалобой к местным властям, или с тяжбой в суд. При единодушии и братств этих смышленных людей, они находят возможным обходиться без всякой посторонней опеки.

Общий для всех раскольников жизненный идеал выразился в так называемом ими «Беловоды». Издавна все они стремятся в эту сказочную, как думали многие, страну. «В тамошних местах, по словам инок Марка Топозерского, татбы и воровства и прочих противных закону не бывает». Жители Беловодья, которых более полумиллиона, «дани никакому государству не платят». Из сведений, сообщаемых Ядринцевым, можно полагать, что в раскольничьих рассказах о «Беловоды» заключается много правды. В горах Алтая есть места, которые только недавно стали посещаться чиновниками; там действительно текут «белыя» (горные) реки и находятся русские поселения, не знавшие над собой еще недавно никакой посторонней власти. Миф о «Беловоды» был когда-то действительностью и только недавно стал действительно мифом.

Источник: Каблиц И.И Русские диссиденты: Староверы и духовные христиане. СПб., 1881.

15. «Беловодье»

Одна из важнейших особенностей русской истории периода феодализма заключалась в том, что классовые противоречия на Руси развивались в специфических условиях постоянного наличия резервных пространств. Окончательное закрепощение крестьян в XVII–XVIII веках и экономическое наступление помещиков на крестьянское хозяйство и земли устремило массы недовольных крестьян за пределы территорий, освоенных феодальным государством. Необыкновенно быстрое заселение запустевших было пространств «дикого поля», возникновение донского, терского и уральского казачества, быстрое освоение Заволжья и южного Приуралья, завершение колонизации европейского Севера, наконец, не имеющее прецедентов в мировой истории «прохождение» Сибири от Урала до Тихого океана менее чем за одно столетие (1581–1648), главным образом посредством вольной, стихийной, мужицкой колонизации, — все эти факты русской истории могут быть объяснены только стремлением народных масс столь своеобразным способом избавиться от все усиливавшегося феодального гнета.

Пока нельзя установить, когда именно начали возникать социально-утопические легенды, связанные со всеми этими обстоятельствами. Несомненно, что они существовали и до XVII века — выходы крестьян на вольные земли (например, в неосвоенные районы европейского Севера) известны и в значительно более ранние времена, по крайней

мере в XI–XII веках. В XVI веке возникают первые казачьи районы, которые были чрезвычайно своеобразным результатом все тех же «выходов» в области, лежавшие между русскими оборонительными линиями и соседними государствами или народами.

В XVII–XIX веках, когда волны крестьянской колонизации и переселенчества то нарастая, то затихая сменяли одна другую, подобные легенды возникали особенно интенсивно и пользовались особенной популярностью. Наибольший интерес по обилию сохранившихся материалов и широте распространения представляет легенда о Беловодье.

Распространение легенды о Беловодье было связано со специфической конспиративной деятельностью чрезвычайно своеобразной крестьянской анархистской религиозно-общественной организации — сектой «бегунов», или «странников».

Секта «бегунов» — крайнее левое ответвление («толк», «согласие») старообрядчества — возникла, судя по многим данным, во второй половине XVIII века. В сочинениях основоположников «бегунства» Евфимия и Никиты Киселева изложено учение секты. В его основе — общее старообрядческое представление о том, что со времени реформы Никона начался «век антихристов». «Бегуны» доводили это учение до возможного предела, исключали всякие компромиссы и оговорки, которые допускали другие разветвления старообрядчества. Они объявляли воплощением антихриста не только царя и никонианскую церковь, но и все законы и установления правительства, налоги в поборы, рекрутчину, армию, деньги, семью, паспорта, ревизию (т.е. перепись податного населения). Они утверждали, что есть только один выход — порвать все общественные связи и «бежать», т.е. перейти к конспиративному существованию, меня пристанища и не даваясь в руки начальству. Бегство от «начальства», от помещика, из армии возводилось «бегунами» в степень религиозного догмата, получало высшую, по их представлениям, нравственную санкцию. «Бегуны» не были обычными «странниками во Христе» или паломниками к святым местам — для них эти места были такими же «рассадниками антихристовыми».

Во всех работах о «бегунах» ничего не сообщается о какой-либо специфической обрядности, созданной ими, кроме «крещения», которое состояло в торжественном уничтожении паспорта и других официальных документов и проклятиях государству, царю, церкви, чиновникам, армии. В остальном «бегуны» придерживались традиционных догм и форм, созданных до них «Филипповцами» и «Федосеевцами». Их объединяло и вместе с тем отличало от других ответвлений старообрядчества крайне враждебное, бескомпромиссное отношение к тогдашней действительности — «антихристу».

Один из основных догматов «бегунства» — «брань с антихристом», т.е. борьба с этим обществом. По мнению одного из бегунских «учителей» Н.С. Киселева, дело обстоит столь серьезно, что чисто обрядовые расхождения с господствующей церковью (шести- или восьмиконечный крест, двуперстное или трехперстное знамение и т.д.), которые столь упорно отстаивались старообрядцами, уже несущественны. Самое большое преступление, — утверждает он, — «житие, согласное с мыслью антихриста».

В статье «Краткая заметка о странниках или бегунах» И.С. Аксаков писал: «Независимо от идеи первоначального своего происхождения, секта странников обратилась в религиозное оправдание бродяжничества и бегства вообще. Бежал ли солдат из полку, крепостной мужик от барщины, молодая баба от мужа — все православные — они находили оправдание своему поступку в учении странническом, которое возводило бродяжничество в догмат, звание беглого в сан».

С исторической точки зрения самым существенным в движении надо признать то, что свойственный им пафос отрицания феодальной действительности, их ненависть к угнетателям и всей системе угнетения, их осознание невозможности жить по-старому были близки значительному большинству российского крестьянства периода кризиса феодализма и реформ 1860-х годов. «Бегуны» отличались от других слоев крестьянства только последовательностью своего отрицания и тем, что ненависть возводилась ими в религиозный принцип. Поэтому их пропаганда, их тайные листки, песни, легенды активно воспринимались крестьянскими

массами, не принадлежащими к секте, даже не принадлежащими к старообрядчеству или сектантству вообще, которые тоже составляли, кстати говоря, заметную часть русского крестьянства.

В отличие от так называемых мистических сект — духов, молокан и др., — учивших, что «царство божие» находится «внутри нас» и его нужно всячески оберегать, а не искать во внешнем мире, что необходимо думать о самосовершенствовании и спасении собственной души, «бегуны» по-крестьянски жаждали «царства божьего» на земле. Одному из основных своих тезисов — «града настоящего не имамы, а грядущего взыскуем» — они придавали вполне реальное, практическое выражение.

Иногда эти мечты приобретали, несмотря на свою приземленность, религиозные, эсхатологические формы: близок конец мира, придет спаситель на белом коне, сотворит брань с антихристом (в этой брани «бегуны» будут в первых рядах его воинства) и установит после победы над ним тысячелетнее царство справедливости. «Бегунов», однако, не удовлетворяло абстрактное толкование Апокалипсиса. Они вносили в него свои поправки и свою конкретизацию: все это должно произойти в самое ближайшее время и тысячелетнее царство будет совсем рядом, в районе Каспийского моря. Поэтому, не дожидаясь событий, «бегуны» стремились в Астраханскую губернию, селились в «камышках», рыли там землянки для того, чтобы быть поближе к территории будущего «тысячелетнего царства» и вместе с тем уже сейчас уйти из-под опеки начальства. Об этом бегстве к Каспийскому морю говорит и популярная у «бегунов» пословица: «Коль захочешь в камыши, так паспорта не пиши, а захочешь в Разгуляй (т.е. Астрахань), и билет не выправляй».

В литературе по русскому старообрядчеству XIX века отмечалась роль «бегунов» в создании легенды о граде Китеже; это было убедительно подтверждено в советское время в обстоятельном исследовании В.Л. Комаровича. «Бегунам», судя по всему, были хорошо известны религиозно-утопические легенды о Млевских монастырях, о Жигулевских горах и других легендарных «сокровенных» местах, где якобы сохраняется возможность спастись от «антихриста».

Практичный и трезвый, в целом мало склонный к мистицизму крестьянский ум должен был искать более реальных вариантов осуществления социальных (а вместе с тем и религиозных) чаяний и более реальных целей и маршрутов «бегства». Вместе с другими крестьянами «бегуны» бежали в европейские и сибирские казачьи районы, несмотря на то, что, уже в начале XVIII века не только власти, но и сами казаки стремились препятствовать этому движению; они бежали в северные леса, мало освоенные администрацией; они принимали активное участие во все нараставшем ко второй половине XIX века переселенческом движении; наконец, бежали к зарубежным казакам-некрасовцам в Болгарию и Турцию и т.п. На первых порах на новых местах удавалось устроить жизнь на общинно-артельных, т.е. единственно справедливых по крестьянским представлениям началах. Это порождало определенные иллюзии, идеализацию вольных земель без начальства и без социального неравенства, а вслед за этим — слухи, рассказы, песни, легенды, предания о привольной жизни на новых местах. Одной из таких легенд была и беловодская легенда.

Важнейшие источники для изучения истории легенды о Беловодье — «путешественники», тайные листки, писанные крестьянской рукой и распространявшиеся, вероятно, довольно широко. «Путешественник» — это отнюдь не художественное произведение, не поэтическое изложение легенды, а листовка, призывающая идти в Беловодье, и одновременно памятка о том, как можно туда попасть.

Известные списки «Путешественника» и совпадают, и расходятся в ряде существенных моментов. Списки севернорусской редакции называют своим автором и одновременно героем Марка Топозерского; списки второй и сибирской редакций — некоего Михаила. Можно было бы предположить, что Марк и Михаил — два имени одного и того же лица — до и после «бегунского» или иного «крещения» или пострижения. Однако в списках второй и сибирской редакций Михаил не называется Топозерским.

Совпадение некоторых фраз, деталей, собственных имен, географических названий и цифр можно было бы принять за свидетельство того, что все списки восходят к какому-то од-

ному рукописному источнику. В первой и второй редакциях совпадают и сведения о том, что предстоит преодолеть пустившимся в путь после встречи со странноприимцем Иосифом (горы на 300 верст и путь через китайское государство, который займет 44 дня пути), совпадают и другие цифры — количество островов в Беловодье (70), расстояние между ними (500 верст), количество церквей (170 и 40), церковных чинов и т.д. Во всех списках первой и второй редакций есть однотипное обращение к читателю с призывом верить автору, образ жены, спасающейся от змия в расщелинах земных, описание богатств и достоинств чудесной Беловодии, ссылка на пребывание Марка и двух иноков в ней и т.д. Все эти мотивы варьируют в обычных для рукописной традиции пределах. В то же время названия местностей, через которые должен лежать путь желающих достигнуть Беловодья (момент, казалось бы, не менее важный, чем все только что перечисленное), расходятся довольно заметно. Характерно, что расхождения названий начинаются за Екатеринбургом, который был, по-видимому, пределом реальных географических представлений крестьян Европейской части России.

Отметим устойчивость мотивов, которые говорят о причастности составителей и распространителей «Путешественника» к старообрядчеству вообще. Жители Беловодья попали туда, спасаясь «от гонения римских еретиков» или «от гонения римских западных папешских еретиков» или «от Никона патриарха», «от Никона-еретика», причем бежали они туда после разорения Соловецкого монастыря через Ледовитое море. Марк (Михаил) и сопутствовавшие ему два инока попали в Беловодье, разыскивая в восточных странах «древлего благочестия православное священство», которое «весьма нужно ко спасению».

Кроме общих старообрядческих есть и другие приметы, которые и в своей совокупности и в сочетании с уже перечисленными мотивами говорят о происхождении «Путешественника» в бегунской среде. Весь маршрут в Беловодье излагается здесь как путь от «странноприимца» к «странноприимцу» и настойчиво говорится о «пещерах» или «фатерах», в которых можно в случае нужды укрыться: «около их множество пещер тайных»; «около их деревни множе-

ство пещер и в них живут скрытники»; «около их множество пещер скрытых» и т.д. Особенно характерны ссылки на Апокалипсис и «Кириллову книгу об антихристе» Лаврентия Зизания, которые, как известно, были излюбленными книжными источниками «бегунов». В тексте, уместающемся в различных списках на одной-двух страничках, можно отметить, по крайней мере, три реминисценции из «Откровения Иоанна Богослова»: обычный «бегунский» призыв со ссылкой на главу XVIII — «писано бо есть: изыдите из среды сих нечестивых человеки и не прикасаетесь им»; не менее популярный у «бегунов» образ жены, спасавшейся от змия в пустыне в расселинах земных, явно восходящий к главе XII; наконец, упоминание еретицы, которая хочет всем обладать, напоминающей вавилонскую блудницу.

Упоминания об антихристе здесь столь настойчивы, резки и определены («мы вси осквернились зверем лютым антихристом» — в первой редакции, и в противоположность этому о Беловодье: «А тамо не может быть антихрист и не будет» — во второй редакции; в третьей редакции о «фатерах» странноприимцев: «тут есть место, где скрыться от антихристовой руки, есть и люди, которые проведут дальше»), что они представляются несовместимыми с компромиссными по своей природе представлениями и всех разновидностей заволжской «поповщины», и поморской «беспоповщины» XIX века о «чувственном» или «духовном» антихристе. Подобные крайние и непримиримые представления о всеобъемлющем и самом буквальном торжестве «антихриста» в современности были свойственны лишь «бегунам» и некоторым близким к ним ответвлениям старообрядчества («неплательщикам», «лучинковцам», «нетовцам» и др.), которые, однако, не возводили «бегство» от «антихриста» и «брань» с ним в основную догму, придававшую своеобразную окраску всей деятельности секты. Наш же документ не только призывает бежать в Беловодье, но и объявляет, что достигнуть его сможет только тот, кто исполнен решимости оборвать все связи с прошлым: «Неизлишним считаем и то упомянуть, что в землю эту Беловодье только те могут по рассказам одного путешественника достигнуть, которые всеревностное и огнепальное желание

положат вспать не возвратитесь».

В «Путешественнике» рассказ о Беловодье выливается в некую общую формулу — негативную и условную по своей природе. Расположено Беловодье за высокими горами на краю земли; по сведениям, сообщаемым первой и второй редакциями, на берегу «окияна-моря»; по сведениям третьей редакции, за морем («двенадцать суток ходу морем и три дня голодной степью»). В списках первой и второй редакций жители Беловодья живут на 70 больших островах, «а малых и исчислить невозможно»; в третьей редакции об островах прямо не говорится, но и здесь Беловодье мыслится как страна, отделенная морем. Островное положение легендарной страны не случайно. Остров — географическое и вместе с тем поэтическое выражение идеи отдаленности и отъединенное, независимости от ненавистной действительности феодально-крепостнической России, жизни за пределами государства.

Особенно кратко и выразительно формулируют свое отношение к общественному устройству Беловодья списки второй редакции «Путешественника»: «А тамо антихрист не может быть и не будет», т.е. не будет всего, что есть в России — царя, армии, помещиков, податей и поборов, чиновников, паспортов и денег с антихристовой печатью, никонианских попов и т.д. Более того, там вообще нет никакой светской власти, вообще никакой государственной организации: «светского суда не имеют». Единственное, что там есть — это «духовные власти», которые мыслятся, видимо, во вполне идеализированных и демократических формах («и все служат они босы»). Это не значит, что автор «Путешественника», его читатели и распространители мечтали о теократическом, клерикальном государстве. Беловодье рисовалось им как государство без государственной организации, как союз мелких, равных производителей без какой-либо власти, стоящей над ними. Такое устройство представлялось гарантией от всякой «татбы», «воровства» и «пакостей» или чего-либо «противного закону», т.е. всякого гнета, насилия и государственно организованного грабежа. Духовенство, причем не официальное «великороссийское» и «никонианское», а свое, старообрядческое,

сохраняющее «древнее благочестие» и ведущее свою линию от каких-то очных ветвей православия, было, естественно, элементом крестьянской социальной утопии, целиком средневековой по своей природе и своему характеру. Ведь и все Беловодье мыслилось как страна, в которой живут по «божецкому закону».

Наличие духовенства в Беловодье вместе с тем еще не означает, что оно мыслилось организованным в иерархическую, регулярную церковь. Бегуны отрицали всякую организацию как возможный источник угнетения. Известно, например, что в 1863 году один из крупнейших бегунских наставников Н.С. Киселев написал свои «Статьи» — своеобразный документ, в котором предлагал создать стройную систему управления сектой. Однако этот проект на большом Нижнетагильском «соборе» 1864 года не был принят, и секта осталась анархической организацией.

Беловодье не знает войны («и войны ни с кем не имеют»), следовательно, не знает солдатчины и рекрутчины и, тем не менее, беловодские жители «никого к себе не пускают». Этому явному противоречию «Путешественник» находит своеобразное объяснение: так возможно потому, что «отдаленная их страна». В этом сказалось наивное и трагическое по своей неосуществимости стремление уйти так далеко, чтобы не знать ни властей, ни гнета, ни войн, ни православных попов, лишаящих даже возможности «спасения».

Наконец, «Путешественник» говорит о плодородии земель и о богатстве жителей Беловодья, причем во всех известных нам списках эти мотивы выражены в традиционных формулах: «А земные плоды всякия весьма изобильны бывают; родится виноград и сорочинское пшено и другие сласти без числа, злата же и серебра и камелия драгого и бесеру зело много, ему же несть числа, яко и умом непостижимо».

Беловодье мыслилось, вероятно, сельской, крестьянской страной: «Есть и люди и селения большие... А за рекой другое село». Однако есть там и города: Скитай, Кабан.

Лучшим доказательством популярности беловодской легенды и вместе с тем важным источником изучения ее содержания и смысла является длительная история поисков Беловодья крестьянами — выходцами из различных губер-

ний, зарегистрированная в официальных документах, судебных архивах, воспоминаниях современников и участников поисков и сообщениях периодической печати.

Первая документированная попытка искать Беловодье относится к 1825–1826 годам. По сведениям Е. Шмурло, который сослался на дело, хранившееся в архиве Семипалатинского областного управления, осенью 1826 года русские власти получили сообщение о партии беглецов, достигших озера Канас. Последовал специальный «Всемилоостивейший манифест», прощавший беглецам их «вины» и призывавший возвратиться к местам прежнего жительства. Выяснилось, что партия состояла из 43 крестьян, приписанных к Кольваново-Воскресенским заводам (среди них более десяти семей с детьми).

В конце 1830-х годов в архиве Томского губернского правления откладываются документы о деятельности крестьян Земировых из алтайской деревни Солнечной. В деле Земировых сохранилось изложение слухов о Беловодье: «Есть такая страна за границей, где имеется 140 церквей и при них много епископов, которые по святости своей жизни и в морозы ходят босиком. Жизнь там беспечальная. Нет в той стране никаких повинностей и податей, в хозяйственных надобностях во всем там приволье. Главное же, сберегается и процветает на Беловодье святая, ничем не омраченная вера со всеми благодатными средствами спасения. Занесли туда сокровище истинной веры ревностные и благочестивые христиане, убежавшие от гонения еретика Никона».

В 1839 году сведения о беловодской легенде проявились в официальных документах Нижегородской губернии. «В декабре 1839 года, — пишет П.И. Мельников-Печерский, — к семеновскому исправнику Граве представлен был бродяга, взятый в Поломских лесах, где жили и, вероятно, доселе живут в землянках раскольниковские пустынножители, близ керженских скитов. На вопрос, кто он такой, бродяга сказался подданным Японского государства и старообрядцем. Он уверял, что в Японии живет много русских людей — старообрядцев, что там много церквей старообрядческих, есть и архиереи старообрядческие и даже патриарх. Разумеется, все это было принято за сказку. Бродягу как непомнящего род-

ства (он так и сказался) сослал на поселение в Сибирь».

В 1838 и 1839 годах до слуха алтайского начальства непрерывно доходили сигналы о подготовке нового бегства в Беловодье. Д.Н. Беликов связывает это с попыткой переписать деревни Бухтарминской волости, предпринятой барнаульским духовным правлением по указу Томской консистории. Известно, что бухтарминцы от переписи отказались. «В самом начале расследований, — пишет Д.Н. Беликов, — староста деревни Сибирячихи Телегин донес заседателю, что раскольники этой и окрестных деревень действительно что-то замышляют. Не говоря уже о том, что с некоторых пор начали являться в деревнях какие-то из дальних мест празднующиеся люди, многие из здешних обывателей забросили хозяйство и домоводство, тогда как прежде занимались всяким по крестьянскому обиходу делом, со всею решительностью сбывают куда-то вещи, по тяжести неудобные для дальней перевозки, откармливают лошадей и запасаются в больших количествах сухарями, приобретают ружья крупного калибра и, сверх того, ведут оживленные сношения с раскольниками Уймонов, чего прежде не бывало. Не собираются ли на Беловодье? — заключил староста».

Заседатель Немчинов и чиновник горного ведомства Уткин вызвали жандармов и следователей, но предотвратить побег не удалось. В поисках Беловодья на этот раз участвовало до 300 человек из бухтарминских, уймонских, башелакских и других алтайских и других алтайских деревень. Возглавляли побег участники похода 1825 года Прокопий и Степан Огнев и Прокопий Мурзинцев. Через границу перебрались небольшими партиями. Одна из них невдалеке от границы вступила в перестрелку с наспех наряженной погоней. После долгих скитаний беглецы вынуждены были обратиться к властям города Хамя (Хамя) в Гашунской Гоби за много сотен километров от Алтая, и были под конвоем приведены к границе. По дороге часть «беловодцев» во главе со Степаном Огневым убежала из-под стражи и направилась к Черному Иртышу, где им удалось угнать у киргизов более 300 лошадей. Измученные и обнищавшие, они вернулись в свои села лишь в конце июня 1841 года. Здесь их ждали бесконечные судебные преследования и допросы; Огневу,

Мурзинцеву и другим пришлось уйти на много лет в горы.

Клету 1861 года Бобровым удалось собрать новую партию искателей Беловодья в 156 человек из деревень Солоновки, Корабики, Язевой, Беловой, Верх-Бухтарминской и села Сенновского. Сторожевые казачьи пикеты, заранее предупрежденные властями о готовящемся побеге, и на этот раз не смогли удержать беглецов. Партия собралась воедино где-то в районе Черного Иртыша. Вел ее дальше Хрисаиф Бобров, «не перестававший утверждать, что знает в Туркани место “правильное”, где жить привольно, где нет никаких податей, нет священства и властей». «Путешествие» 1861 года было едва ли не самым длительным и трагическим. Одна группа участников побега после долгих скитаний решила вернуться домой и попала в плен к киргизам, другие смогли избежать плена и вернуться домой, основная же масса беглецов разбрелась по областям северо-восточного Китая и зазимовала где кто смог. Весной часть из них снова собралась вместе и двинулась к реке Карачи, где, по словам Х. Боброва, и должно было находиться Беловодье. Однако, кроме солончаков, здесь ничего их не ожидало. Победив, некоторое время, беглецы группами стали пробираться к русской границе. Сколько они еще пространствовали и когда Х. Бобров оставил свое намерение дойти до Карачи, до которой от Туруфана было еще не менее 12 дней пути, достоверно неизвестно. Характерно, что неудача и на этот раз не заставила отказаться от веры в существование Беловодья. Беглецы были уверены, что не нашли заповедную страну потому, что от верховьев Черного Иртыша взяли слишком вправо, в то время как следовало идти левее и, миновав голую степь и два китайских города, они попали бы в Беловодье.

В 1869 году Х. Бобров снова собирает искателей легендарного края и через 29 лет после своего первого путешествия отправляется в новое странствование. Пройдя несколько монгольских областей он добрался до реки Уст и нашел старообрядческое поселение, но тут же покинул его, узнав, что жители подчиняются русским властям. В пути он встретил ученую экспедицию, в составе которой был Павлинов — русский консул в Кульдже. Х. Бобров с товарищами за это время успел побывать в Хобдинском и Улясутайском окр-

гах Западной Монголии, на озерах Ике-Арал и Убсанор, переходил снежный хребет Танну-Ола, побывал у истоков Енисея и Кемчика. Препровождая Х. Боброва в Бийск, Павлинов просил власти не преследовать его, так как Бобров оказал большие услуги экспедиции своим рассказом обо всех районах, в которых он бродил в поисках Беловодья.

К 1898 году относится попытка уральских казаков отыскать «Беловодское царство», описанная в подробном дневнике участника поездки казака Г.Т. Хохлова. Поездка уральских казаков, длившаяся около четырех месяцев (с 22 мая по 24 сентября 1898 года), связана не только с поисками Беловодья, но и со стремлением проверить достоверность грамот некоего Аркадия, выдававшего себя за епископа, поставленного в Беловодье. Впрочем, на первой же странице своего дневника Г.Т. Хохлов пересказывает «Путешественник» Марка Топозерского и напоминает о попытке искать Беловодье, предпринятой уральскими казаками еще до появления самозванного Аркадия. В 1860-е годы уральские «никудышники» (т.е. беспоповцы) под влиянием «Путешественника» «составляли несколько съездов, на которых совещались для отправления депутации в восточные края». Наконец, вероятно, в начале 1870-х годов казак Головского поселка Варсонофий Барышников с двумя товарищами решил попытаться проникнуть в Беловодье морским путем, однако, достигнув Бомбея, вернулся назад.

После появления в севернорусских губерниях Аркадия «Беловодского» уральцы пытались узнать от него, «какими путями выезжал он из Беловодья в Россию». Однако Аркадий, как пишет Хохлов, «уклонялся открыть свой путь и местонахождение Беловодии».

В 1898 году уральцы собрали 2500 рублей и снарядили трех казаков — О.В. Барышникова, В.Д. Максимычева и Г.Т. Хохлова. Им пришлось совершить длительное путешествие по маршруту: Одесса — Константинополь — Сан-Стефано — Афон — Смирна — остров Патмос — Родос — Кипр — Бейрут — Силон — Тир — Акра — Кяфа — Яффа — Иерусалим — Порт-Саид — Суэцкий канал — остров Цейлон (Коломбо) — остров Суматра — Сингапур — Сайгой — Гонконг — Шанхай — Нагасаки — Владивосток — Хабаровск —

Чита — Иркутск — Красноярск — Кинель — Новосергиево. Беловодье, конечно, и на этот раз найдено не было и вера в его существование, судя по дневнику Г.Т. Хохлова, была сильно подорвана.

Впрочем, в 1903 году среди уральских казаков распространился слух о том, что Л.Н. Толстой будто бы посетил Беловодье, присоединился там к старообрядчеству и даже принял какой-то сан. Казаки отправили к Л.Н. Толстому специальную делегацию, которая должна была проверить этот слух. Слух, разумеется, не подтвердился: писатель поспешил разочаровать посетивших его казаков. Попытка уральцев была последним этапом долгой и трагической истории поисков чудесного Беловодья.

Анализ маршрута, зафиксированного в списках «Путешественника», и изложение истории многочисленных попыток поисков Беловодья систематически приводили нас на Алтай, точнее в Бухтарминскую и Уймонскую долины юго-восточного Алтая. Объяснение этого факта можно найти в своеобразной истории русских поселений этих двух алтайских долин.

В середине XVIII века русская колонизация дошла в этом районе Сибири до северных предгорий Алтая. В 1723 году А.П. Демидов построил первые заводы у Синей Сопки, вслед за этим здесь был образован Колывано-Воскресенский округ и построена Колывано-Воскресенская оборонительная линия. Через пять лет оборонительная линия была сдвинута на юг и стала проходить от Тигрецкого форпоста через Ново-Алейск, Устьюбинск до Устькаменогорской на Иртыше. Еще при постройке Колыванской линии стало известно, что стихийная колонизация обогнала правительственные намерения. В 1748 году были задержаны первые беглецы, направлявшиеся вглубь Алтая. В 1761 году во время заготовки материалов за пределами «линии» воинская команда наткнулась на избушку, в которой жило двое русских. Однако поймать их не удалось; они ушли в горы. Стало выясняться, что в некоторых местах Алтая возникли целые деревни беглых крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским заводам, беглых крепостных и рекрутов из западных губерний, беглых ссыльных и беглых старообрядцев. Пересекая ино-

гда (для обмена продуктами) официальную границу, они хранили в тайне существование своих деревень, опасаясь проникновения туда «начальства». Бухтарминская и Уймонская долины, в которых они поселились, оказались в эти десятилетия между государственными границами России и Китая на нейтральной территории, интереса к которой не проявляло ни одно, ни другое правительство, благодаря чему и оказалась возможна своеобразная тайная колонизация этих плодороднейших мест. По-видимому, уже к середине XVIII века Бухтарма и Уймон (ответвление той же Бухтарминской общины) приобретают определенную популярность среди сибирских крестьян.

Несколько позже, возможно, к концу XVIII века, слухи о существующей мужицкой земле, без чиновников и попов, достигли и европейских губерний. Есть сведения о том, что во второй половине XVIII века именно эти две долины и назывались Беловодьем. Некоторые авторы объясняют это название белым цветом реки Бухтармы, ее притоков и верхней Катунь, стекающих с ледников и снежных хребтов, либо белой пеной стремительных горных речек Алтая. Иногда вспоминается местное алтайское название снеговых гор — «белки», гора Белуха, приток Бухтармы реки Белая, деревня Белая или Беловая в долине Бухтармы и т.д.

К концу XVIII века бухтарминцы и уймонцы начинают испытывать трудности. К ним все ближе подходят «киргызы» (казахи), теснимые русской колонизацией Средней Азии. Плодородные долины Бухтармы и Уймона постигает трехлетний неурожай, преодолеть который при хозяйственной изолированности бухтарминцев было крайне затруднительно. Все это приводит к крушению идеи изолированной и вольной жизни на вольной земле. Бухтарминцев ожидала участь, подобная той, которая постигла другие группы крестьян, пытавшиеся поставить себя вне государства и общественной системы феодализма (казачество, переселенцев на новые земли, обитателей скитов и «общежителства» в лесных дебрях, беглецов на ничейные земли и за рубеж и т.п.) — возвращение в лоно государства и экономическое и социальное разложение.

Через посредство горного начальства Колыванско-Воскресенского горного округа бухтарминцы снеслись с русским правительством. Рескриптом Екатерины II от 15 сентября 1791 года они были приняты в состав России и объявлены «ясащными инородцами», т.е. подданными с обязанностью платить ясак, но свободными от всех других повинностей, включая обязанность подчиняться присылаемой администрации, поставлять рекрутов и т.д. Екатерина пошла на столь парадоксальное решение вопроса для того, чтобы удержать за Россией Южный Алтай, освоенный уже русскими крестьянами. Правительство, по-видимому, рассчитывало, что такая поправка беглым мужикам в связи с удаленностью Бухтармы не скажется заметно на настроениях крепостной массы. Дальнейшая история показала, что оно ошиблось.

С 1791 по 1878 год бухтарминцы упорно отстаивали свое особое положение и свои привилегии; чиновничество же Томской губернии все менее и менее с ними считалось. Н. Ядринцев писал: «Из дальнейшей истории их известно, что они долго держались на стороне и не ладили с местным начальством, так что земская полиция боялась заезжать к ним. Они считались отчаянными и отстаивали свободу. Действительно, по рассказам путешественников, каменщики до последнего времени сохранили независимый и отважный характер». Бухтарминцы стремились сохранить общинно-артельное управление, право на собственный суд. Правительство же то приписывало их к особой инородческой управе, то присылало исправников и заседателей, то пыталось устроить церковную перепись. В 1878 году все льготы бухтарминцев были ликвидированы, их зачислили в общий крестьянский оклад, стали брать рекрутов и т.д.

Бухтарминцы иногда отвечали открытым сопротивлением или неподчинением, но чаще побегами в горы, беспрепятственными поисками Беловодья. Изменение порядков в Бухтарме, нараставшая неудовлетворенность бухтарминцев привели к тому, что Бухтарма и Уймон перестали считаться Беловодьем. Наступление на права и традиционные порядки бухтарминцев породило в них желание искать новые земли, где они могли бы поселиться привольно. «Начали

А.И. Герцен. По своему обычаю

носиться мифы о новых странах, где живется привольно, где нет гонений на веру, и где не платят податей».

Источник: Чистов К.В. «Русская народная утопия»; СПб: Дмитрий Буланин, 2003.

А.И. Герцен. Про народ и закон

Русский крестьянин, при своем отвращении от личной поземельной собственности, при своей беззаботной и ленивой природе, мало-помалу и незаметно запутался в сети немецкой бюрократии и помещичьей власти. Он подвергся этому унижающему злу со страдательной покорностью, но он не поверил ни правам помещика, ни правде судов, ни законности исполнительной власти. Вот уже почти 200 лет, как все его существование стало глухой, отрицательной оппозицией против существующего порядка вещей. Он покоряется притеснению, он терпит, но не причастен ничему, что происходит вне сельской общины.

Имя царя еще возбуждает в народе суеверное сочувствие; не перед царем Николаем благоговееет народ, но перед отвлеченной идеей, перед мифом; в народном воображении царь представляется грозным мстителем, осуществлением правды, вечным провидением.

После царя одно духовенство могло бы иметь влияние на православную Россию. Оно одно представляет в правительственных сферах старую Русь; духовенство не бреет бороды и тем самым осталось на стороне народа. Народ с доверием слушает монахов. Но монахи и высшее духовенство, исключительно занятые жизнью загробной, нимало не заботятся о народе. Попы же утратили всякое влияние вслед-

ствие жадности, пьянства и близких сношений с полицией. И здесь народ уважает идею, но не личности.

Что до раскольников, то они ненавидят и лицо, и идею, и попа и царя.

Кроме царя и духовенства, все элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянин находится, в буквальном смысле слова, вне закона. Суд ему не заступник, и все его участие в существующем порядке дел ограничивается двойным налогом, тяготеющим на нем и который он вносит трудом и кровью. Отверженный всеми, он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб, и что задача правительства и помещиков состоит в том, как бы вымучить из него побольше труда, побольше рекрут, побольше денег. Поняв это и одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем. Иначе и быть не может: если б он говорил правду, он тем самым признавал бы над собою их власть; если б он их не обкрадывал (заметьте, что со стороны крестьянина считают покражей утайку части произведений собственного труда), он тем самым признавал бы законность их требований, права помещиков и справедливость судей.

Надобно видеть русского крестьянина перед судом, чтобы вполне понять его положение; надобно видеть его убитое лицо, его пугливый, испытующий взор, чтобы понять, что это военнопленный перед военным советом, путник перед шайкой разбойников. С первого взгляда заметно, что жертва не имеет ни малейшего доверия к этим враждебным, безжалостным, ненасытным грабителям, которые допрашивают, терзают и обирают его. Он знает, что если у него есть деньги, то он будет прав, если нет — виноват.

Русский народ говорит своим старым языком; судьи и подьячие пишут новым бюрократическим языком, уродливым и едва понятным, — они наполняют целые in-folio грамматическими необразностями и скороговоркой отчитывают крестьянину эту чепуху. Понимай как знаешь и выпутывайся как умеешь. Крестьянин видит, к чему это клонится, и держит себя осторожно. Он не скажет лишнего слова, он скрывает свою тревогу и стоит молча, прикидываясь дураком.

Крестьянин, оправданный судом, плетется домой такой же печальный, как после приговора. В обоих случаях решение кажется ему делом произвола или случайности.

Таким образом, когда его призывают в свидетели, он упорно отзывается неведением, даже против самой неопровержимой очевидности. Приговор суда не марают человека в глазах русского народа. Ссылные, каторжные слывут у него несчастными.

Жизнь русского народа до сих пор ограничивалась общиной; только в отношении к общине и ее членам признает он за собою права и обязанности. Вне общины все ему кажется основанным на насилии. Роковая сторона его характера состоит в том, что он покоряется этому насилию, а не в том, что он отрицает его по-своему и старается оградить себя хитростью. Ложь перед судьей, поставленным незаконной властью, гораздо откровеннее, чем лицемерное уважение к присяжным, подтасованным купленным префектом. Народ уважает только те установления, в которых отразились присущие ему понятия о законе и праве.

Есть факт, несомненный для всякого, кто близко познакомится с русским народом. Крестьяне редко обманывают друг друга; между ними господствует почти неограниченное доверие, они не знают контрактов и письменных условий. Вопросы о размежевании полос по необходимости бывают очень сложны при беспрестанных разделах земель по числу тягол; между тем дело обходится без жалоб и процессов. Помещики и правительство жадно ищут случая для вмешательства; но этот случай не представляется. Мелкие несогласия повергаются на суд старикам или миру, и их решение бесприкословно принимается всеми. Точно так же в артелях. Артели составляют часто из нескольких сотен работников, соединяющихся на определенное время, например на год. По прошествии года работники делят между собою заработки по трудам каждого и по общему соглашению. Полиция никогда не имеет удовольствия вмешиваться в их счета. Почти всегда артель отвечает за каждого из артельщиков.

Еще теснее становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники. От времени до времени правительство устраивает дикий набег на каку-

ю-нибудь раскольничью деревню. Крестьян сажают в тюрьму, ссылают, все это без всякого плана, без последовательности, без всякого повода и нужды, единственно для того, чтобы удовлетворить требованиям духовенства и дать занятие полиции. При этих-то охотах по раскольникам обнаруживается вновь характер русских крестьян — солидарность, связывающая их между собой. Тогда-то надобно видеть, как они успевают обманывать полицию, спасать своих братьев, скрывать священные книги и сосуды, как они претерпевают, не проговариваясь, самые ужасные муки. Пусть укажут мне хоть один случай, в котором бы раскольничья община была выдана крестьянином, хотя бы и православным?

Это свойство русского характера делает полицейские следствия чрезвычайно затруднительными. Нельзя этому не порадоваться от души. У русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко народная; немногое, что известно ему из евангелия, поддерживает ее; явная несправедливость помещиков привязывает его еще более к его правам и к общинному устройству. Крестьянская община, принадлежавшая князю Козловскому, откупилась на волю. Землю разделили между крестьянами сообразно суммам, внесенным каждым из них в складчину для выкупа. Это распоряжение, по-видимому, было самое естественное и справедливое. Однако ж крестьяне нашли его столь неудобным и не согласным с их обычаями, что они решились распределить между собой всю сумму выкупа, как бы долг, лежащий на общине, и разделить земли по принятому обыкновению.

Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе. Это обстоятельство бесконечно важно для России.

(...)

Очень распространенная в России сказка гласит, что царь, подозревая жену в неверности, запер ее с сыном в бочку, по-

том велел засмолить бочку и бросить в море.

Много лет плавала бочка по морю.

Между тем царевич рос не по дням, а по часам и уже стал упираться ногами и головой в донья бочки. С каждым днем становилось ему теснее да теснее. Однажды сказал он матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться вволюшку.

— Светик мой царевич,— отвечала мать,— не протягивайся. Бочка лопнет, и ты утонешь в соленой воде.

Царевич смолк и, подумавши, сказал:

— Протянусь, матушка; лучше раз протянуться вволюшку да умереть.

В этой сказке, милостивый государь, вся наша история. Горе России, если в ней переведутся смелые люди, рискующие всем, чтобы хоть раз протянуться вволюшку. Но этого бояться нечего...

common place

издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Бакен»,
«Фаренгейт 451», «Пиотровский»,
книжном клубе «Петровский»,
а также заказать с доставкой на сайте www.libroroom.ru
Больше информации о проекте: vk.com/common_place

ПО СВОЕМУ ОБЫЧАЮ

Формы жизни русского народа

Обложка — Вячеслав Н.
Редактор — Екатерина Гончаренко
Верстка — Екатерина Аверьянова

Подписано в печать 22.07.2015
Формат 84x108/32
Тираж 700 экз.
Заказ № 161

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80

СВОБОДУ УЗНИКАМ
#6 МАЯ